

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

3 • 2020

“History and Archives”
Academic Journal
There are 4 issues of the journal a year

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included in the Russian Science Citation Index

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.09 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

07.00.02 Russian History

07.00.03 World History

05.25.02 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal, the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

tel: 8-495-250-68-68

e-mail: ioad@yandex.ru

«История и архивы»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ).

Научный журнал «История и архивы» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история

05.25.02 Документалистика, документоведение, архивоведение

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив–исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8-495-250-68-68

электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

F.G. Taratorkin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.A. Dvoenosova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saratov, Russian Federation

S.V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Sh. Kecskemeti, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ecole Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.P. Kozlov, Dr. of Sci. (History), RAN correspondent member, professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.N. Lanskoj, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria

N.V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Senin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.K. Sorokin, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Tetsuya, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan

Yu. Tonai, Ph.D., associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Ф.Г. Тараторкин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

Г.А. Двоеносова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российская Федерация

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.В. Карпенко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ш. Кечкемети, доктор филологии, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.П. Козлов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С. Петкова, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария

Н.В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Сенин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.К. Сорокин, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация

С. Тэцуя, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония

Ю. Тонаи, Ph.D., доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные редакторы:

Хорхордина Т.И., доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Халилова Л.А., кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

В.Н. Романишина

Роль участницы Гражданской войны Г.И. Окуловой
в создании школы агитаторов и инструкторов ВЦИК 12

И.Х. Кадырова, Н.А. Пугачева, Е.П. Шалацкая

О развертывании эвакуогоспиталей в Астраханском крае
в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 19

Историография, источниковедение, и методы исторического исследования

А.Д. Рогатых

«У аппарата Сталин...»: Записи переговоров
по прямому проводу как источник
по истории Великой Отечественной войны 42

История культуры в документальном наследии

М.В. Мишуrowsкая

Редактор «России»: Биография И.Г. Лежнева –
архивные документы и публикации 52

Православие в истории

Архимандрит Дамаскин (В.А. Орловский)

Канонизация святых и псевдоканонизация
усопших подвижников. Проблемы и решения 69

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

И.В. Сабенникова

Архивы русской эмиграции в контексте исторических событий 87

Н.И. Химина

Создание нормативно-методической базы основных направлений деятельности архивных учреждений в 1930–1940-е гг.	99
--	----

М.Ф. Шумейко

Белорусские архивы в годы Второй мировой войны	112
--	-----

В фондах отечественных и зарубежных архивов

Н.В. Банникова

Документы архива британской газеты «Таймс» о деятельности журналиста Стэнли Вашбурна в расположении российских войск в Первую мировую войну	133
---	-----

У книжной полки

В.С. Мингалев

«Вот – моя деревня...» (О новой книге В.П. Козлова)	142
---	-----

CONTENTS

Russian History

V. Romanishina

- The role of G.I. Okulova, a participant in the Russian Civil War,
in the creation of the school of agitators and instructors
of the All-Russian Central Executive Committee 12

I. Kadyrova, N. Pugacheva, E. Shalatskaya

- On the deployment of evacuation hospitals in the Astrakhan region
during the Great Patriotic War of 1941–1945 19

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

A. Rogatykh

- “You’ve been put through to Stalin...”
Direct wire talks recording as a source
on the Great Patriotic War history 42

History of culture in documentary heritage

M. Mishurovskaya

- Editor of the “Russia” magazine. Biography
of I.G. Lezhnev – archival documents and publications 52

Orthodox Christianity in the History of Humanity

Archimandrite Damaskin (V.A. Orlovskiy)

- Canonization of saints and pseudo-canonization
of deceased ascetics. Problems and Solutions 69

Archives Administration and Records Management: History, Theory, Procedures

I. Sabennikova

- Archives of the Russian diaspora in the context
of historical events 87

N. Khimina

Development of the regulatory and methodological basis of the main activities of archival institutions in the 1930s – 1940s	99
---	----

M. Shumeiko

Belarusian archives during the years of World War II	112
--	-----

In the funds of Russian and foreign archives

N. Bannikova

Documents from The Times Newspapers Ltd Archive about the activities of journalist Stanley Washburn in the location of Russian troops in the First World War	133
--	-----

Book Reviews

V. Mingalev

“Here is my village...” (About V.P. Kozlov’s new book)	142
--	-----

Роль участницы Гражданской войны Г.И. Окуловой в создании школы агитаторов и инструкторов ВЦИК

Вероника Н. Романишина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, romanishina.v@rggu.ru*

Аннотация. В статье на основе документов из личного фонда ГА РФ рассматриваются основные вехи биографии Глафиры Ивановны Окуловой (Теодорович).

Окончила педагогические курсы при обществе воспитанниц и учительниц в Москве. С восемнадцати лет принимала активное участие в российском революционном движении; неоднократно находилась под арестом и в ссылке. Член Коммунистической партии с 1899 г., агент нелегальной газеты «Искра». Проводила агитационную и партийную работу в Киеве, Иваново-Вознесенске, Самаре, Петербурге, Москве.

В 1903–1922 гг. состояла в браке с И.А. Теодоровичем, революционером и партийным деятелем; родила двоих детей.

После Октября 1917 г. – член ВЦИК и его Президиума. Принимала участие в создании школы агитаторов и инструкторов ВЦИК.

В годы Гражданской войны – начальник политотдела Восточного фронта и член РВС 1-й, 8-й и Запасной армий. С 1921 г. на партийной и научно-педагогической работе.

В период Великой Отечественной войны была начальником интерната эвакуированных на Урал детей. После войны работала старшим научным сотрудником в Музее Революции СССР. В 1956 г. была награждена орденом Ленина.

Ключевые слова: Глафира Ивановна Окулова (Теодорович), революционное движение, Гражданская война, школа агитаторов и инструкторов ВЦИК

Для цитирования: Романишина В.Н. Роль участницы Гражданской войны Г.И. Окуловой в создании школы агитаторов и инструкторов ВЦИК // История и архивы. 2020. № 3. С. 12–18. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-12-18

The role of G.I. Okulova, a participant in the Russian Civil War, in the creation of the school of agitators and instructors of the All-Russian Central Executive Committee

Veronika N. Romanishina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, romanishina.v@rggu.ru*

Abstract. The article, based on the documents from the personal fund of the State Archives of the Russian Federation, examines the major milestones in the biography of Glafira Ivanovna Okulova (Teodorovich).

She graduated from the Teacher Training Courses at the Society of Pupils and Teachers in Moscow. From the age of eighteen, she took an active part in the Russian revolutionary movement, she was repeatedly arrested and exiled. She has been a member of the Communist party since 1899, an agent of the illegal newspaper *Iskra*. She conducted campaigning and party work in Kiev, Ivanovo-Voznesensk, Samara, St. Petersburg, and Moscow.

In 1903–1922 she was married I.A. Teodorovich, a revolutionary and party leader; she gave birth to two children.

After October 1917, he was a member of the VTSIK and its Presidium. She took part in the creation of the school of agitators and instructors of the All-Russian Central Executive Committee.

During the Civil War, he was the head of the Political department of the Eastern front and a member of the RVS of the 1st, 8th and Reserve armies. Since 1921, he had been doing party and scientific-pedagogical work.

During the Great Patriotic War, she was the head of a boarding school for children evacuated to the Urals. After the war, she worked as a senior researcher at the Museum of the Revolution of the USSR. In 1956, she was awarded the order of Lenin.

Keywords: Glafira Ivanovna Okulova (Teodorovich), revolutionary movement, the Russian Civil War, school of agitators and instructors of the All-Russian Central Executive Committee

For citation: Romanishina, V.N. (2020), “The role of G.I. Okulova, a participant in the Russian Civil War, in the creation of the school of agitators and instructors of the All-Russian Central Executive Committee”, *History and Archives*, no. 3, pp. 12–18, DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-12-18

Среди архивных документов личного фонда в ГА РФ одной из участниц Гражданской войны, Глафиры Ивановны Окуловой (Теодорович), обнаружилась авторизированная рукопись ее

воспоминаний (Ф. Р-5326. Оп. 1), в которых есть эпизод о создании школы агитаторов и инструкторов ВЦИК¹, впоследствии переименованной в университет им. Я.М. Свердлова и располагавшейся в одном из зданий нынешнего Российского государственного гуманитарного университета. Глафира Ивановна, как заведующая Агитационным отделом ВЦИК, была в числе основателей упомянутой школы.

Г.И. Окулова (1878–1957) родилась в Минусинском уезде Енисейской губернии в рабоче-крестьянской семье. По окончании семи классов красноярской гимназии в 1896 г., Глафира Ивановна поступила на педагогические курсы при обществе воспитанниц и учительниц в Москве. Осенью 1896 г., после участия в панихиде на могилах жертв Ходынской катастрофы на Ваганьковском кладбище, переросшей в демонстрацию, она была арестована и выслана в Сибирь, в родные края, под гласный надзор полиции. В минусинской ссылке Глафира Ивановна познакомилась с сосланными сюда ранее народниками А.В. Тырковым, Ф.Я. Коном, Н.С. Тютчевым, а также с революционерами Г.М. Кржижановским, Н.К. Крупской, В.И. Ульяновым (Лениным), Я.М. Свердловым и др. В восемнадцать лет проникшись социалистическими идеями, она постепенно втянулась в революционную деятельность.

По истечении срока ссылки в феврале 1899 г. Глафира Ивановна, которой был запрещен въезд в столицы, выехала в Киев, где начала свою партийную работу в пропагандистских кружках, которую продолжила в Полтаве и Иваново-Вознесенске. В феврале 1902 г. она снова была арестована и выслана в Чернигов, откуда нелегально выехала в Москву и работала в качестве агента Самарского бюро «Искры».

В декабре 1902 г. последовал новый арест, годичное заключение в Таганской тюрьме, где в июне 1903 г. она обвенчалась с И.А. Теодоровичем, членом Московского комитета партии. Оба были сосланы в Якутию, где у них родились двое детей (выжила дочь Нина). В конце 1905 г. Окулова была амнистирована и вернулась в Петербург. Занималась партийной работой в Василеостровском и Центральном районах. В 1907 г. в семье Окуловой–Теодорович родился сын Константин. Домашние заботы практически полностью легли на женские плечи. И.А. Теодорович продолжал подпольную партийную работу и редко бывал с семьей. В 1911 г. он был арестован,

¹ ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет – высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике (РСФСР) в 1917–1937 гг. Избирался Всероссийским съездом Советов и действовал в период между съездами.

и Глафира Ивановна вместе с детьми выехала к мужу в село Александровское Иркутской губернии, куда он был сослан. Зарабатывая частными уроками, Окулова оказывала помощь каторжанам, поддерживала связь с партией. В 1913 г., по окончании срока ссылки, семья переехала в Тайшет Иркутской губернии. Кроме партийной работы Глафира Ивановна принимала активное участие в постановке любительских спектаклей, выступала с художественным чтением на концертах.

Летом 1916 г. Глафира Ивановна с детьми переехала к родным в Красноярск, где ее застала Февральская революция. Она активно участвовала в митингах и во всех революционных преобразованиях, была избрана членом Красноярского губкома и членом Президиума Красноярского Губисполкома. Октябрьские события 1917 г. совпали с переездом Окуловой в столицу и разводом с мужем (в 1922 г. она вернула свою девичью фамилию). С января 1918 г. Глафира Ивановна работала в Петрограде, потом – в Москве; до декабря 1918 г. была членом ВЦИК и членом Президиума ВЦИК.

С мая 1918 г. по поручению ВЦИК и лично Я.М. Свердлова Г.И. Окулова занималась организацией курсов агитаторов и инструкторов ВЦИК. Она вспоминала, что первоначально для этих курсов был выделен особняк – дом № 6 на улице Малая Дмитровка, в котором некогда проходили купеческие собрания. В здании наблюдалось полное запустение, поэтому пришлось не столько налаживать учебный процесс, сколько заниматься наведением элементарного порядка.

Первых слушателей в количестве 75 человек предоставили районные комитеты партии. Среди лекторов были известные политические деятели, в том числе наркомы СНК, за которыми из-за их занятости приходилось «гоняться» по разным заседаниям и собраниям. В отсутствие лектора его заменяла Глафира Ивановна, которая проводила беседы на важные темы, прежде всего о текущем положении в стране. Один из первых проектов программы курсов, ориентированных на две недели, был написан председателем ВЦИК Я.М. Свердловым.

Предполагалось, что курсы будут непродолжительными. Как писала Глафира Ивановна, «в тот момент темп жизни был таков, что казалось, будто и двухнедельный курс может дать что-то серьезное и необходимое»². Но практически сразу стало ясно, что за такой короткий срок изложить весь материал не удастся, поэтому продолжительность курсов была увеличена до пяти недель.

Второй набор, состоявшийся в июле, в условиях разгоравшейся Гражданской войны, дал уже 200 курсантов, но в связи с вос-

² ГАРФ. Ф. Р-5326. Оп. 1. Д. 100. Л. 4.

станием чехословацкого корпуса многие из них уехали на фронт. Третий набор курсантов был сформирован из крестьян, собранных по радиотелеграмме Свердлова, предписывавшей комитетам бедноты направить в школу по одному человеку. Приехало 700 человек, и срочно пришлось останавливать прибывающий поток. Под общежитие была оборудована часть 3-го Дома Советов на Садовой улице. В связи с увеличением количества курсантов для школы было выделено здание Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского – дом № 6 на Миусской площади.

Г.И. Окулова считала свою миссию по организации курсов агитаторов и инструкторов ВЦИК выполненной и просилась на фронт. После нескольких настойчивых попыток она добилась у председателя ВЦИК Я.М. Свердлова командирования на Восточный фронт, где до апреля 1920 г. исполняла обязанности начальника политотдела фронта, потом члена РВС 1-й армии, 8-й и Запасной армии Республики. В двух последних армиях Глафира Ивановна являлась также начальником политотделов. Приходилось решать самые разные насущные проблемы. Так, во время отступления 8-й армии часть полка, укомплектованного крестьянами, отказалась идти на позиции. В полк отправилась группа политработников. Убедительная речь, произнесенная Г.И. Окуловой, закончилась при всеобщем одобрении, а рано утром полк занял новые позиции и начал наступление. Этот случай не был единственным. Приходилось не только проводить агитационную работу, писать листовки, статьи и заметки в красноармейскую газету «Набат Революции», но и наступать и отступать вместе с армиями.

После Гражданской войны к своему детищу – курсам агитаторов и инструкторов ВЦИК – Глафира Ивановна вернулась. Сами курсы в январе 1919 г. были переименованы в школу советской работы, а в июле – в Коммунистический университет, названный в честь Я.М. Свердлова, умершего в марте от «испанки». Период обучения в университете составлял сначала полгода, затем был увеличен до четырех лет. В.И. Ленин не только интересовался работой университета, но и принимал участие в разработке учебной программы и несколько раз выступал перед студентами. Один из выпускников, Петр Глебов из Тулы, впоследствии вспоминал, что когда он первый раз приехал учиться, то «школа была полупустой», а спустя три года, когда он вернулся с фронта для продолжения обучения, «не верил своим глазам»: «то, что было создано за три года революции, было бы совершенно невероятным для мирного времени»³. В дальнейшем Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова был реорганизован в Высший коммунистический сельскохозяйствен-

³ ГАРФ. Ф. Р-5326. Оп. 1. Д. 150. Л. 1–2.

ный университет им. Я.М. Свердлова (1932 г.), задачей которого была подготовка руководящих кадров для колхозов и совхозов. В январе 1938 г. университет был закрыт. После войны в здании Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского разместилась Высшая партийная школа при ЦК КПСС (ВППШ), а в 1991 г. – Российский государственный гуманитарный университет.

Судьба Глафиры Ивановны витиеватыми путями, но все-таки вывела ее к продолжению образовательно-просветительской деятельности. В 1920-е гг. она была назначена заведующей Московским губполитпросветом и занималась созданием изб-читален.

В 1930-е гг. Окулова была назначена ректором Уральского коммунистического университета им. В.И. Ленина, позже – ректором II Московской Высшей коммунистической школы сельского хозяйства (ВКСХШ⁴) в Рязани, ректором I Московской ВКСХШ. Кроме исполнения ректорских обязанностей, ремонта зданий, где размещались учебные заведения, она читала курс лекций по истории партии.

В 1937 г. в связи с арестом членов семьи (бывшего мужа И.А. Теодоровича, зятя Е.С. Казанского, брата А.И. Окулова, репрессированных и впоследствии посмертно реабилитированных) Глафира Ивановна была снята с работы – «за притупление революционной бдительности». С трудом ей удалось устроиться младшим научным сотрудником в Музей детской книги.

С началом Великой Отечественной войны, несмотря на свои 63 года, она просила использовать ее опыт как участницы Гражданской войны. Летом 1941 г. она была направлена педагогом в интернат в «Белые броды» г. Ступино Каширского района Московской области, затем назначена начальником интерната 25-й школы деревни Секирино Скопинского района Рязанской области. В августе Глафира Ивановна с группой детей – около ста человек – выехала на Урал, в деревню Вятчана Пермской области, где в 1941–1943 гг. успешно работал интернат под ее руководством.

После войны до выхода на пенсию в 1955 г. Г.И. Окулова работала научным сотрудником в Музее революции, собирая и обрабатывая фонды ее друзей и соратников – М.И. Калинина, Я.М. Свердлова, Г.М. Кржижановского. Продолжала просветительскую работу,

⁴ В соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 21.09.1932 г. «Об организации высших коммунистических сельскохозяйственных школ» в целях подготовки квалифицированных руководящих работников для колхозов, МТС, совхозов и районных партийно-советских организаций было решено реорганизовать существующие коммунистические университеты в Высшие коммунистические школы сельского хозяйства (ВКСХШ).

встречаясь со школьниками, выпускниками различных учебных заведений, в которых когда-то работала. До конца своих дней эта стойкая женщина придерживалась девиза, который однажды записала в своем дневнике: «Жить до смерти. Давать радость людям».

Источники

Ложечко А. Две ссылки // Женщины русской революции. М.: Политиздат, 1968. 574 с.

Окулова-Теодорович Г. Агенты «Искры» // Женщины в революции / Сост. А.В. Артюхина, А.И. Вакурова и др. М.: Госполитиздат, 1959. 471 с.

Окулова Н.М. Уральский род Окуловых. История и судьба. М.: Комментарий, 2018. 78 с.

Информация об авторе

Вероника Н. Романишина, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; romanishina.v@rggu.ru

Information about the author

Veronika N. Romanishina, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; romanishina.v@rggu.ru

О развертывании эвакогоспиталей в Астраханском крае в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ильмира Х. Кадырова

*Государственный архив Астраханской области,
Астрахань, Россия, astrahangasd@yandex.ru*

Наталья А. Пугачева

*Государственный архив Астраханской области,
Астрахань, Россия, astrahangasd@yandex.ru*

Екатерина П. Шалацкая

*Государственный архив Астраханской области,
Астрахань, Россия, astrahangasd@yandex.ru*

Аннотация. На основе документов Государственного архива Астраханской области в статье рассматриваются вопросы развертывания госпиталей в Астраханском крае в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В годы войны Астраханский край являлся столицей госпиталей на юге России. По данным астраханского военного комиссариата, в Астрахани и области было сформировано свыше 80 госпиталей. Но количество эвакогоспиталей в астраханском крае не было постоянным и зависело от конкретной обстановки на фронте. Авторы попытались рассмотреть и проанализировать роль местных партийно-государственных органов в решении материально-бытового обслуживания, организации питания раненых и больных, снабжения лекарствами и медикаментами лечебные учреждения. В условиях военного времени важнейшей задачей лечебных учреждений было недопущение возникновения и распространения эпидемий и инфекций среди населения. В госпиталях особое внимание уделялось проведению санитарно-противоэпидемических мероприятий и соблюдению санитарно-гигиенического режима. Значительное внимание в статье уделено новым методам лечения раненых и обмену опытом медицинского обслуживания в эвакогоспиталях. В статье подчеркнута огромная роль медицинского персонала и рассмотрена работа астраханской окружной станции переливания крови.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакогоспитали Астрахани, постановления Астраханского городского комитета обороны, Государственный архив Астраханской области, Астрахань, область

Для цитирования: Кадырова И.Х., Пугачева Н.А., Шалацкая Е.П. О развертывании эвакогоспиталей в Астраханском крае в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // История и архивы. 2020. № 3. С. 19–41. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-19-41

On the deployment of evacuation hospitals in the Astrakhan region during the Great Patriotic War of 1941–1945

Il'mira H. Kadyrova

*State Archive of the Astrakhan Region,
Astrakhan, Russia, astrahangasd@yandex.ru*

Natal'ya A. Pugacheva

*State Archive of the Astrakhan Region,
Astrakhan, Russia, astrahangasd@yandex.ru*

Ekaterina P. Shalatskaya

*State Archive of the Astrakhan Region,
Astrakhan, Russia, astrahangasd@yandex.ru*

Abstract. Based on the documents of the State Archives of the Astrakhan region, the article discusses the deployment of hospitals in Astrakhan and the Astrakhan region during the Great Patriotic War of 1941–1945. During the war, the Astrakhan region was the capital of hospitals in the South of Russia. According to the Astrakhan military Commissariat, more than 80 hospitals were founded in Astrakhan and the region. But the number of evacuation hospitals in the Astrakhan area was not constant and depended on the specific situation at the front. The authors try to consider and analyze the role of the local party and state bodies in the solution of material and consumer services, in the catering for the wounded and the sick, and in the supply of medicines to medical institutions. Under wartime conditions, the most important task of the medical institutions was to prevent the emergence and spread of epidemics and infections among the population. In hospitals, special attention was paid to the implementation of sanitary and anti-epidemic measures and compliance with the sanitary and hygienic regime. Considerable attention is paid to the new methods of treatment of the wounded and the exchange of experience

of medical services in evacuation hospitals. The article highlights the huge role of medical personnel and examines the work of the Astrakhan region blood transfusion station.

Keywords: Great Patriotic War, evacuation hospitals of Astrakhan, Resolutions of the Astrakhan City Defense Committee, State Archives of the Astrakhan region, Astrakhan, region

For citation: Kadyrova, I.H., Pugacheva, N.A. and Shalatskaya, E.P. (2020), "On the deployment of evacuation hospitals in the Astrakhan region during the Great Patriotic War of 1941–1945", *History and Archives*, no. 3, pp. 19–41, DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-19-41

С началом боевых действий одной из главных задач, вставших перед Государственным комитетом обороны, стала работа по развёртыванию эвакуационных госпиталей на всей тыловой части страны. Главной целью этой работы стало оказание медицинской помощи раненым для скорейшего восстановления боеспособности и возвращения их в строй.

Первые документальные сведения о госпиталях появились в Астрахани 25 июня 1941 г., спустя всего три дня с момента начала войны. В конце июня 1941 г. исполком Астраханского окрсовета депутатов трудящихся провел заседание в суженном составе, в результате которого был принят ряд решений, направленных на организацию работы по развёртыванию госпиталей. Так, Астраханский горкоммунотдел должен был обеспечить госпитали необходимым количеством материалов для переоборудования зданий, а горисполком – выявить в хозяйственных организациях наличие строительных материалов, наложить на них бронь и в случае необходимости использовать на окончание работ по переоборудованию госпиталей. Срок открытия всех госпиталей устанавливался следующий: 29 июня, 18 часов вечера¹.

Вся персональная ответственность за обеспечение работ по подготовке госпиталей в городе была возложена на секретаря астраханского горкома партии Бгатова. В сжатые сроки было поручено заготовить топливо, оборудование, инвентарь. Освобождались здания, подготавливались подъездные пути.

Город готовился к прибытию раненых. К 1 июля 1941 г. были скомплектованы 4 отряда Российского общества Красного Креста (РОКК) по 20 человек из женщин и мужчин, проведены практические занятия по разгрузке раненых и инструктаж обращения с больными и ранеными.

¹ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. Р-1095. Оп. 1а. Д. 24. Л. 17–18.

Была установлена первоочередность работ по прокладке трамвайных линий: к госпиталю № 1591 – к 29 июня, к госпиталю № 1589 – ко 2 июля, к госпиталю № 1587 – к 4 июля.

Готовились и перевозочные средства для раненых, прибывающих в город Астрахань. Решением исполкома от 25 июня 1941 г. было установлено подготовить весь автотранспорт, переоборудовав автобусы и кареты скорой помощи для перевозки лежащих больных на 12 мест и сидячих на 36 мест, используя для этой цели автобусы автогужтреста – 3, аэропорта – 2, автобус судоверфи им. Кирова – 1 и 5 машин кареты скорой помощи, а также подготовить 12 трамваев к перевозке раненых.

Все госпитали получали в свое распоряжение самые вместительные здания города. Лишь небольшая часть госпитальных коек была размещена в зданиях больниц, остальные койки были размещены в школах, общежитиях, учебных заведениях, гостиницах. К зданиям предъявлялись высокие требования.

5 июля 1941 г. специальной комиссией были осмотрены здания, выделяемые под госпитали. Особый акцент делался на вместимость зданий и на наличие пищеблока.

Все госпитали были развернуты в хороших, отремонтированных зданиях и полностью оборудованы мебелью и санитарно-хозяйственным имуществом. В них имелся достаточный комплект медицинского инструмента, лекарственных и перевязочных средств. Это было отмечено в протоколе № 91 заседания бюро Астраханского окружного комитета ВКП(б) от 23 сентября 1941 г.: «Партийные, советские организации округа при большом активном участии общественности и трудящихся, провели значительную работу по созданию госпиталей для раненых бойцов, командиров и политработников доблестной Красной Армии. Отведены лучшие помещения, участием общественных организаций и активисток-домохозяек проведено оборудование и создан уют для больных»².

24 ноября 1941 г. был организован *сектор эвакогоспиталей при окружном отделе здравоохранения*, который занимался общим руководством лечебной и финансово-хозяйственной деятельности (материальное обеспечение, вещевое довольствие) эвакогоспиталей, рассмотрением смет, финансовым контролем, получением отчетов всех эвакогоспиталей округа, обеспечением через горздравотдел и райздравотделы врачебными и среднемедицинскими кадрами, назначением и перемещением их, утверждением помощников начальников госпиталей, а также проведением научных и специальных конференций врачей.

² ГААО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 545. Л. 101.

За контроль, руководство и подготовку отведенных зданий под эвакогоспитали г. Астрахани, снабжение мягким инвентарем (бельем), предметами ухода за больными, оборудованием, хозяйственным инвентарем, за распределение и снабжение по выделенным фондам всеми видами топлива, контроль за сохранностью материальных ценностей, оборудования, правильной эксплуатации госпитальных зданий, канализации, водоснабжения и отопительной системы, мероприятиями по подготовке госпиталей к противовоздушной обороне отвечал *городской отдел здравоохранения*.

За *районными отделами здравоохранения*, имеющими на своей территории эвакогоспитали, был закреплен контроль за хозяйственной и лечебной деятельностью; в их обязанности входило оказание полного содействия в снабжении всем необходимым для бесперебойной и высококачественной работы; на них возлагалась ответственность вместе с командованием госпиталей за работу эвакогоспиталя; они имели право возбуждать ходатайства перед всеми районными организациями по вопросам госпиталей, назначать, увольнять и перемещать врачебные кадры, средний медицинский персонал; также обязаны были предоставлять отчетность в окружные городские отделы здравоохранения.

Все госпитали имели свою специализацию. Больше всего коечного фонда выделялось под ранения конечностей. Но были и другие группы ранений.

Так, выделялись госпитали:

- под ранения черепа № 1959, 3261;
- ранение груди, шеи, живота – № 1586, 3261;
- урология и повреждения таза – № 1589, 1295;
- челюстно-лицевые – № 3262;
- ранение глаз – № 1589, 1959;
- ранение органов – № 1589, 3262
- обмороженные и обожженные – № 3264, 1295, 1592, 3265;
- ранение бедра – № 1589, 4427, 1591;
- ранение конечностей за исключением ранений бедра – № 1587, 1591, 1592, 1295, 3261, 3262, 3265, 3801, 1796, 1954;
- госпитали для долечивания – № 4428, 4429, 4430, 4431, 4519, 3263, 3449;
- контуженные и нервные заболевания – № 1954, 3261, 3266;
- терапия – № 1536, 1391, 1954, 3261, 4430;
- инфекционные – № 1590, 1791;
- туберкулез – № 2801;
- гарнизонный госпиталь (хирургия терапия) – № 1008;

- кожно-венерическое отделение – № 1295;
- сортировочные госпитали – № 375, 1589³.

Коечный фонд эвакуогоспиталей в Астрахани наращивался из месяца в месяц за счет постоянного формирования новых госпиталей и увеличения численности коек. Так, на 10 мая 1942 г. всего было развернуто 27 госпиталей, коек из них – 20 000. Из них сформировано на месте – 21, коек в них – 15 240. Прибыло из других областей – 5, коек из них – 4160⁴.

На основании документа, представленного астраханским военным комиссариатом, в годы войны в Астрахани было сформировано 55 госпиталей и 30 – в области. Но количество эвакуогоспиталей в Астраханской области не было постоянным и зависело от конкретной обстановки на фронте.

Например, в марте 1942 г. в срочном порядке освобождались дополнительные новые здания для госпиталей. Под госпитали были выделены здания школы № 65, детского дома № 11, общежития школы ФЗО № 1, Волго-Каспийского треста. Руководители данных учреждений должны были в двухдневный срок освободить помещения, а исполком горсовета – произвести размещение высылаемых учреждений и жильцов в других помещениях. Дополнительно в пятидневный срок исполком горсовета должен был произвести в этих зданиях необходимые хозяйственные работы (пищевые блоки, душевые установки, перевязочные и пр.) согласно плану Горздрава.

В постановлении № 147 Астраханского городского комитета обороны от 8 мая 1942 г. было указано: «Обязать горком ВКП(б) т. Бгатов и исполком горсовета тов. Виноградова отвести здания под госпитали на 2500 коек и обеспечить готовность зданий под госпитали в установленный срок. Дополнительно развернуть госпиталь на 300 коек в с. Карантинном Наримановского района»⁵.

К концу августа 1942 г. немецкие войска начали движение в сторону Астрахани. Тылы армии находились в Астрахани, так как открытые степные пространства не позволяли размещать хотя бы часть армейских тылов.

17 августа в городской комитет обороны из окрисполкома отдела здравоохранения поступает письмо следующего содержания: «В настоящее время в Астраханском округе скопилось 57 эвакуогоспиталей с общим количеством коек 33500. Эвакуогоспитали из разных районов Сталинградской и других областей продолжают прибывать. Вследствие отсутствия помещений для развертывания

³ ГААО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 950. Л. 23–23 об.

⁴ Там же. Д. 734. Л. 62.

⁵ Там же. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 2. Л. 129.

прибывающих госпиталей в свернутом состоянии находятся 19 госпиталей с общим числом коек – 9500. В числе уже развернутых в г. Астрахани и действующих эвакогоспиталей имеется 7 госпиталей с количеством коек каждый выше 1000 – всего в них коек 8400 и 7 госпиталей с числом коек по 800, т. е. с общим количеством коек – 5600.

Считаем необходимым и своевременным поставить перед вами вопрос возможности в дальнейшем использования этих групп эвакогоспиталей. Кроме того считаем особо необходимым сообщить что на базе развернутых в Астраханском округе 24 000 коек, в настоящее время лежит раненых 16 000 чел. Из коих подлежат эвакуации по транспортной характеристике (лежачих, лечение которых затянется больше чем на 2 месяца) составляет 8500 чел.

Исходя из обстановки считаем необходимым:

В первую очередь и в срочном порядке необходимо эвакуировать из Астрахани группу раненых подлежащих эвакуации по транспортным характеристикам с общим числом 8500 чел. Свернутые 19 госпиталей, использование которых из-за отсутствия помещений невозможно передислоцировать из Астраханского округа в места Вашему указанию.

Эвакогоспиталь – 7 с числом коек как указано выше более 1000 каждый и общим количеством – 8400 как трудноподъемные и мало-мобильные – считаем нецелесообразным для дальнейшего использования в Астраханском округе и подлежащими также к передислоцированию или по крайней мере уменьшению числа коек в них, с таким расчетом чтобы не пользоваться верхними этажами зданий (возможны поражения в случае воздушных налетов).

Ставим вас в известность, что при передислокации указанных групп госпиталей, в Астраханском округе останется 24 эвакогоспиталь с общим количеством коек 10 000»⁶.

После окончания Сталинградской битвы угроза захвата Астрахани миновала и в городе вновь увеличивается количество госпиталей. Вновь готовятся здания и оборудование. Но это уже носит довольно спокойный характер.

Следует еще раз отметить, что под госпитали были отданы самые лучшие здания в городе – школы, техникумы, училища, больницы, клубы, которые необходимо было максимально быстро переоборудовать для нужд госпиталей. Для этих целей Астраханскому городскому отделу народного образования уже в июле 1941 г. было отпущено 2 т мела, 450 кг белил, 500 кг олифы, 1 манометр⁷.

⁶ Там же. Д. 14. Л. 73–74.

⁷ Там же. Ф. Р-1095. Оп. 1а. Д. 24. Л. 24.

Директоры и руководители предприятий, здания которых осво-бождались под госпитали, обязывались оставлять в распоряжении последних все имевшееся в наличии имущество, оборудование, инвентарь и топливо. Несмотря на это, нехватка в мебели все же ощущалась. Так, в июле 1941 г. окрисполком обязал Окрлеспром-союз и судоремонтный завод им. Урицкого организовать выработку 5000 межкроватьных тумбочек⁸. Горздравотдел как орган, формирующий госпитали, раздавал горкоммунотделу спецзаказы на изготовление баков для воды, жестяных умывальников, аптечного инвентаря и др. Однако из-за отсутствия необходимых стройматериалов (стекла, белил, олифы, пиломатериалов, гвоздей, шурупов, столярного клея, белой и кровельной жести) заявки не выполнялись или их выполнение задерживалось. Поэтому доукомплектование госпиталей недостающей спецмебелью и аптечным инвентарем осуществлялось и за счет лечебных учреждений и аптек города⁹.

Для складирования имущества госпиталей горисполком выделил горздравотделу дополнительные помещения – продуктовый магазин по улице Кирова (угол улицы Халтурина и промтоварный магазин по улице Кирова)¹⁰. Эвакогоспиталю № 5471 был передан нижний этаж здания по улице Ильича, 9¹¹.

Так как все госпитали располагались в зданиях, изначально не приспособленных для лечебных учреждений, необходимо было обеспечивать и поддерживать надлежащее состояние помещений и сооружений для дальнейшей эксплуатации. Решением от 15 июня 1942 г. Астраханский горисполком утвердил титул вне-лимитных затрат по капитальному ремонту 27 эвакогоспиталей Наркомата здравоохранения г. Астрахани. Ремонтным работам подверглись печи, кровли, водопровод, канализация, пищеблоки, санузлы¹².

Изготовлением топчанов, табуреток, обеденных столов, шкафов, прикроватных и перевязочных столиков занимались такие предприятия, как судоверфь им. Кирова, судоверфь «Рейдтанкер», бонзавод им. Дзержинского, бонзавод им. Сталина, лесозаводы № 2, 4, 5, ряд артелей. Постановлением Астраханского городского комитета обороны от 20 февраля 1942 г. в связи с увеличением коечного фонда в госпиталях Астраханского округа на 40% каждому из этих предприятий была установлена определенная норма выработки топчанов: судоверфи им. Кирова – 400 двухъярусных, бонзаводу

⁸ Там же. Л. 30.

⁹ Там же. Д. 19. Л. 8, 9.

¹⁰ Там же. Ф. Р-6. Оп. 7. Д. 549. Л. 38.

¹¹ Там же. Д. 605. Л. 53.

¹² Там же. Д. 543. Л. 20–24 об.

им. Сталина – 300 одноярусных, артели «Деревообделочник» – 200 одноярусных и т. д. Задание это необходимо было выполнить в пятидневный срок¹³.

Многие учреждения и предприятия города по первому требованию отдавали в пользование госпиталям принадлежавший им инвентарь, спецтехнику, кухонное и санитарное оборудование. Так, эвакуопункт в июле 1941 г. получил во временное пользование от общежитий финансово-экономического техникума, кооперативно-экономического техникума и пединститута им. Кирова 1000 кроватей, 1000 матрацев, 867 подушек, 1261 наволочку, 1581 простыню, 187 одеял, 401 полотенце и 500 тумбочек¹⁴. В феврале 1942 г. автодорожным техникумом были переданы эвакуогоспиталю № 3449 два кухонных чугунных котла емкостью 300 л каждый¹⁵. А в январе 1942 г. эвакуогоспиталь № 3261 получил от базы Росглавлегсбыта две железные бочки для масла и пять железных бочек для нефти¹⁶. Один холодильный шкаф Горторг передал эвакуогоспиталю № 3449¹⁷.

Госпитали испытывали дефицит и в предметах ухода за больными. Не хватало постельного и нательного белья, наволочек, простынь, тапочек, грелок, костылей, зондов, уток, суден, плевательниц, мочеприемников и т. д. В феврале 1942 г. горздравотдел обратился в городской комитет обороны с просьбой выделить 178 800 кг сена для использования в качестве набивочного материала для тюфячных и подушечных наволочек¹⁸. В апреле того же года Ремкожсоюз и артель «Эконом» отпустили из своих рыночных фондов для пациентов госпиталей 6 тыс. и 4 тыс. тапочек соответственно¹⁹. Окрисполком давал указания различным предприятиям на изготовление подмышечных костылей, тростей, носилок для переноски больных²⁰.

Постановлением Государственного комитета обороны от 8 февраля 1942 г. за № 1260/с коечная сеть в эвакуогоспиталях ряда областей увеличивалась на 40%. В Астраханском округе это постановление было выполнено с опозданием. Количество коек в связи с большим поступлением раненых все же было недостаточным. Доразвертывание коек было произведено путем уплотнения помещений госпиталей, что привело к скученности, тесноте, ухудшению

¹³ Там же. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 2. Л. 78, 78 об.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1095. Оп. 1. Д. 548. Л. 37, 38.

¹⁵ Там же. Ф. Р-6. Оп. 7. Д. 526. Л. 71, 72.

¹⁶ Там же. Д. 522. Л. 56, 57.

¹⁷ Там же. Д. 542. Л. 55.

¹⁸ Там же. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 12. Л. 129.

¹⁹ Там же. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 70. Л. 43.

²⁰ Там же. Л. 42.

санитарно-лечебного обслуживания и появлению вшивости среди больных. Госпитали нуждались в квалифицированных кадрах, инструментarii, белье, топливе. Нередкими были случаи выписки раненых в рваной одежде и обуви или вообще без таковых по причине невыполнения своевременного ремонта обмундирования или из-за дефицита. В связи с переводом эвакупункта № 20 из Астрахани в Сталинград ухудшились общий контроль и оперативное руководство госпиталями г. Астрахани и округа²¹.

В годы войны перед всеми образовательными, детскими и лечебными учреждениями особенно остро стоял вопрос обеспечения твердым и жидким топливом. Эвакогоспитали постоянно испытывали нужду в дровах, мазуте, угле для отопления зданий, работы бань, прачечных, хлебопекарен и самое важное для горячего водоснабжения при проведении операций и иных санитарно-лечебных процедур. В феврале 1942 г. в связи с отсутствием угля возникла угроза закрытия ряда госпиталей, горздрав вынужден был спускать воду из котлов и системы центрального водяного отопления. Но даже в таких сложных условиях работники госпиталей проявляли сообразительность и мастерство. Так, в госпитале № 1796, располагавшемся в здании школы в поселке Трусово у бондарного завода им. Дзержинского, экспериментальным способом переоборудовали два чугунных секционных котла с угольной топкой на мазутную. Результат оказался положительным, однако массовое переоборудование котлов разных типов, имевшихся в госпиталях, с угля на мазут в морозных условиях представлялось процессом довольно трудоемким, длительным и затратным²².

О сложности ситуации говорят многочисленные обращения горздравотдела в органы власти с просьбой принять экстренные меры по обеспечению топливом госпиталей и последующие решения Астраханского окрисполкома и постановления Астраханского городского комитета обороны о выделении лечебным учреждениям, госпиталям, детским садам и яслям дров, угля, керосина, нефти и мазута. Так, в письме горздравотдела от 3 марта 1942 г. в городской комитет обороны отмечалось сложившееся катастрофическое положение с топливом: углем госпитали были обеспечены на срок всего от нескольких дней до месяца²³.

Такая ситуация была связана с тем, что предприятия и организации, ответственные за заготовку и поставку отопительных материалов для госпиталей и иных общественных учреждений, срывали сроки завоза по объективным причинам или в результате халатного

²¹ Там же. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 6. Л. 22–23.

²² Там же. Д. 12. Л. 93, 93 об.

²³ Там же. Л. 176.

отношения. Так, в октябре 1941 г. окрисполком отмечал неудовлетворительную работу горисполкома по обеспечению госпиталей топливом, в результате чего гортоп слабо организовал заготовку местного топлива. В целях исправления положения окрисполком обязал горисполком и гортоп принять меры к разработке всех выделенных участков для порубки дров, обеспечить завоз в г. Астрахань 54 тыс. м³ дров, выделенных гортопу из централизованного фонда, организовать завоз мангышлакского угля в Астрахань²⁴. В другом случае в сентябре 1943 г. по вине Астраханской конторы Главлесо-снабжения и Астраханского агентства Камлесосплава госпитали, больницы, школы и семьи фронтовиков вместо 13 тыс. м³ дров получили только 5700 куб. м²⁵.

В качестве отопительного материала для госпиталей, медицинских и детских учреждений, семей красноармейцев использовались также лесоотходы и бракованные деревянные изделия, накопившиеся на складах лесозаводов № 2, 4 и 5, бондарных заводов им. Сталина и им. Дзержинского. Отпуск этих материалов производился строго через горисполком, без ведома которого их реализация категорически запрещалась²⁶.

Доставка топлива осуществлялась посредством гужевого и автомобильного транспорта. Своего транспорта, как правило, у эвакуогоспиталей было недостаточно, и находился он в довольно плачевном состоянии. Поэтому нередко руководству госпиталей приходилось обращаться за помощью к местным организациям и колхозам. Так, в январе 1943 г. дислоцировавшийся в селе Пологое Займище эвакуогоспиталь № 4950 должен был получить от Владимировского райисполкома в порядке шефской помощи 15 подвод для доставки дров на срок 15 дней. Однако колхозы соответствующие решения Владимировского райисполкома и Полого-Займищенского сельсовета проигнорировали и подвод не выделили, вследствие чего раненые бойцы оставались в холодных, неотапливаемых помещениях²⁷. Эвакуогоспиталь № 3266 в феврале 1942 г. также был поставлен под угрозу срыва доставки продуктов и топлива по причине отсутствия подковных гвоздей для лошадей. С этой проблемой он обратился в Астраханский горкомитет обороны с просьбой выделить один ящик (20 кг) подковных гвоздей²⁸.

Организация питания раненых и больных в эвакуогоспиталях, расположенных на территории Астраханского округа, была в целом

²⁴ Там же. Ф. Р-1095. Оп. 1. Д. 559. Л. 21, 22.

²⁵ Там же. Ф. Р-6. Оп. 7. Д. 608. Л. 25.

²⁶ Там же. Ф. Р-1095. Оп. 1. Д. 559. Л. 21, 22.

²⁷ Там же. Ф. Р-1875. Оп. 3. Д. 26. Л. 6, 9, 9 об., 26.

²⁸ Там же. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 12. Л. 98, 98 об.

удовлетворительной, калорийность выдерживалась, качество приготовляемой пищи было хорошим. До декабря 1941 г. все астраханские эвакуогоспитали входили в состав Северо-Кавказского военного округа (СКВО), откуда и получали наряды на продфураж через Сталинградский продсклад № 166 и поставщиков (Главмясосбыт, Главрыбсбыт, маслопром, Заготзерно, Союзплодоовощ, молзавод), а также через областные организации. В ноябре 1941 г. наблюдалось резкое ухудшение питания ввиду несвоевременной отгрузки продфуража для госпиталей, случившейся по причине потери связи города с округом. Однако уже в декабре Сталинградским военным округом фонды были спущены вовремя, и несмотря на отсутствие муки, круп, картофеля, свеклы, моркови и капусты, ситуация в целом наладилась. В целях исключения повторения таких ситуаций с 1 января 1942 г. было открыто местное отделение продсклада Наркомата обороны № 179²⁹.

Качество питания напрямую зависело от санитарно-гигиенического состояния пищевых блоков госпиталей, подвергавшихся частым и тщательным обследованиям. Так, в декабре 1941 г. по распоряжению начальника эвакуопункта № 20 были организованы массовые проверки пищеблоков эвакуогоспиталей, в ходе которых отмечались санитарное состояние помещений, качество, вкус и калорийность блюд, разнообразие меню, проведение медосмотра среди кухонных сотрудников. В госпитале № 1592 состояние всего пищеблока (кухня, моечная, комната для хранения однодневного запаса продуктов, склад) признавалось грязным, в моечной в тумбочке были обнаружены вещи сотрудников, меню было недостаточно разнообразным. Однако были и плюсы: все сотрудники успешно прошли медосмотр и вакцинацию против брюшного тифа, к госпиталю был прикреплен врач для наблюдения за санитарным состоянием пищеблока, опрошенные пациенты жалоб на качество приготовленных блюд не предъявляли, вкусовые качества блюд признавались удовлетворительными. Обед в этом госпитале 31 декабря 1941 г. состоял из следующих блюд: щи протертые овощные на костях либо щи вегетарианские, гуляш перловый, пшенный пудинг, суп рисовый, манная каша³⁰.

Эвакогоспиталь № 3262 имел челюстно-лицевой профиль, на излечении которого находились более 150 человек, при этом продукты для этой категории пациентов по специальным нормам не отпускались. И все же при обходе палат больные серьезных претензий, за исключением некоего однообразия (каши), не предъявляли,

²⁹ Там же. Л. 29.

³⁰ Там же. Л. 41.

а, наоборот, отмечали, что «еда готовится вкусная и порции выдаются достаточные»³¹.

Скудное и однообразное меню наблюдалось во многих госпиталях, и объяснялось это тем, что отпуск продуктов со складов осуществлялся не в полном объеме и нерегулярно, ведь помимо госпиталей на продовольственном обеспечении города и округа находились и иные государственные учреждения – школы, училища, детские сады, больницы. Так, эвакогоспиталь № 3801 за декабрь не получил положенных 47 кг коровьего масла и 198 кг круп. В беседе с больными звучали жалобы на недостаточно сладкий чай и однообразие в питании, однако в целом пациенты обедом остались довольны. За исключением перебоев в подаче горячей воды для мытья посуды, необорудованности продсклада и отсутствия занавесок в кладовой, иных трудностей в работе пищеблока госпиталя обнаружено не было. Положительно были отмечены успешное прохождение медосмотра сотрудниками кухни, чистота и правильное хранение посуды, соответствие реальных весовых показаний остатков масла, картофельной муки, чая с книжными³².

Обследование госпиталя № 1008 вскрыло многие недостатки в работе пищевого блока. Он состоял из трех помещений – кухни, где готовилась пища («сильно закопченная комната, грязный и пыльный кухонный стол-шкаф»), разделочной («заставлена бочками и различной посудой, разделочные доски требуют срочной замены») и моечной («шкаф для посуды пыльный, три котла требуют немедленной *полуды*»³³). Картофеля и капусты в наличии не имелось, поэтому, хоть меню и было составлено на 10 дней, блюда с этими продуктами заменялись другими. Из-за отсутствия молока кофе из меню исключался, а каши варили на воде. Обед 31 декабря 1941 г. состоял из горохового супа с сушеной картошкой, изготовленного из костей баранины («ненаваристый и невкусный»), и котлет с картофельным пюре («удовлетворительно»). Отдельно отмечалось грязное состояние посуды – «обед разливался в плохо вымытые тарелки». Таким обедом больные в большинстве своем остались недовольны. Из плюсов были отмечены своевременное прохождение медосмотра работниками кухни, наличие всех необходимых документов (журналов проверок полуды котлов госсанинспектором, журналов проверки дежурным врачом сырья),

³¹ Там же. Л. 44.

³² Там же. Л. 42, 42 об.

³³ Полуда – тонкий слой олова, которым покрывают поверхность металлических изделий для предохранения от окисления (Толковый словарь русского языка / Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. С. 556).

соблюдение правил хранения сухих продуктов, мяса, удовлетворительное санитарное состояние кладовых³⁴.

Кстати, для осуществления вышеуказанной полуды кухонной посуды эвакуогоспитали остро нуждались в олове. В январе 1942 г. горздравотдел обратился в городской комитет обороны с просьбой выделить 30–40 кг олова из фондов рыбокомбината им. Микояна³⁵.

В мае 1942 г. среди раненых и больных эвакуогоспиталей, учащихся ремесленных училищ и воспитанников детских закрытых учреждений наблюдались случаи заболеваний авитаминозом С. По данным местных специалистов, икра частиковых рыб могла бы служить лечебным средством при данном недуге. Поэтому окрздравотдел просил Наркомат рыбной промышленности СССР об отпуске через Рыбсбыт указанным учреждениям 30 т сазаньей и вобельной икры³⁶.

Одним из самых острых вопросов в снабжении госпиталей по линии продотдела являлось отсутствие махорки и папирос. Этот вопрос не раз поднимался руководителями госпиталей в письмах, обращениях, заявках на выдачу продуктов к эвакуопункту № 20 г. Астрахани³⁷. За ноябрь–декабрь 1941 г. госпитали получили через склад лишь 10 ящиков махорки. Основным ее поставщиком являлся Астраханский рыболовпотребсоюз, который за это время лишь дважды отпустил махорку за наличный расчет по решению горкомитета обороны, чего было явно недостаточно³⁸.

Интересно, что в госпиталях функционировали и платные буфеты. Так, в эвакуогоспитале № 3801 с 9 января 1942 г. было открыто отделение на 100 коек для раненых бойцов, больных туберкулезом. Специальное питание для таких больных приказами НКО предусмотрено не было, однако пациенты требовали усиленного питания, в первую очередь за счет молочных продуктов и жиров. Поэтому руководство госпиталя уже 11 января обратилось в горисполком с просьбой открыть для туберкулезного отделения специальный платный буфет с таким ассортиментом продуктов: белый хлеб, масло, сыр, молоко, сметана, творог, простокваша и т. п. И хотя в большинстве своем туберкулезные больные являлись начальствующим составом, имевшим средства для поддержания своего здоровья, исполком горсовета ходатайство отклонил³⁹. Эвакуопункт № 20 г. Астрахани, в свою очередь, обра-

³⁴ ГААО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 12. Л. 40.

³⁵ Там же. Л. 102.

³⁶ Там же. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 74. Л. 69.

³⁷ Там же. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.

³⁸ Там же. Л. 29.

³⁹ Там же. Л. 64, 64 об.

тился в окружном ВКП(б) с просьбой оказания помощи в решении этого вопроса. И судя по резолюции, поставленной на этом обращении, – «Фондов для создания буфета нет», – открытие буфета все же не состоялось⁴⁰.

Кроме отпуска продуктов из продскладов и продотделов НКО, а также продовольствия, поступавшего в качестве шефской помощи от организаций и учреждений, снабжение раненых и больных овощами, фруктами и продуктами животного происхождения производилось и за счет функционирования подсобных хозяйств самих эвакуогоспиталей. В приказе Наркомздрава РСФСР от 20 марта 1943 г. № 46 «О работе подсобных хозяйств эвакуогоспиталей Наркомздрава РСФСР в 1943 г.» отмечалась большая и плодотворная работа по организации подсобных хозяйств – в истекшем году было заготовлено значительное количество картофеля и овощей. С учетом огромного значения госпитальных подсобных хозяйств в обеспечении овощами раненых и больных, а также в деле улучшения питания персонала госпиталей принимался ряд мер по утверждению и выполнению плана-задания каждым госпиталем по развитию подсобного хозяйства и достижению высокой урожайности в 1943 г.⁴¹ Для проведения весенних подготовительных работ по подсобным (садовогородным и рыболовецким) хозяйственным хозяйствам астраханским эвакуогоспиталям разрешался наем рабочей силы на февраль 1944 г. в следующем количестве: ЭГ № 5468, 5470 – по 12 чел., ЭГ № 5469 – 10 чел., ЭГ № 5471, 5472, 5761, 5762, 5763, 3264, ЭГ № 5064, 4946 – по 7 чел., ЭГ № 5764, 5768 – по 8 чел.⁴²

В условиях военного времени важнейшей задачей лечебных учреждений было недопущение возникновения и распространения эпидемий и инфекций среди населения. В госпиталях особое внимание уделялось проведению санитарно-противоэпидемических мероприятий и соблюдению санитарно-гигиенического режима. Необходимо было часто и качественно производить стирку и чистку одежды и белья, обеспечивать регулярные банно-оздоровительные процедуры для раненых и больных, следить за чистотой и порядком в палатах. Уже 6 июля 1941 г. банно-прачечному дезинсекционному пункту НКО передали городскую прачечную № 14 для обслуживания астраханского гарнизона и восьми госпиталей (ЭГ № 1586, 1587, 1589, 1590, 1591, 1592, 1295, 1008). Конечно, работы одной прачечной для удовлетворения нужд всех госпиталей, располагавшихся в г. Астрахани, не хватало, поэтому

⁴⁰ Там же. Л. 92.

⁴¹ Там же. Ф. Р-2277. Оп. 1. Д. 17. Л. 40, 41.

⁴² Там же. Ф. Р-6. Оп. 8. Д. 69. Л. 11.

одновременно с передачей этой прачечной в ведение НКО было решено открыть еще одну, с пропускной способностью на 6000 кг белья в сутки⁴³.

В августе 1942 г. на заседании окрисполкома отмечалась неудовлетворительная работа городских прачечных по стирке, чистке и ремонту вещевого имущества НКО, в том числе госпиталей. Для повышения пропускной способности до 1,9 т в сутки прачечной артели им. XVIII партсъезда Окрмногопромсоюза, выполнявшей заказы госпиталей, предполагалось увеличить штат сотрудников, организовать работу в две смены, улучшить работу сушилки⁴⁴.

Улучшение работы прачечных происходило и за счет привлечения к наемному труду прачек-надомниц. Так, в начале 1944 г. для полного и скорейшего удовлетворения потребностей госпиталей в стирке белья горисполком разрешил последним нанять прачек-надомниц по сдельной оплате труда: ЭГ № 5468, 5470 – по 15 чел., ЭГ № 5469 – 13 чел., ЭГ № 5471, 5472, 5761, 5762, 5763, 3264, 5064, 4946 – по 8 чел., ЭГ № 5764, 5768 – по 10 чел.⁴⁵

Для осуществления всех необходимых санитарно-гигиенических мероприятий и банно-оздоровительных процедур кроме топлива, средств дезинфекции и мыла требовались наличие наружной канализации и бесперебойная работа котлов санпропускников. Так, отсутствие наружной канализации к зданию сортировочного эвакогоспиталя № 1959 создало в ноябре 1941 г. антисанитарные условия⁴⁶. А в эвакогоспитале № 5471 в ноябре 1943 г. вышел из строя чугунный котел санпропускника госпиталя: из двенадцати секций лопнуло семь. Ремонту этот котел уже не подлежал, а без него обслуживание раненых и больных банно-гигиеническими мероприятиями представлялось невозможным. Поэтому руководство госпиталя обратилось в горисполком с ходатайством изъять и передать госпиталю бездействующий котел системы «Стребель» из общежития мединститута⁴⁷.

Одной из причин, тормозивших качественное обслуживание раненых и больных банно-оздоровительными процедурами, а также быстрое удовлетворение нужд госпиталей в стирке и ремонте одежды и белья, являлась постоянная нехватка мыла. На январь 1942 г. ежемесячная потребность госпиталей в мыле выражалась

⁴³ Там же. Ф. Р-1095. Оп. 1а. Д. 24. Л. 25.

⁴⁴ Там же. Ф. Р-2097. Оп. 2. Д. 120. Л. 28, 28 об.

⁴⁵ Там же. Ф. Р-6. Оп. 8. Д. 69. Л. 11, 12.

⁴⁶ Там же. Ф. Р-1095. Оп. 1. Д. 489. Л. 12 об.

⁴⁷ Там же. Ф. Р-6. Оп. 7. Д. 613. Л. 56, 57, 57 об.

в размере 24 808 кг, а реальный отпуск производился в количестве от 1000 до 3000 кг. Сода не отпускалась вообще⁴⁸. В августе того же года госпиталям окрздравотдела было выделено уже 10 т хозяйственного мыла⁴⁹.

Дефицит мыла в годы войны ощущался довольно остро. В мае 1942 г. Астраханский окрисполком указывал предприятиям города, занимавшимся мыловарением, на неудовлетворительную работу по выпуску достаточного количества мыла. Отмечалось, что имеющиеся в округе большие возможности по выработке мыла на основе рыбьего жира предприятиями не используются⁵⁰.

Для оказания квалифицированной медицинской помощи и проведения надлежащего лечения раненых бойцов с целью скорейшего возвращения их на фронт и дальнейшей борьбы с врагом с самого начала войны необходимо было укомплектовать военные госпитали лучшими медицинскими кадрами, обеспечить систематическое снабжение госпиталей необходимыми медикаментами и инструментарием, оборудовать помещения специальной медицинской аппаратурой. В кратком отчете Нижне-Волжского водздравотдела и его медсанпрофдетучреждений о работе за 1941 г. отмечалось, что целому ряду госпиталей оказана помощь при их формировании. Выделены операционный и травматологический инструментарий, электрофизиоаппаратура, рентгеноустановки, оказана помощь в части оборудования лабораторий. Выделены медикаменты и перевязочный материал, во временное пользование – твердый инвентарь. Для нужд госпиталей полностью во временное пользование была выдана станция переливания крови при больнице им. Соловьева и все оборудование кабинета лечебной физкультуры при Центральной поликлинике водников⁵¹.

Однако проблема нехватки медикаментов стояла остро на протяжении всего военного периода. Госпитали неоднократно обращались в вышестоящие органы здравоохранения и органы власти по вопросу снабжения госпиталей жизненно важными лекарствами и медикаментами. Так, по решению Астраханского окрисполкома от 17 декабря 1941 г. аптекоуправлением г. Астрахани было передано эвакогоспиталям 28,7 кг эфира для наркоза и 2,5 кг хлороформа⁵². В том же месяце окрздраву для нужд госпиталей разрешалось изъять из находящихся на хранении в Астрахани эвакогрузов Харьков-

⁴⁸ Там же. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 12. Л. 112.

⁴⁹ Там же. Ф. Р-1095. Оп. 1. Д. 658. Л. 4.

⁵⁰ Там же. Ф. Р-1925. Оп. 11. Д. 16. Л. 32, 32 об.

⁵¹ Там же. Ф. Р-3024. Оп. 1. Д. 21. Л. 25.

⁵² Там же. Ф. Р-1095. Оп. 1. Д. 564. Л. 34.

ского аптекоуправления 4 автоклава, 100 пар резиновых перчаток, 100 кг резиновых трубок⁵³.

Осенью 1942 г. госсанинспектор Кузнецов дважды обращался в Наркомат здравоохранения Калмыцкой АССР с просьбой передать астраханским эвакуогоспиталям медикаменты Калмаптекоуправления, подлежащие эвакуации за пределы Астраханского округа. В будущем в случае развертывания лечебных учреждений на территории Калмыкии Астраханский окрздравотдел обязался восполнить переданное количество медикаментов в централизованном порядке⁵⁴.

Такая же непростая ситуация складывалась и с медицинским оборудованием и инвентарем. Весной 1942 г. Астраханский окрздравотдел обратился в Наркомат здравоохранения Калмыцкой АССР с просьбой передать во временное пользование эвакуогоспиталей рентгеноаппараты, находившиеся в бездействии в Яшкульском, Долбанском и Лаганском врачебных участках. Однако Калмыцкий наркомздрав, ссылаясь на спецзадание Правительства Республики, в просьбе окрздраву отказал⁵⁵. Здесь можно также привести следующие примеры. Эвакогоспиталь № 1589 в марте 1942 г. запросил у санатория им. Войкова для своей лаборатории лишние смесители для крови (меланжеры). А окружная зубная поликлиника, обслуживавшая протезированием все эвакуогоспитали города и районов, остро нуждалась в гильзах, дентолите и пластмассе, для чего окрздрав обратился в Бакинское аптекоуправление⁵⁶.

В 1944 г. на заседании Астраханского облисполкома отмечалась слабая работа Астраханской протезной мастерской по обеспечению госпиталей протезами для инвалидов Отечественной войны. Вследствие неполной и несвоевременной реализации сырья, дефицита качественных материалов, а также недостатка квалифицированной рабочей силы выпускаемая мастерской продукция имела низкое качество и быструю изнашиваемость. Для полного удовлетворения потребностей госпиталей в протезных изделиях облисполкомом был принят ряд мер, включающих в себя: увеличение производства изделий не менее чем на 50%, перевод мастерской в новое удобное здание, своевременную и стопроцентную реализацию выделенных фондов сырья, освоение производства активных рук (протезов рук), подготовку специалистов из числа мобилизованного неработающего трудоспособного населения и т. д. Отдельным пунктом в принятом решении стоит обеспечение

⁵³ Там же. Д. 563. Л. 32.

⁵⁴ Там же. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 74. Л. 131, 159.

⁵⁵ Там же. Л. 87, 149.

⁵⁶ Там же. Л. 40, 74.

полной потребности ортопедического госпиталя № 5471 для инвалидов Отечественной войны 112 протезами и 40 парами протезной обуви⁵⁷.

В условиях ожесточенных боев за освобождение Родины от фашистских захватчиков красноармейцы получали тяжелые ранения и страшные травмы, поэтому систематическое снабжение госпиталей кровью являлось первостепенной задачей местных органов здравоохранения.

Астраханская окружная станция переливания крови являлась единственной организацией, снабжавшей кровью все эвакогоспитали и лечебные учреждения города и округа. Станция имела значительное количество доноров, обеспечивавших полностью потребности медицинских учреждений в крови. Согласно решению облисполкома, все доноры после сдачи крови получали паек из определенного набора продуктов. Кроме того, в соответствии с положением Наркомата здравоохранения СССР в день сдачи крови им выдавался также завтрак, состоявший из 300 г хлеба, 50 г масла, 60 г сахара. 25 марта 1942 г. Сталинградский облисполком вынес новое решение, по которому устанавливались новые нормы продуктов для доноров. Однако городской торговый отдел вместо того, чтобы исполнять принятое решение, совсем прекратил выдачу донорских пайков и завтраков, в результате чего среди доноров начался значительный отсев. Снабжение госпиталей кровью было поставлено под угрозу срыва, станция обеспечивала потребности последних лишь на 60–70%⁵⁸.

Ситуация улучшилась в сентябре того же года. Станция переехала в новое помещение, получила денежные средства в сумме 500 тыс. рублей на оплату доноров и связанных с заготовкой крови расходов. Снабжение доноров пайками улучшилось – кроме завтраков после сдачи крови им стали выдаваться и горячие обеды. На сентябрь станция заготовила 750 л консервированной крови, однако потребность госпиталей выразилась в количестве всего 64 л. Тем не менее в работе станции имелись и затруднения: нехватка квалифицированных кадров, потребность в транспорте для подвоза топлива, льда и продуктов⁵⁹.

Тяжелейшие испытания выпали на долю астраханских медиков. Благодаря неустанному труду и проявленной заботе врачей, медсестер, санитарок большинство раненых и больных, находившихся на излечении в военных госпиталях города и округа, шли на поправку и возвращались в строй.

⁵⁷ Там же. Ф. Р-3028. Оп. 1. Д. 1. Л. 128, 128 об.

⁵⁸ Там же. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 74. Л. 80–82 об.

⁵⁹ Там же. Л. 165, 165 об.

На общем собрании средних медицинских работников эвакогоспиталей г. Астрахани, состоявшемся 26 декабря 1941 г., присутствовало 255 медсестер. Собрание признало необходимость проведения внутригоспитальных производственных совещаний и межгоспитальных научных конференций средних медработников по обмену опытом в вопросах лечения, обслуживания и ухода за ранеными. Завершая собрание, медсестры эвакогоспиталей г. Астрахани заверяли, что «приложат все силы и все свое знание для лучшего выполнения возложенной почетной задачи быстрейшего и лучшего вылечивания бойцов, командиров и политработников дорогой и любимой Красной Армии, героически истребляющей фашистских извергов, вероломно напавших на нашу любимую Родину»⁶⁰.

Для выполнения этой самоотверженной и чуткой работы необходимы были квалифицированные врачи и доктора, настоящие профессионалы и специалисты своего дела. Но таких людей, к сожалению, в лечебных учреждениях города и округа имелось не так много. Так, на заседании бюро Астраханского горкома ВКП(б) от 15 июля 1943 г. отмечалось, что кадрами госпитали укомплектованы на 50%, нет специалистов по хирургии, бытовое обслуживание врачей и личного состава госпиталей не организовано. Чтобы решить проблему с кадрами, бюро постановило просить обком ВКП(б) о направлении на работу в Астрахань пяти хирургов из числа возвращающихся в Сталинградскую область из эвакуации. Также предполагалось оперативно производить отоваривание продуктовых карточек всему личному составу госпиталей, выделить из рыночного фонда для начсостава госпиталей 30 пар костюмов военного образца, предоставить для продажи наиболее нуждающимся работникам госпиталей 100 пар белья, 100 пар обуви, 100 дамских платьев и трикотажных изделий⁶¹.

В 1944 г. лечебно-хирургическая работа в госпиталях значительно улучшилась. Эвакогоспитали были укомплектованы врачебными кадрами на 88%, средним медперсоналом – на 98%. Повысилась квалификация врачебных кадров и их хирургическая активность: если в январе оперировали 48 врачей, то в марте – уже 82, а в апреле – 102. Техникou переливания крови овладели все врачи госпиталей⁶².

Крупным событием в деятельности местных госпиталей стала областная научная конференция врачей эвакогоспиталей, состоявшаяся 10–11 июня 1942 г. в актовом зале Астраханского мединститута. На конференции были заслушаны доклады докторов и канди-

⁶⁰ Там же. Д. 63. Л. 1, 1 об.

⁶¹ Там же. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 1031. Л. 28, 29.

⁶² Там же. Ф. Р-3028. Оп. 1. Д. 1. Л. 66.

датов медицинских наук, профессоров и доцентов о новых методах лечения раненых и об обмене опытом медицинского обслуживания в госпиталях⁶³.

В докладе военного врача, кандидата медицинских наук Е.Л. Лернера «О применении витаминизированного рыбьего жира в хирургической практике эвакогоспиталя № 4431» были выявлены плюсы использования рыбьего жира при лечении обморожений, ожогов, обширных дефектов кожи и послеоперационных культий пальцев кисти и стопы. Витаминизированный рыбий жир применялся в виде мази пополам с вазелином, смена повязки производилась через 6–8 или даже 10 дней. Предполагалось, что раннее применение витаминизированного рыбьего жира способствует эффективности лечения и уменьшает длительность пребывания больных на койке⁶⁴.

В выступлении военного врача III ранга, кандидата медицинских наук Э.А. Ширияка на тему «Ортопедическая профилактика на этапах эвакуации» рассматривались основные меры, снижающие риск осложнения переломов при транспортировке раненого, а также перечислялись методы лечения, способствующие быстрому и правильному срастанию костей. Автором была усовершенствована отводящая шина для переломов проксимального конца плеча и разработаны еще два вида шин: опорная корригирующая для отводящей кисти и шина-треугольник для переломов фаланг пальцев кисти⁶⁵.

Весомый вклад в изучение методик лечения обморожения внес доклад врача эвакогоспиталя № 1796 доцента А.В. Габая «К клинике и терапии обморожений». В данном госпитале находились на лечении бойцы с обморожениями нижних конечностей – 109 случаев (90%), с сочетанием обморожений верхних и нижних конечностей – 119 случаев (98,5%). Люди получали эти увечья в обстоятельствах длительного пребывания на холоде без движения (55,8% случаев), по причине промокания обуви и портянок (28,9%), из-за тесной и неудобной обуви (24,7%), в результате одновременных ранений (5,8%). Еще в 6,5% случаев фактор обморожения установлен не был. Автором предполагалось, что методика лечения обморожений в тыловых госпиталях должна быть консервативно-хирургической, с предпочтением открытого метода в сочетании с физиотерапией. Также признавалась большая польза от применения витаминизированного рыбьего жира при лечении обморожений: метод являлся безболезненным, не давал реакции, обладал обезболивающим эффектом, способствовал эпителизации. На момент подготовки

⁶³ Там же. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 84. Л. 3, 3 об., 86, 86 об.

⁶⁴ Там же. Л. 36.

⁶⁵ Там же. Л. 37.

доклада из 69 пациентов с обморожениями 60 чел. после различных сроков лечения вернулись в части и батальоны выздоравливающих, несколько бойцов получили негодность и ограниченную годность, один человек скончался от сепсиса⁶⁶.

Опыт работы инфекционных госпиталей был отражен в докладе врача эвакогоспиталя № 1590 профессора Ф.М. Топоркова «Инфекционный госпиталь в системе эвакогоспиталей тыла». Инфекционная заболеваемость по линии эвакуации и в эвакогоспитале была сравнительно низкой. Наиболее часто пациенты эвакогоспиталей страдали от желудочно-кишечных инфекций, паразитарных тифов, рожистых воспалений. Невысокий процент инфекционных заболеваний мог быть еще снижен путем проведения простейших профилактических противоэпидемических мероприятий⁶⁷.

Благодаря этим исследованиям, проведенным практикующими госпитальными врачами, были обозначены основные проблемы, возникавшие при развертывании эвакогоспиталей и организации медицинского обслуживания, предложены новые способы лечения различных заболеваний раненых и больных, намечены перспективы улучшения оказания медицинской помощи.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. закончилась полной Победой советских солдат над фашистской Германией. Миссия эвакогоспиталей подходила к концу. Постепенно госпитали расформировывались. Однако выжившие, но искалеченные солдаты нуждались в дальнейшем лечении и восстановлении. Один из астраханских госпиталей (№ 5469) после реорганизации был переименован в «Областной госпиталь инвалидов Отечественной войны». Страна переходила на мирные рельсы [Ишин, Панин 2001].

Благодарности

Авторы выражают признательность за помощь в выполнении исследования, а также за высказывание конструктивных критических замечаний при написании статьи главному редактору журнала «Новый исторический вестник», кандидату исторических наук, профессору С.В. Карпенко (РГГУ) и доктору исторических наук, профессору Т.И. Хорхординой (РГГУ).

Acknowledgements

The authors express their gratitude to the editor-in-chief of the journal “New historical Bulletin”, Cand. of Sci. (History), professor S.V. Karpenko (RSUH) and Dr. of Sci. (History), professor T.I. Khorkhordina (RSUH) for their assistance in the research, as well as for their constructive criticism when writing the article.

⁶⁶ Там же. Л. 46–49.

⁶⁷ Там же. Л. 70–75.

Литература

Ишин, Панин 2001 – *Ишин В.В., Панин И.И.* Волго-Каспийский регион в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Астрахань: Изд-во астраханского гос. пед. ун-та, 2001. 194 с.

References

Ishin, V.V. and Panin, I.I. (2001), *Volgo-Kaspiiskii region v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [Volga-Kaspy region during the Great Patriotic War (1941–1945)], Astrakhan State Pedagogical University Publishing House, Astrakhan, Russia.

Информация об авторах

Ильмира Х. Кадырова, Государственный архив Астраханской области, Астрахань, Россия; 414006, Россия, Астрахань, ул. акад. Королева, д. 39 а, astrahangasd@yandex.ru

Наталья А. Пугачева, Государственный архив Астраханской области, Астрахань, Россия; 414006, Россия, Астрахань, ул. акад. Королева, д. 39 а, astrahangasd@yandex.ru

Екатерина П. Шалацкая, Государственный архив Астраханской области, Астрахань, Россия; 414006, Россия, Астрахань, ул. акад. Королева, д. 39 а, astrahangasd@yandex.ru

Information about the author

Il'mira H. Kadyrova, State Archive of the Astrakhan Region, Astrakhan, Russia; bld. 39a, ak. Korolev Str., Astrakhan, Russia, 414006; astrahangasd@yandex.ru

Natal'ya A. Pugacheva, State Archive of the Astrakhan Region, Astrakhan, Russia; bld. 39a, ak. Korolev Str., Astrakhan, Russia, 414006; astrahangasd@yandex.ru

Ekaterina P. Shalatskaya, State Archive of the Astrakhan Region, Astrakhan, Russia; bld. 39a, ak. Korolev Str., Astrakhan, Russia, 414006; astrahangasd@yandex.ru

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 930.2

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-42-51

«У аппарата Сталин...»: Записи переговоров по прямому проводу как источник по истории Великой Отечественной войны

Алексей Д. Рогатых

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, alex-ro-dm@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности такого вида исторического источника, как записи/стенограммы переговоров по прямому проводу. В начале статьи акцентируется следующее положение: исследователи истории Великой Отечественной войны недостаточно внимания уделяли источниковедческому анализу этого вида источников. Долгое время историки продолжали использовать для своих исследований главным образом делопроизводственные документы (журналы боевых действий, директивы и т. д.), что не позволяло им выйти за рамки классической политической (военной) истории. В статье также содержится анализ основных характеристик записей переговоров. Обосновывается вывод о том, что они занимают промежуточное положение между делопроизводственными документами и источниками личного происхождения. Схожесть с первыми обуславливается целью их появления: стенограммы переговоров по прямому проводу создавались для обслуживания бюрократической системы. От источников личного происхождения они унаследовали форму прямого диалога между говорившими. Однако помимо общих черт есть и существенные различия – делопроизводственные документы представляют собой вид односторонней и формальной коммуникации в отличие от стенограмм переговоров по прямому проводу. Основное же отличие от источников личного происхождения заключается в том, что данные записи делались третьими лицами. В последней части статьи дается перечень сведений, которые может получить исследователь, детально анализируя содержание этого исторического источника. Выводы статьи подтверж-

даются многочисленными примерами из деятельности Сталина в качестве Верховного Главнокомандующего Вооруженных сил страны в годы войны. Анализу подвергаются сталинские предложения тактическо-оперативного характера, которые он направлял фронтовому командованию. Помимо этого в статье очерчивается круг вопросов, привлекавших особо пристальное внимание со стороны Верховного. В заключении статьи автором оговаривается условие, выполнение которого приведет к наиболее полному раскрытию всего научного потенциала данных текстов, а именно после сопоставления их с другими видами исторических источников по истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: записи, стенограммы, переговоры по прямому проводу, Ставка ВГК, Верховный Главнокомандующий, Военный совет фронта

Для цитирования: Рогатых А.Д. «У аппарата Сталин...»: Записи переговоров по прямому проводу как источник по истории Великой Отечественной войны // История и архивы. 2020. № 3. С. 42–51. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-42-51

“You’ve been put through to Stalin...”. Direct wire talks recording as a source on the Great Patriotic War history

Aleksei D. Rogatykh

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, alex-rod@mail.ru*

Abstract. This article describes the features of such historical documents as the records/transcripts of direct wire communications. The article begins with the focus on the following: the researchers of the history of the Great Patriotic War have so far paid insufficient attention to the historiographic analysis of such documents. This phenomenon resulted in the fact that historians continued using paperwork documents mainly (battle logs, directives, etc.) for their research. And it did not allow them to move beyond the classical political (military) history. The article also contains the analysis of the main characteristics of the conversation transcripts and provides justification that they mediate between paperwork documents and the sources of private origin. The similarity with the former ones is determined by the fact that the transcripts of direct line telephone talks were created to serve the bureaucratic system. From the sources of personal origin, communication records inherited a direct dialogue form between the speakers. However, beyond certain common features, there are significant differences between transcripts and paperwork documents the latter represent the type of a one-way and formal communication. The key difference from the sources of private

origin is that the direct wire talks have been recorded by the third party. The last part of the present article comments on what information a researcher can get by analyzing in detail the contents of this historical source. The findings of the research are supported by numerous examples of Stalin's activity as the Commander-in-Chief of the state's Armed Forces during the war. Stalin's tactical and operational proposals sent to the front command are also assessed. Besides, the article outlines the range of the issues that were in the Supreme Commander's primary focus and close attention. The author comes to the conclusion that the true scientific evaluation of these transcripts will only become possible after having compared them with other sources on the history of the Great Patriotic War.

Keywords: Records, transcripts, direct wire talks, Stavka of the High Command, Commander-in-Chief, Front Military Council

For citation: Rogatykh, A.D. (2020), "‘You’ve been put through to Stalin...’. Direct wire talks recording as a source on the Great Patriotic War history", *History and Archives*, no. 3, pp. 42–51, DOI:10.28995/2658-6541-2020-3-42-51

Историография Великой Отечественной войны в последние десятилетия получила мощный импульс развития – появились работы по ранее не исследуемым темам, как то: «человек на войне», «повседневная жизнь в тылу», «влияние ментальности на развитие танкостроения» и т. д.

Однако до сих пор отечественные исследователи, занимающиеся вопросами истории Великой Отечественной войны, уделяли недостаточное внимание источниковедческому анализу таких документов, как записи/стенограммы переговоров по прямому проводу Сталина (или других членов Ставки ВГК) с военными советами фронтов и представителями Ставки. Когда же историки войны касались темы критики источников (как внутренней, так и внешней), они приходили к заключению такого рода: наиболее информативными и заслуживающими доверия являются сведения, почерпнутые из журналов боевых действий, приказов, директив и других делопроизводственных материалов. Аргументируется данная точка зрения просто: благодаря вышеупомянутым документам мы можем более или менее точно определить численность и направление движения войск, количество потерь и т. д. (Повышенный интерес к ним может обуславливаться и недоступностью этого массива информации для исследователей в советское время. Теперь же введение его в научный оборот рассматривается некоторыми специалистами в качестве одной из важнейших задач для нынешнего поколения военных историков.) Такой очевидный факт, казалось, и не нуждается в проведении каких-то специальных исследований для своего подтверждения. Тем не менее вызовы, которые ставит перед

исследователем истории Великой Отечественной войны как научное сообщество, так и широкая общественность, не ограничиваются только лишь детальным описанием боевых действий и предоставлением сухих цифр. Своего ответа все еще ждет множество вопросов различного характера, таких как повседневная жизнь людей в условиях боевых действий, вклад в победу того или иного военачальника, функционирование системы управления Красной армии и т. д. Для ответа на них исследователю необходимо расширить источниковедческую базу.

В данной статье исследуется такая разновидность документов, как записи переговоров по прямому проводу, с целью раскрыть их широкий научный потенциал для дальнейших исследований в области истории Великой Отечественной войны.

Записи (или стенограммы) переговоров по прямому проводу можно найти в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО) и в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), где хранятся стенограммы переговоров Сталина (или других членов Ставки ВГК) с военными советами фронтов и представителями Ставки. Они находятся в фонде Сталина¹. Эти же записи можно найти в ЦАМО² и РГАНИ³. В 1990-е гг. часть переговоров Ставки ВГК с фронтовым командованием была опубликована в сборниках документов «Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы» (М.: Терра, 1996–1999). Важно отметить, что в архиве Министерства обороны (а также в вышеупомянутых сборниках) есть записи переговоров по прямому проводу, которые отсутствуют в РГАСПИ. Первый такого рода документ из фонда Сталина датируется 20 июля 1941 г.⁴ Тогда как в сборниках документов Ставки ВГК есть запись разговора по прямому проводу от 2 июля этого же года⁵. Для его составления использовались материалы, выявленные в фондах ЦАМО и РГАНИ.

Также в ЦАМО хранятся записи переговоров, происходивших внутри фронтов. Например, в фонде 202 есть стенограммы переговоров командующего Брянским фронтом Ф.И. Голикова с представителем Ставки Я.Н. Федоренко от июля 1942 г.

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 482–489.

² ЦАМО РФ. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5, 26; Ф. 96а. Оп. 1711. Д. 7а.; Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 96–97, 99; Ф. 113а. Оп. 3272. Д. 3.

³ РГАНИ. Д. У/5-6/11.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 482. Л. 1–2.

⁵ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1941 год [Под общ. ред. В.А. Золотарева]. Т. 16 (5-1). М., 1996. С. 43.

Записи переговоров по прямому проводу занимают семь дел в фонде 558 РГАСПИ. В делах с 482 по 486 они представлены в виде телеграфных лент, наклеенных на листы бумаги. Всего там 107 документов. Также в фонде имеются и машинописные копии переговоров. Всего их 108.

В статье подробно рассматриваются стенограммы, сделанные в ходе переговоров Ставки ВГК с военными советами фронтов (они охватывают промежуток времени со 2 июля 1941 по 21 февраля 1943 г.).

Для наиболее полного анализа информации, содержащейся в данных документах, мы должны сначала обратиться к проблемам классификации исторических источников. Записи переговоров по прямому проводу, бесспорно, относятся к категории (классу) письменных источников. Далее перед нами встает вопрос, к какому подклассу или виду их следует приписать: к делопроизводственным документам или к источникам личного происхождения?

В учебнике по источниковедению «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие» (М.: РГГУ, 1998) [Данилевский 1998] мы можем найти следующее определение делопроизводственной документации:

...делопроизводственные материалы – вид исторических источников, функций которых является документное обслуживание различных управляющих систем (государственное делопроизводство, вотчинное делопроизводство, делопроизводство акционерных компаний и т. д.). В структуре делопроизводственной документации выделяется группа разновидностей, обеспечивающих принятие и реализацию управленческих решений, и группа разновидностей, обеспечивающих документооборот [Данилевский 1998, с. 392].

С уверенностью можно постулировать следующий вывод: рассматриваемые нами документы полностью соответствуют вышеприведенному определению. Но есть и такие признаки, которые роднят их с рядом источников личного происхождения.

Прежде всего, данные записи представляют собой прямую коммуникацию нескольких должностных лиц. Данное обстоятельство сближает стенограммы переговоров с эпистолярным жанром. Но между этими типами исторических источников есть два важных отличия. Во-первых, диалог по прямому проводу происходил в режиме реального времени (обычно в течение получаса или часа). Во-вторых, такого рода разговоры фиксировались на бумаге третьими лицами.

Таким образом, мы можем прийти к следующему заключению: у записей переговоров по прямому проводу есть общие черты

с делопроизводственными документами и с источниками личного происхождения. С первыми их роднят причины создания – стенограммы переговоров представляют собой продукт повседневной работы бюрократической системы, призванный обеспечивать ее функционирование. Однако данные стенограммы не являются видом односторонней коммуникации (как отчет, приказ или директива). По всей видимости, не существовало и специально прописанных форм и правил, регулирующих общение переговорщиков. Очень часто переговоры по прямому проводу не походили на некий ритуализированный обмен донесениями нескольких должностных лиц – порой в ходе них происходило самое настоящее выяснение отношений между двумя командующими: «Во-первых, у меня имеется звание, во-вторых, вы много кричите и забываете, что тут работы больше, чем у вас, надо больше самостоятельно работать и принимать решение на месте...»⁶.

С источниками личного происхождения (в частности, с личной перепиской) данные записи связывают форма свободной коммуникации и, как мы увидим ниже, неосознанный акцент на особенности характера говоривших. Однако нельзя забывать, что подобного рода диалог происходил не в рамках частной жизни людей, а в иерархической государственной системе. Кроме того, мы можем отнести текст к источникам личного происхождения только после доказательства, что он не написан третьими лицами. Последнее положение к стенограммам переговоров относиться не может.

Исходя из всего вышесказанного, напрашивается следующий вывод: записи переговоров по прямому проводу представляют собой промежуточное звено между делопроизводственными материалами и источниками личного происхождения. Соответственно по сравнению с первыми они имеют то преимущество, что стенограммы несут в себе отпечаток характера переговорщиков. А по сравнению со вторыми их преимущество заключается в следующем: данные переговоры происходили в рамках их повседневной рабочей деятельности и фиксировались на бумаге сразу же после их окончания.

Разобравшись с основными характеристиками этих исторических источников, мы должны ответить на следующий вопрос: что нового для понимания истории Великой Отечественной войны исследователь может почерпнуть, анализируя их? К сожалению, дать исчерпывающий ответ на него в рамках одной статьи невозможно. Однако можно попытаться обратиться к наиболее животрепещущим проблемам историографии войны. Одна из таких тем – оценка деятельности Сталина в качестве руководителя

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 346. Оп. 0005755. Д. 0014. Л. 174.

Вооруженных сил страны. На основе отрывков из переговоров Сталина с фронтовым командованием мы попытаемся понять, какие меры противодействия наступающему врагу Сталин считал наиболее подходящими в текущей обстановке и какие вопросы военного управления он рассматривал в качестве требующих его немедленного участия.

Во время Смоленской оборонительной операции состоится разговор Сталина с Главкомом С.К. Тимошенко, в ходе которого он предложит свое решение проблемы: «Вы до сих пор обычно подкидывали на помощь фронту по две, по три дивизии и из этого пока что ничего существенного не получалось. Не пора ли отказаться от подобной тактики и начать создавать кулаки в семь-восемь дивизий с кавалерией на флангах. Избрать направление и заставить противника перестроить свои ряды по воле нашего командования»⁷. В самом начале августа 1941 г., в разгар немецкого наступления на Украине, Сталин свяжется с командованием Юго-Западного фронта, чтобы, в частности, предложить ему следующее:

Третье. Хорошо бы уже теперь наметить нам совместно с Буденным и Тюленевым план создания крепкой оборонительной линии, проходящей примерно от Херсона и Каховки через Кривой Рог, Кременчуг и дальше на север по Днепру, включая район Киева на правом берегу Днепра. Если эта примерная линия обороны будет всеми вами одобрена, нужно теперь же начать бешеную работу по организации линии обороны и удержанию ее во что бы то ни стало. Хорошо было бы в этих целях теперь же подвести к этой оборонительной линии новые дивизии с тыла, устроить артиллерийскую оборону, устроить окопы и основательно зарыться в землю. Если бы это было вами сделано, то вы могли бы принять на этой линии отходящие усталые войска, дать им оправиться, выспаться, а на смену держать свежие части⁸.

Если первое сталинское предложение фактически отсылает нас к войнам древности (здесь можно вспомнить тактические хитрости Ганнибала во времена его противоборства с Римом), то вторая его идея кажется более адекватной. Однако и она представляется не слишком реалистичной в условиях быстрого продвижения сил противника на восток – ведь, согласно вышеупомянутому раскладу, часть нашей линии обороны должна была пройти по украинской степи.

⁷ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 83.

⁸ Там же. С. 102.

Еще более неоднозначно выглядит приказ Верховного, прозвучавший при его разговоре с военно-политическим руководством Ленинграда 8 ноября этого же года:

Надо выбирать между пленом, с одной стороны, и тем, чтобы пожертвовать несколькими дивизиями. Повторяю, пожертвовать и пробить себе дорогу на восток, чтобы спасти ваш фронт и Ленинград. Как только пробьете дорогу, железная дорога будет. Без танков пехота не пойдет. Примите меры к переброске танков КВ на левый берег. Если эти танки слишком тяжелы, пусть облегчат их броню тонн на 10–20. Если есть другие танки поменьше весом – переправьте. ...Повторяю, времени осталось у вас очень мало, скоро без хлеба останетесь. Попробуйте из разных дивизий выделить группы охотников, наиболее смелых людей, составить один или два сводных полка. Объясните великое значение того подвига, который требуется от них, чтобы пробить дорогу. Возможно, что эти сводные полки смелых людей потянут за собой и остальную пехоту. Все⁹.

Хотя Сталин не ошибался, когда говорил о бедственном положении блокадного города, его указы не способствовали прорыву окружения в ноябре 1941 г.

Уже в этих отрывках мы могли заметить манеру Сталина вмешиваться в вопросы оперативного и тактического характера. Особенно ярко она проявится в начале войны, когда он будет давать указания С. К. Тимошенко, какие шоссе и автострасы надлежит срочно минировать¹⁰. Сохранится она и в следующем году. Так, 10 мая 1942 г., во время разговора с руководством Крымского фронта, он в числе прочего прикажет принять все меры по размещению на Турецком валу ряда противотанковых полков УСВ¹¹. 13 июня Верховный Главнокомандующий совместно с командованием Юго-Западного направления будет решать, что делать с двумя танковыми бригадами¹².

Отдельно стоит поговорить об отношении Сталина к карательным мерам. Впервые разговор о них зашел во время переговоров Верховного с Г.К. Жуковым 4 сентября 1941 г. Они начались с обсуждения плана наступления на Ельнинский плацдарм немцев. В какой-то момент Г.К. Жуков скажет Сталину, что у него имеется разведывательная информация от одного немецкого солдата-перебежчика. Реакция последнего на эту новость была категорична:

⁹ Там же. С. 278.

¹⁰ Там же. С. 43–44.

¹¹ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 198.

¹² Там же. С. 247.

«Вы в военнопленных не очень верьте, опросите его с пристрастием, а потом расстреляйте»¹³. В следующий раз речь пойдет о репрессивных мерах уже по отношению к своим. 1 декабря у Сталина с Молотовым состоится разговор с командованием Ленинградского фронта. В ходе него выяснится, что у руководства осажденного города была разработана «очень интересная и способная дать быстрое решение операция по льду с Ладожского озера» силами всего одной дивизии¹⁴. Однако «благодаря трусливо-предательскому поведению командования 80-й дивизии» она была сорвана. М.С. Хозин и А.А. Жданов просили разрешения Верховного Главнокомандующего руководство дивизии, в лице комдива Фролова и комиссара Иванова, «судить и расстрелять». Сталин с Молотовым, в свою очередь, эту идею горячо поддержат: «Фролова и Иванова обязательно расстреляйте и объявите об этом в печати»¹⁵. По всей видимости, в обоих случаях вопрос о карательных мерах вставал перед вождем, совершенно неожиданно. Следовательно, ответ на него не мог быть подготовлен заранее. И тем ценнее для нас первая реакция Верховного на такого рода запросы.

Умение понять образ мыслей противника, чтобы впоследствии предугадать его действия, наверное, не помешало еще ни одному полководцу. Когда в конце июня 1942 г. на стол Сталина ляжет немецкий план летнего наступления на Кавказ, Верховный Главнокомандующий подытожит его следующим комментарием:

Возможно, что перехваченный приказ вскрывает лишь один угол оперативного плана противника. Можно полагать, что аналогичные планы имеются и по другим фронтам. Мы думаем, что немцы постараются что-нибудь выкинуть в день годовщины войны и к этой дате приурочивают свои операции¹⁶.

В данном случае вождь переносил на немцев советские традиции по приурочиванию важных мероприятий к памятным датам. Завершая анализ действий Сталина в качестве руководителя всех Вооруженных сил Советского Союза, я хотел бы особо подчеркнуть, что, несмотря на высокую информативность записей/стенограмм переговоров по прямому проводу, подлинная их ценность может быть раскрыта только во взаимодействии с другими историческими

¹³ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 163.

¹⁴ Там же. С. 319.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 257.

источниками. При выполнении этого условия исследователи смогут составить более адекватную картину происходивших событий (например, станет понятно, насколько данные, получаемые Верховным от военных советов фронтов, соответствовали действительности и сколь полезным для наших войск было его вмешательство в оперативно-тактические вопросы).

Литература

Данилевский 1998 – Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / [И.Н. Данилевский и др.]. М.: РГГУ, 1998. 702 с.

References

[Danilevskii, I.N.], (1998), *Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metodicheskie istochniki rossiiskoi istorii: uchebnoe posobie* [Source Studies: Theory. History. Method. Sources of Russian history: Textbook], RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Алексей Д. Рогатых, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; alex-ro-dm@mail.ru

Information about the author

Aleksei D. Rogatykh, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; alex-ro-dm@mail.ru

УДК 929

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-52-68

Редактор «России»: Биография И.Г. Лежнева – архивные документы и публикации

Мария В. Мишуровская

*Российская государственная библиотека искусств,
Москва, Россия, onb@liart.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются архивные материалы и опубликованные источники, связанные с основными вехами творческой биографии литератора, редактора журнала «Россия» И.Г. Лежнева (1891–1955). Об идеологической работе И.Г. Лежнева в первой половине 1920-х гг., связанной с выпуском журнала «Россия», бывшего частью «сменовеховского» идеологического проекта, дают представление его статьи, помещенные в этом журнале, его письма к Н.В. Устрялову, опубликованные М.С. Агурским, а также источники, хранящиеся в отечественных архивах. История закрытия «сменовеховского» журнала «Россия» и дело о высылке его редактора, И.Г. Лежнева, «за пределы СССР» отражены в документах, отложившихся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории и Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации. На основании информации, почерпнутой в документальных источниках, отложившихся в фонде И.Г. Лежнева в Российском государственном архиве литературы и искусства, автором статьи представлен обзор профессиональных обязанностей И.Г. Лежнева – сотрудника Торгового представительства СССР в Берлине.

В статье приведен обзор источников, рассказывающих о возвращении И.Г. Лежнева из Германии в СССР, о важной роли его «расширенного заявления» о приеме в партию, автобиографических и покаянных «Записок современника», во многом определивших дальнейшую судьбу их автора, а также о работе в газете «Правда» и о других «вехах» его жизни. Впервые проанализированы документы из частных собраний, касающиеся публикации в СССР книги И.Г. Лежнева «Записки современника».

Ключевые слова: И.Г. Лежнев, творческая биография, журнал «Россия», история литературы 1920–1940-х гг., архивные источники, идеологический проект

Для цитирования: Мишуровская М.В. Редактор «России»: Биография И.Г. Лежнева – архивные документы и публикации // История и архивы. 2020. № 3. С. 52–68. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-52-68

Editor of the “Russia” magazine.
Biography of I.G. Lezhnev –
archival documents and publications

Mariya V. Mishurovskaya

Russian State Art Library, Moscow, Russia, onb@liart.ru

Abstract. The article considers the archival materials and printed sources related to the major milestones of the professional biography of I.G. Lezhnev, the writer and editor of the “Russia” magazine. Ideological work of I.G. Lezhnev in the first part of the 1920s connected with the issuing of «Russia» – the magazine which belonged to «SmenaVekh» ideological project can be understood through his publications in this magazine, his letters to N.V. Ustryalov published by M.S. Agurskii, as well as through the resources in the Russian archives. The sequence of events that ended up in the closure of the “Russia” magazine and in deporting its editor, I.G. Lezhnev, “beyond the boundaries of the USSR” are revealed in the documents stored in the funds of the Russian State Archives of the Social and Political History and the Central Archives of the Federal Security Service of the Russian Federation. Having researched the information found in the documents of the I.G. Lezhnev’s fund in the Russian State Archives of Literature and Art, the author of the present article reviews the professional duties of I.G. Lezhnev – the staff member of the Trade Mission of the USSR in Berlin.

The article reviews the sources describing I.G. Lezhnev’s return from Germany to the USSR, the essential role of his ‘extended membership application’ for joining the Party, his autobiographical and repenting “Notes of a Contemporary” which in many ways have become life-defining for their author; much attention is also drawn to his work in the ‘Pravda’ newspaper and other milestones of his life. The present paper has, for the first time, scrutinized the documents from the private collections, connected with the publication of Lezhnev’s “Notes of a Contemporary” in the USSR.

Keywords: I.G. Lezhnev, professional biography, the “Russia” magazine, history of literature in the 1920–1940s, archival sources, ideological project

For citation: Mishurovskaya, M.V. (2020), “Editor of the ‘Russia’ magazine. Biography of I.G. Lezhnev – archival documents and publications”, *History and Archives*, no. 3, pp. 52–68, DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-52-68

Введение

История публикации в журнале «Россия» первого романа Михаила Булгакова «Белая гвардия» отражена – через «литературное зеркало» – в двух текстах писателя: в повести «Тайному другу» (1929) и в «Записках покойника» – «Театральном романе» (1936).

Прототипом одного из персонажей «Записок покойника», редактора Ильи Ивановича Рудольфи, как известно, был редактор журнала «Россия» Исай Григорьевич Лежнев (Альтшулер¹). Факты его биографии, на первый взгляд противоречивые, рассматривались до сих пор, как правило, в связи с биографией автора «Белой гвардии».

Данный обзор – попытка найти ответ на вопрос: каков же творческий путь самого Лежнева – редактора, литератора и, как он сам себя называл, «историка советской литературы»?²

Лежнев и революция. Начало трудового пути

На полноту архивного наследия историка советской литературы повлияло разделение его биографии на два периода, которым он сам, став литературным функционером, руководствовался. Материалов, связанных с периодом печатания сменовеховского журнала «Новая Россия» – «Россия», в фонде Лежнева в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)³ крайне мало. Полнее в данном фонде комплекс материалов, относящихся к 1928–1955 гг., к периоду переосмысления Исаем Григорьевичем своих сменовеховских ошибок, ко времени его работы литературным критиком в советской печати и затем – исследователем творчества М.А. Шолохова.

Сведения о детстве, годах юности и семье редактора «России» содержатся в анкетах Лежнева, заполненных им после возвращения из берлинской ссылки, в 1930–1950-х гг.: в личном листке по учету кадров редакции газеты «Правда» (1939)⁴ и в анкете Правления Союза писателей СССР (1949)⁵.

Исай Григорьевич родился 6 марта 1891 г. в городе Николаеве, в обеспеченной семье Григория (Гершона) Самойловича Альтшу-

¹ В свидетельстве о рождении, выданном повторно, и в паспорте, выданном 24 февраля 1954 г., имя и настоящая фамилия Лежнева – Исай Альтшулер (см.: РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 237. Л. 1–7).

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43с. Д. 62. Л. 5.

³ Там же. Ф. 2252.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 248. Л. 5–6.

⁵ Там же. Ф. 631. Оп. 43с. Д. 62. Л. 5–7.

лера, управляющего на предприятии поставщика продуктов в морской военный госпиталь. Мать, Софья (Шейндел) Марковна Альтшулер, урожденная Либман, умерла в 1894 г. Отец ушел из жизни в 1904-м. Старший брат Лежнева, революционер Самуил Григорьевич Альтшулер⁶, в 1905 г., вернувшись из сибирской ссылки, покинул Россию. Сестра, Екатерина Григорьевна Альтшулер, «горбунья» (как о ней впоследствии писал А. Грин, один из авторов журнала «Россия»⁷), в 1920-е гг. была привлечена Лежневым к работе в «России»; в 1950-е гг. она работала старшим лаборантом Института теории и истории педагогики Академии педагогических наук.

Трудовой путь Лежнева начинается в 1905 г. – в мелких башмачных мастерских Николаева. В 1908–1911 гг. он, если верить анкетным данным, зарабатывает на жизнь частными уроками. С 1906 по 1909 г. Лежнев – член РСДРП. За подпольную работу трижды подвергался арестам, «сидел в тюрьмах в Николаеве и Елисаветграде»⁸.

В 1911–1914 гг. Лежнев живет в Швейцарии – слушает лекции на философском факультете Цюрихского университета. «Жил впроголодь», – подчеркивает он, сообщая о студенческих годах в Цюрихе в анкете Союза писателей СССР. В этом же документе – на вопрос: знаете ли вы иностранные языки? – Исай Григорьевич отвечает: «Немецкий язык. Читаю свободно»⁹.

В 1914 г. Лежнев возвращается в Николаев: год работает редактором и выпускающим редактором николаевской «Трудовой газеты». В ней же, под псевдонимом Ис. Григорьев, он публикует свои корреспонденции, посвященные в основном Первой мировой войне. Его стиль, стремящийся к метафизическим обобщениям и привязанный к логике «мировых процессов», который впоследствии справедливо будут называть бойким, формируется в пафосе

⁶ После отъезда из России С.Г. Альтшулер, как следует из анкеты И.Г. Лежнева, составленной для Правления СП СССР, «жил сперва в Германии, потом в США, был рабочим, затем служащим. С 1927 г. работал в системе Наркомвнешторга в Германии и США. В 1933-м был откомандирован в Наркомвнешторг в Москву. В конце 1940-х гг. С.Г. Альтшулер работал референтом в научно-техническом объединении» (в каком именно – в анкете не уточняется, см.: Там же. Л. 6 об.).

⁷ В репертуаре издательства 1923 г. – первое издание «Алых парусов» А. Грина, приятеля И.Г. Лежнева и автора журнала «Россия». В 1924 г. в № 3 журнала «Россия» был опубликован один из лучших рассказов А. Грина «Крысолов».

⁸ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 248. Л. 6.

⁹ Там же. Ф. 631. Оп. 43с. Д. 62. Л. 5.

«народного духа», проявляющегося, по мнению Исаея Григорьевича, в делах ратных. В статье «О смысле событий» Лежнев пишет:

Надобно помнить, что нынешняя война является великим экзаменом для всех культур, для всех идеологий. Она вскроет и выявит почву разных национальных тяготений и явится пробным камнем для распознавания золотых зерен и плевел. <...> И указанная Вл. Соловьевым формула о повышении в связи с войной культурных ценностей и взаимном проникновении народов остается в известном смысле верной применительно и к нашей войне¹⁰.

Некоторое время он редактирует газету «Волго-Донской край» в Царицыне. После Февральской революции Исай Григорьевич уезжает в Петроград. Летом 1917 г. он – редактор Петроградского телеграфного агентства и автор газеты «Русская воля». Заведующим литературной частью «Русской воли» был писатель Л.Н. Андреев, ему впоследствии Лежнев отведет не одну страницу в своей книге «Записки современника». В 1918 г. Исай Григорьевич работает корреспондентом московской газеты «Вечерний час» и «Петроградского голоса». Летом того же года, как сотрудник бюро печати, Лежнев включен в состав Советской мирной делегации в Киеве: осенью 1918-го он «был дважды арестован Украинской вартой Скоропадского в Киеве и Конотопе, сидел в Лукьяновской тюрьме»¹¹.

Возвратившись в Москву осенью 1918-го, Исай Григорьевич почти год возглавляет отдел печати Главного управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ). Осенью 1919-го он получает новое назначение: в Совете Всероссийского главного штаба он занимает должность исполняющего обязанности комиссара особых поручений. В 1920-м Лежнев выезжает на юг России – на фронт, где сражается «против Врангеля на Кубани»¹² в качестве ревкома и заместителя редактора газеты «Красное знамя» – органа политического управления 9-й армии РККА (9-я Кубанская армия).

Осенью 1920 г. Исай Григорьевич возвращается в Петроград. Проработав около года заведующим редакцией газеты Главпрофобра «Маховик», сотрудничая с советскими газетами, издававшимися за границей – «при полпредствах» («Путь» в Гельсингфорсе, «Новый путь» в Риге, берлинская ежедневная газета «Новый мир», выходившая под редакцией Курта Керстена, впоследствии – соратника Вильгельма Мюнценберга, исключенного из коммунистической партии Германии за критику в адрес И.В. Сталина), Лежнев

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 562. К. 71. Д. 6. Л. 18 об.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 248. Л. 6.

¹² Там же.

хлопочет о создании беспартийного литературно-общественного журнала «Новая Россия». Первый номер выходит в 1922 г. – в издательстве Л.Д. Френкеля¹³.

«Россия» – опасный проект

Журнал «Новая Россия» начиная с третьего номера меняет название на «Россия». В связи с угрозой окончательного закрытия издательского проекта Лежнев переносит редакционную контору из Петрограда в Москву. Причиной, вызвавшей недовольство Петроградского исполкома редакционной политикой «Новой России», в частности, послужила статья Исаия Григорьевича «Эмансипация Советов», изъятая из второго номера журнала. По мнению сотрудников ОГПУ, в ней содержался лозунг «внутреннего, постепенного завоевания Советов интеллигенцией»¹⁴.

Лежнев, еще в Цюрихе принявший идеи, выраженные в «Апофеозе беспочвенности» Льва Шестова: «человек волен так же часто менять свое “мировоззрение”, как ботинки или перчатки» [Шестов 2000, с. 467], считал полезной перемену вех некоторой части российской интеллигенции, оказавшейся в эмиграции и способствовавшей распространению в эмигрантской среде просоветской ориентации.

Суждения о смене вех надо было укреплять в публичном пространстве. Исай Григорьевич к решению этой задачи подошел ревностно, став в эпоху нэпа одним из ведущих «советских сменовеховцев». По его собственному признанию (сделанному в послужном списке, подготовленном в мае 1926 г. для ОГПУ), он «привлек к работе крупнейших литераторов, до того времени молчавших и сдержанно относившихся к Сов[етской] Власти: Дорошевича, Ашимова, Муйжеля, Тана-Богораза, Гред[ес]кула, Адрианова, Лифшица и других. Путем длительных бесед, уговоров, пропаганды побудил целый слой петроградских литераторов “сменить вехи” и стать на точку зрения примирения с большевиками»¹⁵.

Публицистическая активность сменовеховцев, как известно, не имела в среде большевиков однозначной трактовки. И знамени-

¹³ См.: Книжные новинки советской России // Новая русская книга. Берлин, 1922. № 3. С. 32.

¹⁴ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 8. Л. 283–325. Цит. по: Остракизм по-большевистски: преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. М.: Русский путь, 2010. С. 131.

¹⁵ ЦА ФСБ. Д. Р-46939. Л. 29. Цит. по: Остракизм по-большевистски... С. 350.

тый сборник «Смена вех» (Прага, 1921)¹⁶, и одноименный журнал, издававшийся до марта 1922 г. – сначала в Париже, а затем в Берлине – под редакцией Ю.В. Ключникова¹⁷ (одним из авторов журнала был Лежнев), некоторые партийные вожди, например контролировавший Петроградский исполком Г.Е. Зиновьев, считали явлением опасным, несущим в себе стремление к «восстановлению буржуазного строя»¹⁸.

Иной точки зрения придерживался В.И. Ленин, признававший наметившееся литературное сотрудничество авторов сборника «Смена вех» (Ю.В. Ключникова, Ю.Н. Потехина, идеолога «сменовеховства» Н.В. Устрялова и др.) с советской Россией и развиваемую ими идею «оправдания большевизма с русской национальной точки зрения» [Агурский 1981, с. 543] обстоятельством вполне полезным. В частности, для решения дипломатических задач, стоявших перед большевиками в начале 1920-х гг.

Неоднозначную ситуацию, сложившуюся вокруг журнала Лежнева, частично отражают материалы фонда № 17 (ЦК КПСС), хранящегося в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)¹⁹. В протоколе № 8 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 22 мая 1922 г. зафиксировано решение Ленина о журнале «Новая Россия»:

Предложить т. Мещерякову (Гл[авному] Упр[авлению] по делам печати), в качестве высшей инстанции, разрешить дальнейший выход журнала «Новая Россия», отменив постановление питерского Исполкома об его закрытии²⁰.

За предложение Ленина, в частности, высказались И.В. Сталин и Л.Б. Каменев. «Политически нецелесообразным» считал закрытие журнала Л.Д. Троцкий, заметивший в посланной в секретариат ЦК РКП(б) секретной записке, что

в данный период суровейшие репрессии по отношению к кадетским, меньшевистским и эсеровским изданиям должны идти рядом

¹⁶ Вышедший в Праге сборник «Смена вех» был переиздан в 1922 г. в Твери и Смоленске.

¹⁷ Журнал издавался на деньги большевиков. Они же настояли на прекращении его издания. Идеологическим преемником журнала стала газета «Накануне», выходившая в Берлине с 1922 по 1924 г.

¹⁸ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 8. Л. 283–325. Цит. по: Остракизм по-большевистски... С. 132.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 169. Д. 30.

²⁰ Там же. Л. 8.

с гораздо более осторожным отношением к сменовеховской печати, несмотря на ее буржуазно-националистическую сущность и отдельные критические выпады. В этом именно духе надо преподавать указания органам цензуры²¹.

Н.Л. Мещеряков, возглавлявший в то время политотдел Госиздата, выезжает в Петроград, чтобы лично уладить дело. В отчете, представленном в секретариат Политбюро РКП(б), он отмечает, что редакция «Новой России» согласна с закрытием журнала при условии, что возглавляющий ее Лежнев получит разрешение на выпуск нового издания. Мещеряков резюмирует: «К этому способу решения я и прибег по соглашению с т. Зиновьевым, ибо это казалось мне лучшим исходом...»²².

В начале июня 1922 г. на заседании Президиума ВЦИК было принято решение: «вопрос о журнале “Новая Россия” считать исчерпанным»²³.

Журнал, возглавляемый Лежневым, преодолевая финансовые трудности, выходил до марта 1926 г.: тираж его не был постоянен (от 8100 до 15 000 экземпляров). В поисках денег на издание «России» Исай Григорьевич в 1923 г. отправляется в Берлин. В связи с этой поездкой М.А. Булгаков в письме к Ю.Л. Слезкину предположил: «По-видимому, Лежневу предстоит громадная издательско-редакторская будущность»²⁴. Видимо, так думал и сам редактор «России», подробно рассказавший о своих берлинских планах и расширении редакционных задач в письме к заведующему экономическим управлением КВЖД и единомышленнику Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому. «Попытаемся создать некоторый связующий мост между эмиграцией и Россией», – пишет он [Агурский 1981, с. 562].

Однако реальность свела на нет хлопоты Лежнева. Исследователь сменовеховства А.В. Квакин отмечает:

Весной 1923 г. планировалось издавать журнал в Берлине при сохранении редколлегии в Москве. При этом часть издания предполагалось оставлять за границей, остальной тираж привозить в СССР, но по причине разразившейся в Германии инфляции данный план не был осуществлен²⁵ [Квакин 2006].

²¹ Там же. Л. 14.

²² Там же. Л. 19.

²³ Там же. Л. 20.

²⁴ Цит. по: *Булгаков М.А. Письмо Ю.Л. Слезкину: 31 авг. 1923 г.* // Булгаков М.А. Письма. Жизнеописание в документах. М.: Современник, 1989. С. 88.

²⁵ В 1923 г. в выходных данных журнала указано издательство «Новое слово». Первый номер за 1924 г. вышел в издательстве

Исай Григорьевич, регулярно делившийся с харбинцами Н.В. Устряловым и Г.Н. Диким издательскими планами и редакционными новостями, в одном из писем к Устрялову, написанном в мае 1923-го, сетует:

...Мне одному приходится выдерживать всю тяжесть работы. В.Г. Тан и С.А. Адрианов²⁶ – люди уже немолодые; оба они загружены академической работой; живут в Петрограде. В.Г. Тан наезжает, правда, изредка, но это в целом не меняет картины. А трудностей и материальных, и правовых, и организационных – бездна. Все же наш журнал единственный независимый, не имеющий даже издателя – ведем его кое-как собственными силами [Агурский 1981, с. 559].

Начиная с 1924 г. публицистика в журнале уступает место художественным произведениям и литературным обзорам. Журнал прибавляет в объеме. Среди авторов журнала: А. Грин, Е.И. Замятин, Б.Л. Пастернак, О.Э. Мандельштам, М.А. Булгаков, А. Белый, М.А. Кузьмин, О. Форш, В.Ф. Ходасевич, И.Г. Эренбург²⁷. Лежнев собирает лучших.

Продолжается сотрудничество Исае Григорьевича с Н.В. Устряловым, выразившим в 1925-м, в сборнике статей «Под знаком революции»²⁸, свои мечты о перерождении партии большевиков. В 1925 г. Лежнев, как точно определил М.С. Агурский, выступает пропагандистом Устрялова, несмотря на резкие выпады против «устряловских мечтаний» большевистских верхов – Зиновьева и Бухарина, несмотря на пророческие подсказки Сталина, заметившего на XIV съезде ВКП(б): «...мечтая о перерождении, он»²⁹

«Художественная печать». Начиная со второго номера за этот год в выходных данных указано издательство «Россия» (издатель З.Л. Каганский), в 1926 г., после закрытия издательства «Россия» и отъезда З.Л. Каганского за рубеж, журнал издает кооперативное товарищество «Новая Россия».

²⁶ Профессора В.Г. Тан и С.А. Адрианов – члены редколлегии журнала «Россия».

²⁷ В 1924 г., приложением к журналу «Россия» (тиражом 10 000 экземпляров), И.Г. Лежнев выпустил роман И.Г. Эренбурга «Любовь Жанны Ней» (М.: Россия, 1924. 304 с.).

²⁸ *Устрялов Н.В. Под знаком революции: Сб. ст. Харбин: Русская жизнь, 1925. 354 с.; 2-е изд., пересм. и доп. Харбин: Тип. «Полиграф», 1927. 415 с.*

²⁹ Н.В. Устрялов.

должен вместе с тем возить воду³⁰ на нашу большевистскую мельницу. Иначе ему плохо будет»³¹.

Переписка Устрялова и Лежнева, хранящаяся в фондах Гуверовского института войны, революции и мира (США)³², опубликована М.С. Агурским. В предваряющем эту публикацию эссе Н.В. Устрялова «Моя переписка с И.Г. Лежневым» дана характеристика Исаю Григорьевичу, вполне скептическая, сложившаяся в Харбине в 1934 г., спустя четыре года после возвращения редактора «России» из берлинской ссылки в СССР:

Лежнев – способный, бойкий, достаточно образованный журналист; пожалуй – несколько более «бойкий», чем этого хотелось бы для политического идеолога и руководителя толстого журнала. По стилю его писательских способностей и по манере его писаний, следовало бы назвать его скорее фельетонистом, чем публицистом. Возможно, таким образом, что личный его «калибр» был несколько ниже уровня той роли, на которую выдвигала его обстановка. Но все же его журнал, оборудованный отличными сотрудниками, стал своеобразным центром притяжения советской беспартийной публики того времени, цитательно «попутчиков», прибежищем «уцелевших старых интеллигентов» [Агурский 1981, с. 551–553].

Устрялов, регулярно получавший от редактора «России» номера журнала, мог оценить «бойкость» Исаия Григорьевича, публиковавшего в «России» «программные» статьи, освещающие не только политико-экономические, но и литературные проблемы.

Лежнев, считавший важнейшим принципом жизни «отступление от всяких принципов»: «чем последовательнее и прямолинейней в принципах, тем круче обрыв в действительности» [Агурский 1980, с. 68], в литературном тексте также приветствовал амбивалентность сюжета: «В художественном произведении (если оно подлинно-художественно, конечно) объективная ценность далеко не

³⁰ Видимо, И.В. Сталин обыгрывает род службы Н.В. Устрялова, с конца февраля 1925 г. поступившего на службу в КВЖД и прослужившего «при дороге» почти 10 лет. КВЖД – Китайская Восточная железная дорога, построена Россией в Маньчжурии в 1897–1903 гг. С 1924 г. находилась в совместном управлении СССР и Китая.

³¹ Цит. по: *Сталин И.В.* Политический отчет Центрального Комитета XIV съезду ВКП(б): 18 декабря 1925 г. // Сталин И.В. Собр. соч. Т. 7. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952. С. 342.

³² Hoover Institution on War, Revolution and Peace: Коллекция Н.В. Устрялова. Папка 18: «Моя переписка с И.Г. Лежневым», 25 документов – 53 л.

всегда совпадает с субъективной настроенностью писателя. Если это искусство, то здесь бабушка надвое гадала. Здесь черное часто выглядит, как красное, а красное, как черное»³³.

Один из авторов «России», «попутчик» и «уцелевший интеллигент» Михаил Булгаков, в конце 1927 г. вынужденно (с оглядкой на интерес к его персоне, проявляемый сотрудниками ОГПУ) затеявший против З.Л. Каганского, бывшего издателя сменовеховского журнала «Россия», открытый процесс в зарубежной прессе, связанный с публикацией романа «Белая гвардия» за границей, а также с изданием на немецком языке второй редакции пьесы «Дни Турбиных», именовал издателя «жуликом».

К Лежневу Булгаков, напротив, относился с симпатией. В неоконченной повести «Тайному другу», написанной в 1929 г., он создает «художественный портрет» Исаия Григорьевича, который потом, с некоторыми изменениями, перенесет в «Записки покойника»:

Был он усеян веснушками, как небо звездами (и лицо и руки), и отличался большим умом. Профессия у него была такая: он редактор был чистой крови и Божьей милостью и ухитрился издавать (в годы 1922–1925!!) частный толстый журнал! Чудовищнее всего то, что у него не было ни копейки денег. Но у него была железная неописываемая воля, и, сидя на окраине города Москвы в симпатичной и грязной квартире, он издавал³⁴.

В 1926-м, с отъездом Каганского за границу, журнал Лежнева снова стал называться «Новая Россия» (в выходных данных в роли издателя выступает одноименное кооперативное товарищество). Булгаков оставался в списке авторов журнала и в 1926 г.³⁵ В последнем номере «Новой России» его имя в статье «Обилие талантов» упомянет В.Г. Тан (фрагмент этой статьи в августе 1926 г. будет перепечатан берлинской газетой «Руль»). Обозревая современную литературу, Тан, используя переделанную цитату из булгаковской повести «Роковые яйца», замечает: «Бедная наша литература, несмотря на все свое богатство. Событиями являются фантастические анекдоты, как “Роковые яйца”

³³ Лежнев И.Г. Где же новая литература? // Россия. 1924. № 1 (февр.). С. 183.

³⁴ Цит. по: Булгаков М.А. Тайному другу: неоконченное сочинение Михаила Булгакова / предисл., послесл. и публ. М.О. Чудаковой // Новый мир. 1987. № 8. С. 166.

³⁵ См.: Продолжается подписка на 1926 год: Новая Россия: [объявление] // Новая Россия. М., 1926. № 1. 2-я с. обл.; 2-я с. обл.

Булгакова³⁶. – Мистер Юз, оставьте наши яйца в покое. У вас есть свои!»³⁷

Весной 1926-го, предваряя заключительный этап борьбы И.В. Сталина с так называемой объединенной оппозицией, начинается процесс по делу о закрытии сменовеховского журнала Лежнева.

Статья «Сам и Зам»

В начале мая 1926 г. Секретный отдел ОГПУ направляет в ЦК ВКП(б) обширный доклад, посвященный «крайне опасной» группе сменовеховцев, сплотившихся вокруг журнала Лежнева. К докладу приложена записка Г.Г. Ягоды с предложениями, касающимися, в частности, необходимости скорейшего проведения обысков у ряда авторов «Новой России»³⁸. В списке кандидатов на обыск брат Н.В. Устрялова – Михаил Васильевич Устрялов и литератор «Булгаков Михаил Александрович»³⁹ (напутали с отчеством, но обыск провели).

Вопрос рассматривает специальная комиссия Политбюро, в которую входят заведующий отделом печати ЦК ВКП(б) С.И. Гусев (впоследствии он не раз упрекал автора «Дней Турбинных» в «русском шовинизме»⁴⁰), заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК В.Г. Кнорин, заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода и член президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Е.М. Ярославский. Возглавивший ее С.И. Гусев готовит предложения комиссии к рассмотрению на заседании политбюро.

³⁶ В повести М.А. Булгакова «Роковые яйца», в описании последствий «неслыханного падежа» кур: «...появились заголовки “Массовая закупка зерна за границей” и “Господин Юз хочет сорвать яичную кампанию”. Прогремел на всю Москву ядовитый фельетон журналиста Колечкина, заканчивающийся словами: “Не зарьтесь, господин Юз, на наши яйца, – у вас есть свои!”»

³⁷ *Богораз В.Г.* Обилие талантов / В.Г. Тан [Богораз В.Г.] // Новая Россия. Москва, 1926. № 2. С. 81–90. То же, с изм. – фрагм. ст.: Руль. Берлин, 1926. 17 авг. (№ 1734). С. 2.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 169. Д. 30. Л. 46, 46 об.

³⁹ Там же. Л. 46 об.

⁴⁰ См.: *Гусев С.И.* О задачах театральной политики // Коммунистическая революция. 1927. № 13/14 (июль). С. 122–125; *Он же.* Совещение по вопросам театра: состояние и задачи театральной критики / [в изложении редакции] // Труд. 1927. 13 мая (№ 106). С. 6; *Он же.* Театральная критика и ее задачи // Красная печать. 1927. № 12 (июнь). С. 10–13.

Среди них: закрытие кооперативного издательства «Новая Россия» – «главной экономической базы сменовеховства», усиление наблюдения ОГПУ за «интеллигентскими антисоветскими группировками», отделу печати ЦК предлагается «проверить существующие частные издательства»⁴¹.

Среди обвинений в адрес Лежнева – попытка публикации в журнале «Новая Россия» его статьи «Сам и Зам», в которой он утверждал:

По существу, [в СССР. – М. М.] ведет работу спец сам, а начальство только зам. <...> «Замам» надо стать «самами». «Самам» стать «замами», т. е. специализироваться по узким вопросам. Одним надо расширяться, а другим – сузиться⁴².

На трех заседаниях Политбюро, состоявшихся 20 мая, 27 мая и 3 июня, решение вопроса, связанного с предложениями Ягоды и Гусева, не принято. Вопрос решается на заседании 7 июня 1926 г.: «Признать, что экономическая поддержка и содействие, оказываемые до сих пор нашими органами»⁴³ кооперативному издательству «Новая Россия», впредь не вызываются интересами дела»⁴⁴. ОГПУ поручается представить до начала июля доклад об антисоветских группировках в стране. Отделу печати ЦК – предоставить в Политбюро краткую справку с характеристикой существующих частных издательств.

Все поручения, конечно же, были исполнены. В докладной записке «О политических настроениях интеллигенции», составленной сотрудниками ОГПУ, отмечалось, что закрытый ныне журнал «Новая Россия» – это попытка сменовеховцев создать платформу «для объединения широких кругов служилой интеллигенции»: «элементы из профессорских и спецовских кругов на словах отмежевывались от ультранационалистической позиции Устрялова, – на деле же с ним солидаризировались в основном»⁴⁵.

Решение о высылке Лежнева за границу было принято на заседании Политбюро 6 мая 1926 г. Высылку предложил кандидат в члены ЦИК СССР В.М. Молотов⁴⁶, поддерживавший И.В. Стали-

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 169. Д. 30. Л. 47.

⁴² *Файман Г.С.* Смена вех как точная наука: 1926 год. Высылка Исаея Лежнева из России // Независимая газета. 1995. 18 окт. (№ 101). С. 5.

⁴³ О каких «наших органах» идет речь в данной цитате – еще предстоит установить.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 169. Д. 30. Л. 51.

⁴⁵ Там же. Л. 55–68.

⁴⁶ Там же. Л. 36.

на не только в этом вопросе, но и, впоследствии, в борьбе с «правыми уклонистами»: Троцким, Зиновьевым и Каменевым.

Не всем фигурантам процесса о сменовеховском журнале «Новая Россия» удалось избежать лагерного срока. Проходившему по этому делу журналисту, дипломату и члену Коминтерна Адольфу Гаю-Меньшому, одному из авторов журнала Лежнева, в 1917 г. работавшему с Л.Д. Троцким в нью-йоркском «Новом мире», был вынесен суровый приговор – десять лет лагерей; семь лет он провел на Соловках, освободившись 10 апреля 1933 г. по амнистии⁴⁷.

В начале мая 1926 г. Лежнева вызывают на допрос в ОГПУ⁴⁸: допрашивает бывшего редактора «России» начальник пятого отделения Секретного отдела ОГПУ, владевший французским, немецким и латышским языками Александр Сергеевич Славатинский. Бывший редактор сменовеховского журнала, отвечая на обвинение в призыве к расколу в партии – «по примеру французской революции», предъявленное ему и после оглашения приговора – в докладной записке «О политических настроениях интеллигенции»⁴⁹, говорит о своем отношении к Устрялову и его идеям: «Поскольку Устрялов исходил из аналогии Французской революции – Октябрьской <нрзб>, – я считаю ненаучным этот метод аналогии и исторически необоснованными самые предпосылки устряловской схемы»⁵⁰.

Оценивая решение о высылке за границу как «неправильное, незаслуженное, несправедливое»⁵¹, Исай Григорьевич просит об ограничении срока ссылки, по окончании которого он, если не проявит себя «антисоветским человеком», сможет вернуться в Москву. Он сообщает Славатинскому, что думает ехать в Париж. Почему – в Париж?

За Исаю Григорьевича хлопочет один из авторов журнала «Россия» – Борис Пастернак. Пытаясь устроить его парижскую судьбу,

⁴⁷ Об этом см.: *Мишуровская М.В.* Американский опыт Адольфа Гая-Меньшого // Русские евреи в Америке. СПб.; Торонто, 2017. Кн. 15. С. 49–80.

⁴⁸ Документы из следственного дела И.Г. Лежнева-Альтшулера, обвиненного по 62-й статье УК в «антисоветской деятельности», хранящиеся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности, частично опубликованы – в сборнике «Остракизм по-большевистски: преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг.» и в 1995 г. – Г.С. Файманом в «Независимой газете».

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 169. Д. 30. Л. 55–58.

⁵⁰ ЦА ФСБ. Д. Р-46939. Л. 26 об. Цит. по: Остракизм по-большевистски... С. 348.

⁵¹ Там же. Л. 9–9 об. Цит. по: Остракизм по-большевистски... С. 348.

Пастернак осторожно вверяет заботу о Лежневке литературному помощнику Х.Г. Раковского (полпреда СССР во Франции) – Корнелию Люциановичу Зелинскому.

В письме к Зелинскому он сообщает свое видение ситуации, приведшей к высылке редактора «России»:

Правда и выслали-то его по поговорке: милые бранятся – только тешатся, т. е., только на срок, номинально трехлетний, но который обещали сохранить, с полным советским паспортом и разрешением работать в заграничном советском учреждении. Незадолго до высылки Радек по моей просьбе должен был поговорить с Дзержинским о Лежневке. Позволительно думать, что по пересмотре дела, м. б., его даже не выслали бы. Но Дзержинского не было эти дни в Москве. Высылка же, т. е. самая посадка на поезд, произошла неожиданно, и я не успел попросить у Радека письма Раковскому, в котором бы он мне не отказал и о котором в самую последнюю минуту попросил меня выслать. <...> Я знаю, что в предоставлении работы Вы, конечно, решительных шагов не сделаете, не запросив центра. И с этой стороны, вероятно, препятствие не встретится. Но выслушайте его со вниманием и доверием. Это умный, честный, до ослепления верный строю человек. Я настаиваю на слове, проскальзывающем в письме второй раз: мир заложен для Лежневки, как политического романтика – идеей союза, кроме которого он в мировом пространстве ничего не помнит, не знает и не ищет⁵².

Исай Григорьевич, не без иронии, пишет Зелинскому в Париж: «Посоветовал мне обратиться к Вам Борис Леонидович Пастернак. Он, как и другие товарищи, как и всероссийский союз писателей, принимают живейшее участие в моей беде. Минут за десять до отхода поезда из Москвы он примчался на вокзал и, запыхавшись, сказал: “Еще вот что. В Париже, в нашем постпредстве, работает поэт Корнелий Зелинский, друг Сельвинского. Он там занимает должность, кажется, литературного секретаря Раковского. Обратитесь к нему. Ему о Вашем деле напишет Сельвинский, напишу и я”»⁵³. Но до Парижа бывший редактор «России» так и не доехал...

Странен и отличен от последующих анкет и автобиографий И.Г. Лежневки подготовленный им для Славянского послужной список. Странность заключается в нескольких на первый взгляд нелепых подробностях о его работе в 1919 г. в Киеве, в других

⁵² Цит. по: *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 7: Письма, 1905–1926. М.: Слово, 2005. С. 685–686.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 1604. Оп. 1. Ед. хр. 676. Публ. в кн.: *Громова Н.А.* Узел. Поэты. Дружбы. Разрывы. Из литературного быта конца 20-х – 30-х годов. М.: АСТ, 2016. 608 с.

анкетах им более не повторяемых: «Летом поехал в командировку в Киев⁵⁴ и основал там (лежа на кровати и серьезно больной) журнал “Красный офицер” (по штатам был проведен в юмористич[еской] должности инструктора верховой езды), много писал в журнале сам под разными псевдонимами, в частности под псевдонимом “Н. Подвойский”»⁵⁵. Исай Григорьевич также сообщает, что параллельно с изданием журнала «Россия» в 1924–1926 гг. работал обозревателем «Учительской газеты», был заведующим художественной частью «Работника просвещения», писал политические обзоры для газеты «Бакинский рабочий». Послужной список завершает «итоговая оценка» – рукой Лежнева написано: «Бессрочная высылка из пределов СССР с волчьим билетом»⁵⁶. Последние два слова им подчеркнуты.

Славянский «устанавливает»: Лежнева «выслать из пределов СССР сроком на три года»⁵⁷.

Ссылный Исай Григорьевич уезжает за границу вместе со своей тогдашней женой Эстер Соломоновной Альтшулер⁵⁸, которой он впоследствии посвятит «Записки современника». Едут они не в Париж, как предполагал Лежнев, общаясь с А.С. Славянским, а в Берлин. Перед этим они ненадолго останавливаются в Хаапсалу, затем – в Ревеле.

(Продолжение следует)

Литература

- Агурский 1980 – *Агурский М.С.* Идеология национал-большевизма. Paris: YMCA-PRESS, 1980. 321 с.
- Агурский 1981 – *Агурский М.С.* Переписка И. Лежнева и Н. Устрялова // *Slavica Hierosolymitana: Slavic studies of the Hebrew University. Vol. V–VI.* Jerusalem, 1981. С. 543–589.
- Квакин 2006 – *Квакин А.В.* Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего Пути. М.: Центрполиграф, 2006. 413 с.
- Шестов 2000 – *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности: (Опыт адогматического мышления) // *Апофеоз беспочвенности: [сб.].* М.: АСТ, 2000. С. 452–616.

⁵⁴ В качестве начальника отдела печати ГУВУЗа.

⁵⁵ ЦА ФСБ. Д. Р-46939. Л. 29. Цит. по: Остракизм по-большевистски... С. 349.

⁵⁶ Там же. Цит. по: Остракизм по-большевистски... С. 351.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Вернувшись в СССР из берлинской ссылки, И.Г. Лежнев женился на переводчице Лидии Павловне Ландо.

References

- Agurskii, M.S. (1980), *Ideologiya natsional-bol'shevizma* [Ideology of national Bolshevism], YMCA-PRESS, Paris, France.
- Agurskii, M.S. (1981), "Correspondence of I. Lezhnev and N. Ustryalov", *Slavica Hierosolymitana: Slavic studies of the Hebrew University*, vol. V-VI. Jerusalem, Israel.
- Kvakin, A.V. (2006), *Memezhdubelymi i krasnymi. Russkaya intelligentsiya 1920–1930 godov v poiskakh Tret'ego Puti* [Between white and red. Russian intelligentsia in the 1920s and 1930s in search of the Third Way], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.
- Shestov, L. (2000), "Apotheosis of groundlessness: (Experience of adogmatic thinking)", *Apofeoz bespochvennosti*, AST, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Мария В. Мишуровская, главный библиограф, Российская государственная библиотека искусств, Москва, Россия; 107031, Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 8/1, onb@liart.ru

Information about the author

Mariya V. Mishurovskaya, chief bibliographer, Russian State Art Library, Moscow, Russia; bld. 8/1, Bolshaya Dmitrovka Str., Moscow, Russia, 107031; onb@liart.ru

Православие в истории

УДК 271.2-558.7

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-69-86

Канонизация святых и псевдоканонизация усопших подвижников. Проблемы и решения

Архимандрит Дамаскин (В.А. Орловский)

*Синодальная комиссия по канонизации святых
Русской Православной Церкви, Москва, Россия, usr04@mail.ru*

*Посвящается великому агиологу
архиепископу Сергию (Спаскому)*

Аннотация. В статье в историческом контексте анализируется актуальная, но малоизученная проблематика института канонизации местно-чтимых святых как специфическая часть общего порядка канонизаций, совершаемых Русской Православной Церковью в соответствии с едиными критериями канонизации. Анализируя процесс формирования епархиальных Соборов святых, начавшийся в советский период, автор показывает, что в течение своего существования Русская Православная Церковь имела четкий канонически-правовой механизм канонизации святых как для общецерковного, так и для местного почитания, но в ее истории до середины XX в. такого институционального образования, как «епархиальный Собор святых», не было. В статье прослеживается превращение «епархиальных Соборов» в полулегальный канал, по существу отменяющий основные церковные определения, касающиеся центра церковной жизни – сферы святых. Рассматривая учреждение нового для Русской Церкви института как дань революционной эпохе, автор касается антрополого-генетических проблем, характеризуя истоки и сущность «религиозного материализма» и глубинных основ, определяющих качества и устремления человека в зависимости от образа-идеала. В статье доказательно показано, что подмена образа святого открывает путь к фарисейству, как к целостной системе мировоззрения, которая с внешней стороны выглядит убедительно и привлекательно, а с внутренней – губительна.

© Архимандрит Дамаскин (В.А. Орловский), 2020

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, канонизация святых, критерии канонизации, общецерковное почитание святых, местночтимые святые, епархиальные Соборы святых, архиепископ Сергей (Спасский), «религиозные материалисты», чудотворения

Для цитирования: Архимандрит Дамаскин (В.А. Орловский). Канонизация святых и псевдоканонизация усопших подвижников. Проблемы и решения // История и архивы. 2020. №. 3. С. 69–86. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-69-86

Canonization of saints and pseudo-canonization of deceased ascetics. Problems and Solutions

Archimandrite Damaskin (V.A. Orlovskii)

*The Synodal Commission on Canonization of Saints
of the Russian Orthodox Church,
Moscow, Russia, usr04@mail.ru*

*Dedicated
to the great hagiologist
Archbishop Sergii (Spasskii)*

Abstract. In a historical context, the article carries out research on the actual, but poorly studied, problems of the institution of locally venerated saints' canonization as a specific part of the general canonization procedure performed by the Russian Orthodox Church in accordance with the unified canonization criteria. Analyzing the process of the Eparchial Sobors of Saints formation that began in the Soviet period, the author shows that throughout its existence the Russian Orthodox Church had a clear canonical and legal mechanism of the canonization of saints for both Church-wide and local veneration, but in its history until the middle of the 20th century such an institutional formation as the "Eparchial Sobors of Saints" did not exist. The article traces the transformation of the Eparchial Sobors into a semi-legal channel, which essentially cancels the basic church definitions concerning the center of church life – the sphere of saints. Considering the establishment of a new, for the Russian Church, institution as a tribute to the revolutionary era, the author deals with the anthropological and genetic problems, characterizing the origins and essence of religious materialism and of the deep foundations that determine a person's qualities and aspirations as depending on the image ideal. The article provides sufficient evidentiary foundation to show that the substitution of a saint image opens the way to pharisaism, as a holistic worldview system, which is seen convincing and attractive from the outside, and destructive – from the inside.

Keywords: Russian Orthodox Church, canonization of saints, canonization criteria, Church-wide veneration of saints, locally venerated saints, Episcopal Sobors of Saints, Archbishop Sergii (Spasskii), “religious materialists”, miracles

For citation: Archimandrite Damaskin (V.A. Orlovskii) (2020), “Canonization of saints and pseudo-canonization of deceased ascets. Problems and solutions”, *History and Archives*, no. 3, pp. 69–86, DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-69-86

Канонизация святых как устойчивое явление, существующее в Русской Церкви в течение 900 лет, подразумевает определенный порядок. Как внешний, связанный с процедурой – кем именно в разные исторические периоды совершалась и совершается канонизация – Поместным или Архиерейским Собором, Священным Синодом или Патриархом, – так и внутренний, содержательный или сущностный. Внешний порядок в каждой из своих частей имеет свое совершенно определенное практическое назначение. Так, например, прохождение материалов о канонизуемом через Священный Синод и подчиненные ему комиссии имеет значение исключительно как определенного рода цензура, когда квалифицированными экспертами должно детально рассматриваться соответствие поданных материалов основополагающим критериям канонизации, ее содержательной части. Эта цензура на соответствие критериям канонизации на протяжении истории Церкви всегда была многоступенчатой, и создавались для канонизации каждого конкретного угодника Божия комиссии – постоянно действующие, как в настоящее время, или на время подготовки канонизации созываемые, как то было в предшествующий 1918 г. период церковной истории, должны действовать строго в соответствии с принципами, имевшимися задолго до создания каких бы то ни было комиссий, ибо принципы канонизации – неизменяемы и не могут быть изменены, так как имеют своим источником неизменяемого Законодателя, в отличие от земных законов, которые применяются в соответствии с существующими потребностями общества – гражданского или церковного.

Главное в канонизации святых – это ее содержательная часть – критерии, в соответствии с которыми она совершается.

Обязательным условием канонизации является наличие в материалах к канонизации определенных фактов, свидетельствующих о святости угодника Божия: 1) праведная жизнь, 2) *подтверждающие праведность жизни* посмертные чудотворения и только на 3-м месте – почитание подвижника церковным народом, т. е. народ далеко не всегда является выразителем истины и может почитать

святого, обращаться к нему за помощью и советом, но может проходить и мимо него, его не замечая. Сам же святой по самой природе духовной жизни, к которой он причастен, не заинтересован в своей известности и популяризации своего имени.

Вполне естественно, что такой критерий, как посмертные чудотворения, который не зависит от человеческих суждений о подвижнике и находится исключительно в ведении Божиим, является основным и решающим. Без его соблюдения канонизация превращается в церковно-бюрократическое действие, лжеканонизацию, и ее цена не больше той бумаги, на которой записано о ней решение. Все критерии канонизации были зафиксированы в определении Священного Собора Православной Российской Церкви 1918 г., соответствуют почти тысячелетней практике причисления к лику святых в Русской Православной Церкви и не допускают никаких толкований: «Для причтения угодника Божия к лику местночтимых святых необходимо, чтобы богоугодная жизнь праведника была *засвидетельствована* даром чудотворения по кончине его и народным почитанием его»¹. Вполне естественно, что критерии канонизации как к местному, так и к общецерковному почитанию одинаковы.

Обязанность Архиерейского Собора и Священного Синода (и всех уполномоченных Собором или Синодом инстанций) в вопросе канонизации святых — это изучить свидетельства, вполне удостовериться в их подлинности и только уже после этого через процедуру канонизации сообщить Поместной Церкви о том, что налицо имеются ясные свидетельства славы Божией, явленной в чудотворениях, что они не подложны и не являются хитросплетенными баснями человеческими. Наличие таких свидетельств, подтверждающих праведность жизни угодника Божия, и позволяет причислить его к лику святых.

К местному почитанию, в соответствии с определением Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., «прославление совершается по благословению Святейшим Патриархом со Священным синодом»², а после постановления Священного Синода от 1–2 октября 1993 г. — по благословению Святейшего Патриарха³, что входило в противоречие с Уставом Русской Право-

¹ Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. II. Ч. 1. Деятельность Русской Православной Церкви. М., 2014. С. 31.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. четвертый. Прил. к «Деяниям» второе. М., 1918. С. 25.

³ Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. II. Ч. 1. С. 35.

славной Церкви, в котором за Патриархом такая функция не была закреплена. Было необходимо привести практику местных канонизаций в соответствие с нормами Устава, изучив всю историю вопроса⁴. Эта работа выявила большое число имен усопших, сведения о канонизации которых отсутствовали, но их имена были внесены в различные книги, включая богослужебные. Значительная часть этих имен оказалась в списках епархиальных Соборов. О подавляющем большинстве таких неканонизованных усопших можно определенно сказать, что материалы о них не собирались и соответственно не изучались. Несмотря на это, некоторыми утверждалось, что существуют аргументы, учитывая которые можно признать их канонизованными. Перечислим их.

Первый и самый распространенный из них – что канонизация подтверждается включением имени усопшего в один из епархиальных Соборов исходя из той «логики», что если к списку имен святых подписать имена не святых, то они станут святыми. Часто ссылаются при этом на статьи из Православной энциклопедии, где дается такая формулировка: канонизация подтверждается нахождением имени в таком-то епархиальном Соборе. То есть в статье дается ссылка на наличие имени в списке собора, а епархия ссылается, как на доказательство канонизации, на статью в энциклопедии. В оправдание можно сказать, что при отсутствии материалов о канонизации авторам статей невольно приходилось ссылаться на список имен в каком-либо епархиальном Соборе, так как в их задачи не входило проводить научное исследование – какие имелись основания, чтобы включить то или иное имя в состав епархиального Собора. Но совершенно очевидно, что наличие имени в списке не может доказывать факта канонизации, как не доказывает его и статья в Православной энциклопедии.

До сего времени повторяются ошибочные утверждения, что имя усопшего встречается, например, в Соборе Вологодских святых, будто бы учрежденном епископом Вологодским Иннокентием (Борисовым)⁵. Следует усвоить тот факт, что традиция учреждения Соборов епархиальных святых в Российской Православной Церкви отсутствовала и они стали учреждаться в советский период, один из самых темных периодов российской церковной истории. В действительности епископ Иннокентий всего лишь освятил Крестовую

⁴ 2 декабря 2017 г. на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви были приняты изменения и дополнения в Устав Русской Православной Церкви. За Священным Синодом были закреплены право канонизации местночтимых святых и вынесение вопроса об их общецерковном прославлении на рассмотрение Архиерейского Собора.

⁵ Минея. Май: в 3 ч. Ч. 3. М., 1987. С. 466–467.

церковь Вологодского архиерейского дома во имя всех святых угодников Вологодских и написал в их честь тропарь, кондак и молитву, что совершенно не означало учреждения такого институционально нового и по тем временам новаторского явления в Русской Церкви⁶.

Ссылаются иногда на то, что имя усопшего находится в Соборе Ростово-Ярославских святых, учрежденном в 1964 г. Действительно, в 1964 г. было установлено празднование Собора Ростово-Ярославских святых, в который были внесены имена 30 канонизованных подвижников⁷, но с 2005 г. в него стали вписываться десятками имена неканонизованных усопших: было внесено 84 имени и 1200 человек безымянных⁸.

В 1983 г. был составлен список имен Собора Сибирских святых [Дамаскин (Орловский) 2018, с. 174]. Имена в этот список вносились неквалифицированной в области агиологии монахиней Евгенией (Волошук) и утверждались епископом Омским и Тюменским Максимом (Крохой). После того как епископ Максим был переведен в Тульскую епархию и вместе с ним туда переехала монахиня Евгения, ею таким же образом был составлен список Собора Тульских святых [Дамаскин (Орловский) 2018, с. 175], в который были массово включены имена неканонизованных усопших; список имен этого Собора был одобрен епископом Максимом. В оправдание такого рода новаций можно лишь сказать, что люди, действовавшие подобным образом, считали их канонизованными, так как они не отличали канонизованных святых от почивших подвижников, то есть, поступали так исключительно по своему невежеству. Однако плодом этого невежества стала нависшая над Церковным Преданием угроза его тотального разрушения и, как следствие, преднамеренный обман церковного народа, когда о неканонизованных усопших стало утверждаться, как о прославленных Церковью угодниках Божиих. И соответственно уничтожение как в светской, так и в церковной областях агиологии как области научного знания.

Встречается и такое суждение: включением имени в Собор и совершалась канонизация подвижника. Допускать такое предположение – значило бы утверждать, что Патриарх Пимен, возглавлявший Русскую Церковь в то время, был полным невеждой в таком сугубо церковном вопросе, как канонизация святых. Иногда высказывалось мнение, что Патриарх Пимен в условиях, когда соверше-

⁶ См.: *Иннокентий (Борисов), еп. Харьковский*. Слова к пастве Вологодской, говоренные преосвященным Иннокентием, епископом Харьковским и Ахтырским, во время управления Вологодского паствою. 2-е изд. Харьков, 1860. С. 53.

⁷ Православный церковный календарь. 1966. М., 1965. С. 27.

⁸ Там же. 2005. М., 2004. С. 89–92.

ние канонизаций из-за негативного отношения к Церкви советского государства было невозможно, проводил нелегальные канонизации, и потому утверждал списки Соборов с именами почивших. Однако Патриарх Пимен по личному опыту знал, что власть наблюдает за каждым его шагом и не допустит принять ни одного церковного решения без предварительного согласования с нею и тем более в таком принципиальном для нее вопросе, как канонизация святых, что с точки зрения власти могло явиться живым свидетельством о продолжающейся жизни Церкви. Нелепо предположение, что Патриарх Пимен, желая обмануть советскую власть, вдруг решил провести массовые «канонизации» по списку и тем самым до основания разрушить Церковное Предание, обманув самого себя и выдав сотни почивших людей за святых. Такой план не придет в голову и врагу Церкви, а Патриарх Пимен врагом Церкви не был. Абсурдно также предполагать, что Патриарх Пимен мог кого-то канонизовать по списку, без материалов, без каких бы то ни было сведений о предлагаемых к канонизации подвижниках. Патриарха Пимена можно было обмануть, прося благословение на учреждение епархиального Собора, не ставя его в известность, что в епархиальные Соборы вписываются десятки имен почивших людей, но нельзя было у Патриарха Пимена отнять здравомыслие и считать, что он мог думать, что таким путем служит Богу.

Патриарх Пимен, как бы он ни был немощен в последние годы, как церковный человек понимал, что, сколько не составляй таких списков усопших, они будут оставаться неканонизованными. Ему не приходило в голову, что подчиненные ему люди из-за целей, которые они считают благими, пойдут на подлог, составляя списки усопших как якобы прославленных Церковью святых. В 1981 г. по просьбе наместника Троице-Сергиевой лавры архимандрита Иеронима (Зиновьева) Патриарх Пимен благословил праздновать Собор Радонежских святых, полагая, что в него войдут имена только прославленных Церковью угодников Божиих. Вместо этого Собор был наполнен именами тех, кого монахи на тот момент вспомнили. Приехав в лавру, Патриарх Пимен пожелал отслужить панихиду по тогда еще не канонизованному схимонаху Кириллу и схимонахине Марии, родителям преподобного Сергия Радонежского. Некоторые из присутствовавших здесь монахов заметили Патриарху, что эти подвижники канонизованы. Патриарх Пимен потребовал отчета, кем и когда они были канонизованы. Но ответ был один, что они состоят в Соборе Радонежских святых. После окончания богослужения Патриарх попросил перечислить имена тех, кто был вписан в этот Собор. Стали называться имена известных, но неканонизованных подвижников. Выслушав, Патриарх Пимен потребовал, чтобы все эти имена были убраны из списка Собора Радонежских

святых, что, однако, не было исполнено [Дамаскин (Орловский) 2018, с. 173–174].

Но даже если предположить невероятное, что Патриарх Пимен, находясь в здравом уме и твердой памяти, решил нарушить все церковные установления ради того, чтобы обмануть советскую власть, то и тогда все эти решения, будучи незаконными, остаются и недействительными. Причем на эти решения не влияет «оправдание временем», так как оно не может превратить незаконное в законное, сколько бы лет ни прошло. Камень, сколько он ни будет лежать при дороге, сам по себе не превратится в хлеб. Если по молитвам почившего праведника не совершались никогда чудотворения, то хотя бы его имя и находилось в разных списках десятки лет, как якобы прославленного святого, он останется таким же непрославленным усопшим до тех пор, пока Сам Бог не прославит его. А до этого времени нахождение его имени в святцах будет лишь вводить в заблуждение. Одно объявление о канонизации через какую бы то ни было церковную инстанцию не может сделать подвижника святым. Если таких свидетельств чудотворений не обнаружено, то хотя бы постановление относительно подвижника и было принято, все останется в том же положении, и это следует квалифицировать как ложную, ошибочную канонизацию, поскольку в данном случае не было соблюдено главное *содержательное* условие канонизации – благословение на нее Бога, явленное через факты чудотворений.

Ссылаются как на доказательство канонизации и, следовательно, законности нахождения имени усопшего в списке Собора святых и на то, что его имя находилось в списке имен в богослужебной Минее за месяц май, опубликованной в 1987 г. Однако в этот список было внесено более 400 имен неканонизованных усопших⁹. Его следует рассматривать как список людей, оставивших свой след в русской церковной истории, чьи имена оказались запечатленными или лишь упомянутыми в книгах. Составители этого списка внесли в него множество имен церковных деятелей, но они не ставили перед собой задачу выяснить, были ли эти люди канонизованы. Таким образом, к понятиям «святость» и «канонизация» данный список не имеет почти никакого отношения. Этот факт ярко характеризует духовное состояние общества того времени. Между историческим деятелем, внесшим вклад в церковно-общественную жизнь, и святым по существу был поставлен знак равенства, а Церковь в сознании таких делателей ограничивалась рамками земного существования, где «хороший человек» и «святой» могли считаться синонимами.

⁹ Миней. Май: В 3 ч. Ч. 3. М., 1987. С. 356–380.

Также ссылаются и на печатавшиеся в разное время книги, например, архиепископа Димитрия (Самбикина)¹⁰, внесшего много разрушительного в русскую агиографию, архиепископа Филарета (Гумилевского)¹¹, архимандрита Леонида (Кавелина)¹², архимандрита Никодима (Кононова)¹³, М.В. Толстого¹⁴ и т. д. Ошибочно приводят и «Полный месяцеслов Востока» архиепископа Сергия (Спасского)¹⁵. Однако именно по его инициативе Святейшим Синодом 10 августа 1901 г. было принято решение о составлении списка всех в действительности канонизованных в Русской Церкви святых¹⁶. Архиепископ Сергей писал в Святейший Синод, что, занимаясь восточной и, в частности, русской агиологией и издавая «Полный месяцеслов Востока», вслед за другими писателями считал некоторых угодников за канонизованных и только позже узнал, что по ним поются панихиды¹⁷. Как великий ученый он умел признавать свои ошибки. Бесперспективно в свое оправдание говорить врачу, что больной сам скончался, особенно в тех случаях, когда имела место и врачебная шибка. Такой врач никогда не станет ни хорошим врачом, ни ученым. «Верный Месяцеслов всех Русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями обще-

¹⁰ См.: Месяцеслов святых, всюю Русскою Церковию или местно чтимых, и указатель празднеств в честь икон Божией Матери и святых угодников Божиих в нашем отечестве. Вып. 1–12: В 14 т. Каменец-Подольск; Тверь, 1893–1902.

¹¹ См.: Святые южных славян. Описание жизни их. СПб., 1894; Русские святые, чтимые всюю церковью или местно. СПб., 2008.

¹² См.: Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII в.), обще- и местночтимых, изложенных в таблицах, с картою России и планом Киевских пещер: Справочная книжка по русской агиографии. СПб., 1891.

¹³ См.: Древнейшие архангельские святые и исторические сведения о церковном их почитании. СПб., 1901; К вопросу о канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903; Олонецкий патерик, или Сказания о жизни, подвигах и чудесах преподобных и богоносных отец наших, просветителей и чудотворцев олонецких. Петрозаводск, 1910; Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков, [расположенные по месяцам памяти их]... Вып. 1–12, доп. т. М.: Афон. рус. Пантелеймонов монастырь, 1906–1912.

¹⁴ См.: Книга глаголемая Описание о российских святых, где и в котором граде или области или монастыре или пустыни поживе и чудеса сотвори, всякого чина святых. М., 1887.

¹⁵ См.: Полный месяцеслов Востока: В 3 т. М., 1997.

¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 182. Д. 2497. Л. 14.

¹⁷ Там же. Л. 9 об.

церковно и местно»¹⁸ был издан в 1903 г., и в соответствии с постановлением Святейшего Синода в него вошли все канонизованные Русской Церковью святые.

В течение целого ряда лет это важнейшее для русской агиологии издание игнорировалось многими епархиями Русской Церкви. Некоторые епархии допускают в свое оправдание заявления, утверждая, что решениями Святейшего Синода, принятыми до 1917 г., нельзя пользоваться, тем самым пытаясь отменить церковные определения, причем в исключительно важной области. Эти церковные определения касаются не деталей административного управления Поместной Церкви, не прикладных или периферийных, частных сфер церковной деятельности, а центра церковной жизни – ее святых. Подытожена эта сфера церковной жизни была в тот период, когда Русская Церковь стала на короткое время свободна от влияния государства, – на Священном Соборе Православной Российской Церкви в 1918 г. Современные заявления о необходимости отмены основных в этой области церковных определений иначе, как революционными, не назовешь.

В качестве доказательства бывшей будто бы канонизации говорят о почитании, зафиксированном в письменных источниках. Здесь почитание современным человеком воспринимается как популярность имени подвижника. О нем приводят такую аргументацию: поскольку в пределах епархии почитание подвижника велико и имеет многолетнюю историю, то практически невозможно искусственно прекратить почитание. Следует, однако, заметить, что Русская Церковь в упорядочении списков имен в епархиальных Соборах святых призывает епархии идти исключительно законным путем, то есть собирать материалы, связанные с почитанием подвижника, записывать факты чудотворений по молитвам к нему и законно, на основании церковных установлений, причислить его к лику святых. Если подвижник действительно почитается в епархии, он может чтиться панихидами и заупокойными литургиями, даже если его имя было ошибочно включено в список Собора и ему стали служить молебны. Такие примеры в церковной истории существовали и воспринимались как нормальная церковная практика. В 1904 г. Святейший Синод распорядился относительно трех подвижников, имена которых были ошибочно внесены в «Верный Месяцеслов...», т. е. в список имен канонизованных Церковью святых, служить им не молебны, а панихиды,

¹⁸ Верный Месяцеслов всех Русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно, составленный по донесениям Святейшему Синоду преосвященных всех епархий в 1901–1902 годах. М., 1903. 72 с.

что и было исполнено¹⁹. И никакого переворота не произошло. Это была традиция в Русской Церкви – когда почитаемым подвижникам в течение продолжительного времени служились панихиды, а вопрос об их прославлении ставился лишь тогда, когда начинали совершаться чудотворения. При наличии таких свидетельств материалы о подвижнике всегда могут быть поданы на рассмотрение, и, если будет принято решение о канонизации, имя такого подвижника может быть включено в Собор святых епархии. В противном случае, заявляя публично о подвижнике, как о канонизованном святом, тогда как в действительности никакой канонизации не было, такие заявители становятся заурядными обманщиками. Уместно здесь будет сказать о таком понятии, как «кошунство», под которым подразумевается надругательство над тем, что в Церкви почитается как святыня. Но таким же образом кошунством можно назвать и то, когда вместо святыни предлагаются для поклонения ложные святыни, лжемощи или лжесвятые.

Следует упомянуть о существующем в настоящее время воззрении на канонизацию, которое одинаково бытует в среде людей как позиционирующих себя церковными, так и не считающих себя таковыми. Его можно охарактеризовать как «религиозный материализм», когда Церковь в системе такого мировоззрения приравнивается к мирскому учреждению со своей иерархией, со своим начальством и со своими правилами. И тогда общество церковное в системе таких представлений может почти ничем не отличаться от общества мирского, в рамках одних и тех же принципов поклоняющихся культу героев. По существу Церковь тогда осознается преимущественно как сообщество людей с общим мировоззрением, общей идеологией. Это общество может уже строиться на достаточно узких идеологических принципах, имеющих тот или иной общественно-политический идеал, к достижению которого следует будто бы стремиться; соответственно этому идеалу подбираются и герои, как бы небесные лидеры для определенного религиозно-общественного движения. Отсюда рождается горячее желание канонизации такой категории, как полководцы. Иногда «религиозные материалисты» начинают считать человека святым только потому, что им лично он симпатичен. Однако эти душевные переживания не имеют ничего общего с духовным миром. Люди таким образом бессознательно свидетельствуют сами о себе, как о безгрешных, заявляют, что о святости подвижника говорят им их собственные религиозные чувства. Для «религиозного материалиста» является весьма существенным, что тот или иной подвижник сделал в области материальной культуры, например отличился ли он строительством

¹⁹ Церковные ведомости. 1904. № 31. С. 326.

храмов, что должно, по их мнению, свидетельствовать о святости его жизни. Или, что существуют каноны, акафисты и т. п. гимнографические тексты, должны как будто свидетельствовать о святости подвижника. «Религиозные материалисты» считают, что святость нужно доказывать с помощью перечня добрых дел, совершенных подвижником, и с учетом степени его популярности.

Как свидетельство святости, «религиозный материализм» рассматривает популярность подвижника в среде ученых, то, что о нем пишутся научные труды, проводятся посвященные ему научные конференции, издаются книги, снимаются документальные фильмы и т. п.

В некоторых случаях допускаются почти кощунственные заявления о том, что составление так называемых списков епархиальных Соборов святых, в которые десятками включались имена никогда не прославлявшихся Церковью усопших, имело своей целью оживить церковную жизнь, вдохнуть новую силу в почитание святых, призвать их молитвенную помощь и заступничество и избавить советский народ предперестроечной и перестроечной эпохи от безбожия и богоборчества. Однако предположение, что святых можно использовать в таком качестве, весьма оскорбительно для усопших, которые отнюдь не давали своего согласия на рекрутирование их в виде материала для строительных работ. «Религиозный материализм» утверждает, что само сомнение в святости этих записанных в епархиальные списки усопших оскорбляет их память. Однако следует заметить, что речь идет о давно почивших людях, через которых Господь не проявил Свою волю чудотворения. И потому оскорбить их неверием в их святость невозможно, скорее мы оскорбим Господа, приписывая этим людям дары, которые Господь им не давал. С чего бы они проявились сейчас, в XXI веке? А если проявились сейчас и действительно по их молитвам совершаются чудотворения, то это надо показывать. А если это не так, то следует сказать четко и ясно, что сама попытка выдать усопших подвижников за святых – это попытка обмануть тысячи людей, попытка выдать тех, кого Бог не прославил, за святых, якобы имеющих сверхъестественные дары.

Люди вместо того, чтобы на панихидах и заупокойных литургиях молиться об упокоении души человека, вообще перестают о нем молиться и начинают просить у него то, что он никогда не давал. Таким образом они и не молятся о почившем, и обманывают себя и других, уверяя, что могут получить ответ. Но как получить ответ, откуда почерпнуть воду, когда колодец пуст? Но скажет кто-нибудь: «Я буду молиться – и в колодце может быть пробьется источник, и он наполнится водой». Но как это может случиться, если ты сам уже перестал молиться о спасении души человека, об упокоении его

со святыми, решив сам, что он свят? Поэтому чудотворения должны стать известны еще до того, как прекращается служение панихид и начинают служить молебны.

Чудотворения, которые имеет в виду Церковь, носят не психологический, а физический характер, близкий к тому, что засвидетельствовано о таких чудесах Евангелием. Это и является прославлением Богом Своего угодника и Его произволением на канонизацию. Ни праведная жизнь, ни православие безукоризненное, хотя и являются весьма почтенными религиозными свидетельствами о человеке, не являются тем, что можно до конца знать и проверить. Наши знания в этой области всегда будут отрывочны и неполны. Что касается почитания, то и это основание канонизации не является абсолютным, так как нередко случаи почитания лжесвятых, людей находившихся в прелести или даже мошенников. Для мучеников аналогом чудотворения является перенесение за веру Христову чрезвычайных страданий, в частности и таких, какие нельзя перенести без прямой помощи Божией, поэтому при канонизации мучеников не может стоять и вопроса о чрезвычайности страданий, о том, что их трудно было перенести, и потому человек пошел на компромисс со своей христианской совестью и стал отступником от веры. Это тот случай, когда Господь ради веры человека оказывает чрезвычайную сверхъестественную помощь. И никакого третьего, компромиссного варианта здесь нет и не может быть.

В связи с этим встает вопрос об эксгумации останков неканонизованных усопших и выставлении их в храмах для поклонения, что делается по большей части в нарушение принятых Священным Синодом постановлений. Но как бы это ни делалось – с разрешения церковной власти или без оно – перед нами останки, пусть с точки зрения истории или рассуждения человеческого, и подвижника, но не прославленного Богом, а значит такого, которого мы не имеем ни малейших оснований считать святым. У Церкви всегда был законный и легко применявшийся на практике выход из подобных ситуаций при ошибочных обретениях останков подвижника – положить их под спуд, установив над ними кенотаф до того времени, пока подвижник не будет прославлен Богом чудотворениями.

Не все, конечно, епархии, занимающиеся пересмотром списков имен в епархиальных Соборах святых с целью ввести эти списки в каноническое церковное русло, находятся на позиции отставания церковного невежества. К 2020 г. согласован ряд Соборов епархиальных святых, в которые ранее входили неканонизованные усопшие: Собор святых Брянской митрополии, Собор святых Ивановской митрополии, Собор святых Санкт-Петербургской митрополии, Собор Карельских святых, Собор Псковских святых,

Собор Псково-Печерских преподобных, Собор Казанских святых, Собор Кемеровских святых и Собор Тульских святых.

Напоминаем еще раз, кто именно из угодников Божиих был в действительности канонизован Русской Церковью за весь период от начала ее существования по 1902 г. включительно. Это все те, имена которых находятся в изданном в 1903 г. по благословению Святейшего Синода «Верном Месяцеслове...»²⁰. В 2015 г. Синодальная комиссия по канонизации святых переиздала «Верный Месяцеслов...»²¹, дополнив его именами святых, канонизованных по 1918 г. Этот период охватывает время от первых канонизаций в Русской Церкви по 1918 г. включительно и является как раз тем периодом, который, как мы видим из списков имен неканонизованных усопших в епархиальных Соборах, и вызывает вопросы и недоумения. Однако Высшая церковная власть изданием «Верного Месяцеслова...» эти недоумения уже разрешила. Причем в «Верном Месяцеслове...» находятся имена святых, чтимых как общецерковно, так и местно. В настоящее время ни у кого нет нужды погружаться в различные книги и публикации, касающиеся агиологии. Все канонизации, которые совершались в дальнейшем, т. е. с конца 80-х гг. XX в., имеют соответствующие документы и совершались не списочно, а в индивидуальном порядке и при наличии необходимых для этого материалов.

Есть область церковной жизни, которая до некоторой степени находится в ведении человека, хотя это ведение и дано человеку Богом, – это, например, идущее от апостолов преемство хиротонии, рукоположения в священный сан, и совершение таинств. И есть область духовной жизни, которая по преимуществу вынесена за пределы человеческого рассуждения. Это область святости, область причисления к лику святых угодников Божиих, область, по своей сущностной природе находящаяся за пределами земной человеческой жизни, а потому и за пределами ведения о ней человека. Ни один человек не имеет вполне достоверного знания о другом человеке, о его душе, даже если он в течение всей жизни жил рядом с ним и его наблюдал. Он может знать только одну какую-то малую часть личности человека. Всего человека – его душу, намерения, помыслы и сердце человека – знает только Господь. Но если человек не может знать другого человека – даже в земной, материальной, душевной

²⁰ Верный Месяцеслов всех Русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно, составленный по донесениям Святейшему Синоду преосвященных всех епархий в 1901–1902 годах. М., 1903.

²¹ Верный Месяцеслов 2015 – Верный Месяцеслов всех Русских святых, прославленных с 1072 по 1918 годы. М., 2015. 64 с.

части его жизни, то как он может определить, что он свят? Разве только на основании гипотез и предположений, личных рассуждений и чувствований. Но они всегда будут субъективными, как изначально пораженные грехом, искривленными далеко не всегда прямой человеческой жизнью. Хороша богосозданная человеческая душа, но ныне она немощна и больна. Святоотеческое учение, как и жития святых, вполне подтверждает это. Посмертными чудесами Бог свидетельствует о бесспорной святости Своего угодника, так как, по свидетельству святых отцов, и величайший подвижник мог пасть незадолго до своей кончины, что от людей может быть и сокрыто. Преподобный Исаак Сирин по этому поводу пишет: «Многие совершили чудеса, воскрешали мертвых, трудились в обращении заблудших и творили великие чудеса; руками их многие приведены были к богопознанию, и после всего этого сами, оживотворявшие других, впали в мерзкие и гнусные страсти, умертвили душевно самих себя»²². Так же об этом повествует и преподобный Макарий Великий: некоторый подвижник, живший вместе с ним, получил дар исцелений в таком обилии, что исцелял больных одним возложением рук, но, будучи прославлен человеками, возгордился и ниспал в самую глубину греховную²³.

Игнорирование *содержательной* части критериев канонизации, и в особенности главного из них – чудотворений, приводит к глобальному разрушению Церковного Предания и, как следствие этого, – искажению церковного сознания. Цель жизни христианина – святость, быть совершенным подобно Отцу Небесному: «Будьте святы, потому что Я свят» (1 Пет. 1:16). Христианина апостол Павел уподобляет спортсмену, бегущему, чтобы получить награду в виде венца нетленного, и для христианина имеет огромное значение, как Церковное Предание на примере святых определяет, что такое святость. Достигнуть этого идеала трудно, и апостол говорит о себе, что он не утверждает, что его достиг, но только устремляется – не достигнет ли, как достиг его Христос. На примере вселенских святых мы видим, что никто из них не считал себя достигшим святости. Достижение Царства Небесного и праведности от жизни человека и от его поступков не вполне зависит, так как сама цель находится за пределами земной жизни человека. Такая духовная установка позволяет человеку мыслить путь своего спасения не мечтательно и держать свою душу в духовном напряжении. Если мы будем описывать святость

²² Цит. по: *Исаак Сирин. Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина слова подвижнические*. М., 1993. С. 281.

²³ См.: *Беседа 27 // Духовные беседы*. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2008. С. 247–248.

в пределах исключительно земной жизни, ограничиваясь описанием приятного душевного облика праведного человека, как мы его видим и понимаем, то вольно или невольно совершим подмену, и перед человеком возникнет несколько иной идеал, связанный не столько с Богом, сколько с людьми, — исполнение заповедей, как их человек понимает, подвижническая, праведная жизнь, как опять же ее сам человек понимает в свете уже сформировавшегося в его сознании образца. И поскольку понятие святости оказывается замкнутым в земных пределах, а это происходит всегда, когда оно не связано с посмертными чудотворениями, в сознании человека начинает формироваться мысль об относительно легкой его достижимости, и по существу формируется свой собственный, иногда очень земной, идеал. И этот идеал может уже не иметь никакого отношения к святости. Выбросив из церковного сознания главный критерий причисления к лику святых, люди могут начать стремиться к самосвятости и самодельной праведности. Если же главным критерием, по которому можно судить о том, прославляет ли Господь праведника или нет, являются чудотворения, то о том, что человек достиг святости, ему думать не приходится вовсе, его гордые помыслы уничтожаются в самой их основе. Изъятие основного критерия канонизации — посмертных чудотворений — не только рождает опасность появления лжесвятых, но и искажает путь христианина ко спасению, порождая опасность встать на ложный, прелестный путь. Если у человека есть образ, каким должен быть праведник, и складывается этот образ из тех или иных человеческих черт или набора качеств, то зачем тогда и стремиться к Христу, можно всего лишь определить, есть ли подобные качества в тебе, и если есть, то ты уже можешь внутренне счесть себя праведником. Так открывается путь к фарисейству, как к целостной системе мировоззрения, которая с внешней стороны выглядит убедительно и привлекательно, а с внутренней — губительна и пуста. И по существу представляет собой красиво покрашенный гроб, содержание которого закрыто от взоров людей.

Область определения угодника Божия, как достойного прославления в лике святых, находится *исключительно в области ведения Божия*. Ни отдельный человек, ни Архиерейский Собор, ни Поместный Собор не могут определить, что человек свят и его следует канонизовать. Область святости лежит вне их ведения, Собор может лишь засвидетельствовать то, что уже дано в свидетельстве Божиим. Он всего лишь не должен свидетельствовать о святости подвижника, если отсутствует на это свидетельство Божие. Если свидетельство Бога отсутствует, никакие объявления человека святым не могут его таковым сделать, и мы этими объявлениями будем лишь обманывать и самих себя, и других.

Вопрос о включении в календари имен святых и усопших, которые выдаются за святых (или воспринимаются некоторыми таковыми), – это вопрос жизни и смерти Церковного Предания Русской (и не только Русской) Церкви, это вопрос жизни и смерти святых в истории, это продолжение или конец агиологии. С канонизацией, как это всегда понимала Церковь, как со всяким ценностным предметом можно бороться двумя способами. Это – не канонизовать. Многие думают, что так совершались процессы канонизации в Синодальный период, когда канонизации святых растягивались на десятки лет. Однако, как бы то ни было, в Синодальный период прославлены все (или почти все) подвижники, почитавшиеся церковным народом, и в соответствии с церковными критериями. А можно бороться и иначе, внося имена тех, которые только выдаются за святых, в церковные календари.

Можно горящую свечу поставить высоко на подсвечнике, а можно завалить ее так, что она будет почти не видна даже вблизи. Но у Бога она так же, конечно, будет гореть. Можно драгоценную жемчужину обрамить соответственно ее красоте и ценности, чтобы ее видели все, а можно ее завалить мусором, и таким образом она будет для всех сокрыта. И можно будет тогда сказать, что ее не существует вовсе. Это уже другой, и даже может быть более эффективный способ, как бы уничтожение святых в истории, когда они подменяются или окружаются плотной толпой исторических деятелей. Но сходство святых с историческими деятелями только в том, что и те и другие были людьми, но по существу изучения предмета – святости – у них нет почти ничего общего.

В самом начале XX столетия великий русский агиолог архиепископ Сергей (Спаский) писал, что издание полного верного месяцеслова русских святых «должно составить эпоху в русской агиологии и будет одним из памятных дел Святейшего Синода»²⁴. Продолжая его мысль в первой четверти XXI столетия, мы можем сказать, что оставление в календарях имен только прославленных святых, соответствующих критериям канонизации в Русской Церкви, явилось бы одним из самых славных дел Священного Синода. И, наоборот, включение имен усопших, не имеющих отношения к святым, в календари наравне со святыми, как бы ставя на одну плоскость, в один ценностный ряд тех, кого прославил Бог, с теми, кого пытаются прославить люди, было бы далеко не лучшим делом Священного Синода, а с точки зрения того, как оно может быть оценено в будущем, – и предосудительным.

²⁴ См.: Руди Т.Р. Из истории русской агиологии начала XX в.: издание «Верного месяцеслова всех Русских святых» // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. Т. II. СПб., 2011. С. 317.

Литература

Дамаскин (Орловский) 2018 – *Дамаскин (Орловский), архим.* Слава и трагедия русской агиографии. Причисление к лику святых в Русской Православной Церкви: история и современность. М., 2018. 528 с.

References

Damaskin (Orlovskii) archimandrite (2018), *Slava i tragediya russkoi agiografii. Prichislenie k liku svyatykh v Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi: istoriya i sovremennost'* [Glory and tragedy of Russian hagiography. Canonization of saints in the Russian Orthodox Church: history and contemporaneity], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Архимандрит Дамаскин (В.А. Орловский), доктор исторических наук, Синодальная комиссия по канонизации святых, Москва, Россия; 115184, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23 Б; usr04@mail.ru

Information about the author

Archimandrite Damaskin (V.A. Orlovskiy), Dr. of Sci. (History), Synodal Commission on Canonization of Saints, Moscow, Russia; bld. 23 B, Novokuznetskaya Str., Moscow, Russia, 115184; usr04@mail.ru

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 930.25

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-87-98

Архивы русской эмиграции в контексте исторических событий

Ирина В. Сабенникова

*Всероссийский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела,
Москва, Россия, sabennikova@mail.ru*

Аннотация. Архивы русской эмиграции, сложившиеся за рубежом преимущественно в период между двумя мировыми войнами и во время холодной войны, отражают наиболее трагические периоды русской и мировой истории – Первую и Вторую мировые войны, революцию и Гражданскую войну в России. Созданные в результате войн и революций, архивы русской эмиграции сами теперь являются тем источником, по которому пишется история этих масштабных и неоднозначно трактуемых событий. Архивы русской эмиграции стали частью единого архивного наследия, органично вошли в состав мирового информационного пространства. На современном этапе развития не только исторической науки, но и международных отношений стало необходимым ликвидировать все еще сохраняющиеся информационные бреши. Сделать это можно, лишь обратившись к архивным документам: воспоминаниям участников тех событий, сохранившейся делопроизводственной документации, переписке как частных лиц, так и институтов и организаций разного уровня – управленческих, дипломатических, международных, общественных. В этих условиях исследователям особенно важно соблюдать научную объективность при работе с архивными документами, которые и сами по себе часто возникали в результате острой политической борьбы и порой отражают диаметрально противоположные мнения различных политических группировок.

Ключевые слова: архивы русской эмиграции, архивные документы, Первая мировая война, Гражданская война, революция, история России, русское зарубежье

Для цитирования: Сабенникова И.В. Архивы русской эмиграции в контексте исторических событий // История и архивы. 2020. № 3. С. 87–98. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-87-98

Archives of the Russian diaspora in the context of historical events

Irina V. Sabennikova

*All-Russian Records Management
and Archival Science Research Institute,
Moscow, Russia, sabennikova@mail.ru*

Abstract. The archives of the Russian diaspora, which were established abroad mainly between the two World wars and during the Cold War, reflect the most tragic periods of Russian and World history – the First and the Second World Wars, the Revolution and the Civil war in Russia. Created as a result of wars and revolutions, the archives of the Russian diaspora have become now the source for research of the history of these huge and ambiguously interpreted events. The archives of the Russian diaspora became part of a single archival heritage, organically incorporated into the global information space. At the present stage of development not only of historical research, but also of international relations, it has become necessary to eliminate the still remaining information gaps. This can be done only by the study of the archival documents: the memoirs of the participants of those events, preserved official records, the correspondence of individuals and institutions and organizations of various levels – governmental, diplomatic, international, public. Therefore, it is especially important for researchers under these circumstances to try to maintain the objectivity of research during the process of study of archival documents, which themselves were often created as a result of a hot political struggle and, some time, reflect diametrically opposed opinions of various political groups.

Keywords: Archives of the Russian diaspora, archival documents, First World War, Civil war, Revolution, history of Russia, Russian diaspora

For citation: Sabennikova, I.V. (2020), “Archives of the Russian diaspora in the context of historical events”, *History and Archives*, no 3, pp. 87–98, DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-87-98

Архивы и хранящиеся в них архивные документы являются незаменимыми источниками при освещении исторических событий, прежде всего тех, которые могут подвергаться фальсификации и искажению в силу политических и иных причин. Архивы как таковые являются резервуарами памяти всего человечества. Эмигрантские архивы не составляют исключения. Создание эмигрантских архивов и документы, собранные в них, свидетельствуют о желании и потребности русского зарубежья осмыслить свое место в мировой истории, сохранить культурную самоидентификацию в условиях эмиграции. В документах эмигрантских архивов отразились не только культурные и научные достижения ее выдающихся представителей, функционирование основных образовательных, политических и культурных центров эмиграции, но также осмысление причин и результатов революции, мировых и Гражданской войн. Именно поэтому архивы вообще и эмигрантские в особенности всегда оставались предметом борьбы различных политических сил: эмиграции – советского режима, различных политических группировок внутри самой эмиграции, а также между эмигрантскими центрами и структурами как внутри эмиграции, так и вне ее, заинтересованными в коммерческом и политическом использовании архивных документов, особенно в послевоенный период. Во многом это было связано с тем, что контроль над архивами имел значение для легитимации отдельных эмигрантских центров в качестве правопреемников всего русского зарубежья.

Отметим, что идея создания и комплектования архивов теми или иными документами всегда неразрывна с историческим контекстом. Ярким подтверждением этому могут служить именно архивы русской эмиграции, претерпевшие в течение XX в. сложные трансформации, связанные с двумя мировыми войнами, революцией и Гражданской войной в России, а также с холодной войной, проходившей в общемировом масштабе и затронувшей архивы.

Мировая война 1914–1918 гг., Октябрьская революция и вызванная ею Гражданская война породили миллионы беженцев, вынужденных покинуть Россию и расселиться не только по разным странам, предоставившим им убежище, но и по разным континентам. В результате в Центральной Европе в период между двумя войнами сложилась многочисленная русская диаспора, значительную часть которой составляли бывшие военнослужащие царской армии. Существенный процент интеллигенции среди общего числа русских беженцев, которая осознавала свою ответственность за сохранение исторического наследия эмиграции, привел к созданию эмигрантских архивов. Собираением документов в эмиграции занимались как общественные, так и частные архивы, профессиональные сообщества, музеи, учебные заведения. К началу Второй мировой войны за

пределами СССР эмиграцией было создано 10 архивов, а также 14 музеев, также имеющих коллекции документов. Комплектование эмигрантских архивов зависело от целей и задач, которые ставили их организаторы. Часто первоочередной задачей было сохранение истории воинских формирований (Донской казачий архив, архив Лейб-Гренадерского Эриванского Его Величества полка), документов политических организаций, профессиональных объединений или союзов (Объединение русских адвокатов во Франции (USA BAR), Союз русских писателей и журналистов (USA Amherst), Союз русских шоферов (USA BAR)). В уставных документах многих эмигрантских архивов, музеев и библиотек говорилось, что со временем они должны вернуться в Россию при условии изменения там политического режима. Самым значимым среди эмигрантских архивов по объему единиц хранения, источников комплектования, структуре и организации работы являлся Русский заграничный исторический архив (РЗИА), созданный в Праге в начале 1920-х гг. (в 1923 г. – Архив русской эмиграции, с 1924 г. – Русский заграничный исторический архив). Среди источников комплектования РЗИА были многочисленные эмигрантские организации – военные, политические, общественные объединения, редакции газет и журналов, а также частные лица – часто известные представители российской эмиграции. Основные направления сбора и хранения документов отразились в структуре фондов архива.

РЗИА получал финансирование от Министерства иностранных дел Чехословакии, которому формально подчинялся. Финансовые возможности, выделяемые чешским правительством, позволяли архиву иметь эмиссаров в четырнадцати наиболее значимых центрах проживания русских беженцев: Париже, Берлине, Белграде, Бизерте, Брюсселе, Варшаве, Константинополе, Лондоне, Софии, Ревеле, Риме, а также в Нью-Йорке, Харбине и в Финляндии. Благодаря такой политике архив приобрел и сохранил кратковременно выходившие в первые постреволюционные годы периодические издания периода Гражданской войны и начала эмиграции, выпускавшиеся на Дальнем Востоке и в Харбине, документы Деникинской армии из Южной Сибири. Эмиссарам РЗИА приходилось не только выяснять местонахождение документов, интересующих архив, налаживать контакты с их владельцами – известными деятелями эмиграции, но и убеждать чешскую сторону в необходимости приобретения этих документов. При передаче документов в архив эмигранты, как правило, ставили условием гарантию сохранности передаваемых документов и обеспечение определенного порядка доступа к ним, часто ограничивая право доступа 25 годами. Такие ограничения на доступ к личным документам объяснялись той потенциальной угрозой для родственников и знакомых,

оставшихся в СССР, которую могла представлять информация, содержащаяся в этих документах.

31 марта 1928 г. согласно договору РЗИА был передан под управление чешскому правительству. В договоре был отдельно оговорен вопрос о последующей возможной передаче РЗИА в Россию в случае прекращения деятельности диктатуры коммунистической партии и утверждения режима, «обеспечивающего правовой порядок, свободу личности, общественной самодеятельности и возможности для нынешней русской эмиграции легального возвращения в Россию». После оккупации Германией Судетской области РЗИА вместе с Белорусским и Украинским историческими архивами был включен в состав вновь созданного Славянского архива. Когда 22 марта 1939 г. произошла оккупация чешских земель, Славянский архив поменял свою подчиненность и был передан из МИД в МВД ЧСР. В 1942 г. часть архивных собраний РЗИА и входящего в него в качестве отдела Донского архива, главным образом по военной истории, были переданы в архив сухопутных войск Германии в Праге до их отправки в Германию. Документы были изъяты их фондов РЗИА с целью организации антисоветской пропаганды в ходе Второй мировой войны. Такое отношение немецких властей к архивным документам не представляло ничего нового. Советское правительство также проявляло интерес к документам эмигрантских архивов, поскольку использование содержащейся в архивных документах информации и ее интерпретация были испытанным средством политической борьбы. Примером этому было изъятие архивов политических партий и их лидеров сразу после революции и в ходе Гражданской войны. Подобная тенденция прослеживается и в отношении архивов оппозиционных групп внутри партии (борьба за архив Троцкого). В 1946 г. РЗИА был передан в качестве дара Чехословацкого правительства Академии наук СССР. После передачи архива его документы, прежде всего относящиеся к организации военных формирований из числа эмигрантов, использовались в оперативных целях, в том числе и Чрезвычайной государственной комиссией по расследованию злодеяний фашистских преступников¹. Тогда же по фондам РЗИА и ДКА было выявлено 18000 лиц, враждебных СССР². После поступления РЗИА в СССР его фонды были раздроблены между разными архивными учреждениями. Наиболее крупная их часть, касающаяся деятельности эмигрантских организаций и отдельных представителей эмиграции, оставалась на закрытом хранении в ЦГАОР СССР (ГАРФ) до конца 1980-х гг. [Хорхордина 2006].

¹ ГАРФ. Ф. Р-5142. ОП. 1. Д. 392. Л. 43.

² Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. – М.: РОССПЭН, 1999. С. 18.

Эмиграция тяжело переживала потерю РЗИА, о чем свидетельствует переписка между представителями эмиграции, передавшими в архив свои документы на хранение.

«Как Вам известно, – писала Е. Кускова М. Алданову, – наши чемоданы попали к Сталину (выдача Пражского архива). На двух моих с С.Н. (Прокоповичем) чемоданах была наклейка: не печатать 25 лет. Если не ошибаюсь, такая же наклейка была сделана на чемоданах С.В. Паниной и Астрова. На ключах, сданных нами в МИД (чешский), была такая же надпись. Когда был жив еще Изюмов, он писал мне, что ему точно известно, что именно эти материалы подаются в особых докладах Сталину. Согласитесь, что это подлость безмерная. Между прочим, в этих чемоданах было около 200 писем П.Н. Милюкова, много писем Савинкова, Керенского, Маклакова и т. д. Ко всем им я сделала комментарий, при каких обстоятельствах эти письма были написаны»³.

Не только эмигрантские архивы занимались собиранием и хранением документов российской эмиграции. Существенную конкуренцию им составлял архив, созданный в 1919 г. Гербертом Гувером при Стэндфордском университете (США), выпускником которого он был. Архив был создан для сбора материалов, непосредственно относящихся к Первой мировой войне и событиям с ней связанным. Одним из наиболее активных руководителей архива, заложившим основу русской коллекции, был выходец из России Франц Гольдер. Гольдеру удалось убедить видного представителя русской военной эмиграции – генерала Н.Н. Головина⁴ стать представителем архива в эмигрантской среде с целью приобретения документов. Н.Н. Головин имел опыт работы по сбору документов, поскольку в период Гражданской войны возглавлял Военно-историческую комиссию, занимавшуюся собиранием военных архивов по истории Первой мировой войны. Располагая необходимыми средствами для покупки

³ Bibliothèque Nationale Française. Manuscrits, NAF. Переписка Кусковой с Алдановым.

⁴ Головин Николай Николаевич (1875–1940) – генерал-лейтенант, выпускник Пажеского корпуса, закончил Академию Генштаба. Участник Первой мировой войны. В 1919 г. – начальник штаба Восточного фронта при адмирале А.В. Колчаке. В 1920 г. эмигрировал. В эмиграции руководил Высшими курсами военного самообразования. Читал лекции по военной истории в Военной академии в Вашингтоне и в Высшей военной школе во Франции. Был членом РОВС. Редактировал эмигрантские военные журналы «Военный сборник», «Часовой», «Военная быль». Опубликовал ряд аналитических статей о военных операциях в период Первой мировой войны. Автор труда «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.».

документов и правом быстро решать вопросы о приобретении, генерал Головин стал одним из наиболее активных эмиссаров Гуверовского архива. Астров, выполнявший те же функции, но от имени РЗИА, писал: «Генерал Головин – представитель Стэндфордского университета весьма сильно опустошил архивные фонды не только Франции, но и других стран Европы»⁵.

Ситуация особенно обострилась после продажи при посредничестве генерала Н.Н. Головина, являвшегося председателем комитета по увековечению памяти П.Н. Врангеля, его документов (более 100 томов документов) в Стэндфордский университет. На их отправку в США Гуверовский архив выделил 15 000 франков⁶.

Между двумя архивами – РЗИА и архивом Стендфордского университета, занимающимися сходной деятельностью – сбором документов русской эмиграции, существовала принципиальная разница в правовом статусе поступавших в эти архивы документов, на что обратил внимание русских эмигрантов Н.И. Астров в своей статье «Два архива». По его мнению, Стэндфордский архив не давал эмигрантам никаких гарантий на последующее возвращение документов в Россию, поскольку документы либо покупались (обычно за минимальную цену), либо передавались владельцами или душеприказчиками в американское архивохранилище на основании договоров, исполнение которых не контролировалось представителями самой эмиграции. В результате закономерным становился переход сданных документов в собственность архива в случае, если они не будут востребованы лицами их передавшими, а также не будут возмещены расходы по их перевозке и хранению. Наибольшее беспокойство автора статьи вызывал тот факт, что членам правления Гуверовского архива было разрешено изучать документы, не запечатанные бывшими владельцами. Беспокойство было вызвано намерением члена правления архива Гольдера заключить с советской стороной в лице Покровского соглашения об использовании имеющихся у них документов для написания истории русской революции и Гражданской войны. Это могло бы привести к утечке конфиденциальной информации из документов эмиграции. Астров поставил перед эмигрантами моральный вопрос о сохранении документального наследия: для России «документы составляют неотъемлемую собственность подлинной России и должны быть в свое время возвращены в Россию»⁷.

Генерал Головин в ответ на статью Астрова разместил в «Новом времени» от 25.04.1929 г. свою статью, в которой обосновал пере-

⁵ ГАРФ Ф. 5913. Оп. 1. Д. 537. Л. 28.

⁶ Там же. Д. 535. Л. 2–3.

⁷ Там же. Д. 46. Л. 1–3.

дачу архива Врангеля его личным распоряжением 1923 г., согласно которому в течение 50-летнего срока «русское белое правительство, признанное наследником генерала барона Врангеля, имеет право получить этот архив обратно»⁸.

Головин высказал мнение, что основной целью эмиграции является сохранение документов и Гуверовская библиотека предоставляет максимум гарантий в этом плане⁹, имея в виду, что Чехословакия находится в непосредственной географической близости от СССР.

В результате активной деятельности генерала Головина в архиве Стенфордского университета была собрана большая коллекция документов по истории русской эмиграции в межвоенный период, Гражданской и Первой мировым войнам. Коллекции РЗИА и Гувера близки по составу и содержанию, о чем говорит тот факт, что 16 личных фондов в составе РЗИА имеют продолжение в Гуверовском собрании. 36 фондов из состава РЗИА, хранящихся в ГАРФ, содержат аналогичные с Гувером документы, относящиеся к деятельности российских политических партий, эмигрантских организаций, общественных деятелей русского зарубежья и военных [Павлова 2001].

Благодаря Н.Н. Головину Гуверовский институт приобрел документы 152 дипломатических и военных организаций царской России, в том числе Российского посольства в Париже, коллекции документов 17 крупнейших представителей российской эмиграции, включая архив М.Н. Гирса – главного представителя генерала Врангеля при союзном командовании, позже возглавлявшего Совещание послов в Париже, Б.В. Геруа – главы дипломатической миссии при союзном командовании, генерала Е.К. Миллера – председателя РОВС, генералов В.И. Гурко, Д.Г. Щербачева – командующих 11-й и 17-й армиями, личный фонд самого генерала Головина, включающего труды по истории войн и переданного его сыном [Даниелсон 2001, С. 205].

Основанный Гербертом Гувером архив, на базе которого вырос институт, стал самостоятельным исследовательским центром (Hoover Institution on War, Revolution and Peace) – одним из крупнейших хранилищ документов по истории России периода Первой мировой войны и революции за рубежом. Гуверовский институт войны, революции и мира в настоящее время имеет значительные коллекции зарубежной архивной россики – в нем хранится примерно 50 млн документов, около 25% коллекций документы на славянских языках. Среди хранящихся в архиве документов наибольшую

⁸ Там же. Д. 435. Л. 6.

⁹ Там же. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 435. Л. 7.

ценность представляют документы аналитического характера о численности, составе, положении русской диаспоры в разных странах, а также документы, характеризующие наиболее значимых представителей эмиграции. В состав архива входит коллекция Бориса Николаевского – одна из самых цельных документальных коллекций, в 1963 г. приобретенная институтом. В Гуверовском архиве хранятся документы крупнейших представителей российской армии периода Первой мировой и Гражданской войн. Среди наиболее видных представителей русской военной эмиграции, чьи документы оказались в Гуверовском архиве, следует назвать: генерала М.И. Алексеева – начальника Генштаба в 1915–1917 гг. и командующего Добровольческой армией Юга России в 1918 г.; генерала Базаревича – российского военного атташе в Белграде; генерала Базарова, в чьем фонде находятся рапорты, приказы, полевые карты и переписка, посвященные русско-японской войне; генерала Ф.Ф. Палицына – начальника штаба царской армии в 1905–1908 гг.; генерал-майора царской армии С.Н. Потоцкого – военного атташе в Дании. Фонды генералов царской армии: генерал-лейтенанта царской армии, Верховного главнокомандующего войск Директории В.Г. Болдырева, генерал-майора И.Ф. Быкадорова, героя Первой мировой войны генерал-майора Свиты А.А. Дренгельна, генерал-лейтенанта, управляющего военным министерством правительства А.В. Колчака А.П. Будберга, генерал-майора Генштаба А.А. фон Лампе, генерала от инфантерии, участника Китайского похода 1900–1901 гг., Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн В.Е. Флуга, генерала от инфантерии, участника Первой мировой войны Д.Г. Щербачева, генерала Русской императорской армии, возглавлявшего штаб Юго-Западного фронта, – Н.Л. Юнакова, генерал-майора И.С. Смолина, генерал-лейтенанта, героя Первой мировой войны В.К. Витковского, генерал-майора Генерального штаба Б.П. Веселовзорова – содержат документы о Первой мировой войне и последующих событиях российской военной истории. Они дополняются документами, хранящимися в фондах генералов Белого движения: Д.П. Драценко, Е.Г. Булибаша, Е.Г. Сычева, В.О. Каппеля (о «Ледяном походе»). В объемном фонде генерал-лейтенанта Белой армии П.А. Куссонского, служившего в штабах Деникина, Врангеля и Миллера в 1918–1925 гг., имеются: переписка, рапорты, телеграммы, приказы, прокламации, карты, отражающие деятельность штабов Добровольческой армии, Вооруженных сил Юга России; военные действия на Кавказе и в Крыму; эвакуацию армии Врангеля из Крыма; жизнь политической и военной эмиграции в Европе.

В Гуверовском институте находятся документы командующих белых армий периода Гражданской войны. Фонд Н.Н. Юденича

включает документы не только по Первой мировой, но и по Гражданской войне на Северо-Западе России и отношениям Белого движения с союзниками. Фонд А.В. Колчака содержит переписку с главами союзных держав. Фонд барона П.Н. Врангеля – главнокомандующего Добровольческой армией в 1920 г. – содержит многочисленные документы, относящиеся к Гражданской войне на Юге России, эвакуации Добровольческой армии из Крыма в 1920 г. и расселению российских беженцев в Стамбуле и других странах Европы. Фонды Л.Г. Корнилова, П.Н. Краснова, Е.К. Миллера, барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга, казачьего атамана Г.М. Семенова Фонд Махно Нестора Ивановича содержит мемуары «Печальные страницы русской революции» (1932 г.).

Гуверовский институт войны, революции и мира хранит не только документы высшего офицерского состава, но и довольно многочисленные фонды офицеров царской армии, служивших в разных родах войск и принимавших активное участие в боевых действиях в период Гражданской войны, – Ф. Елисеева, Г. Веселаго, Н. Звегинцова, Д. Федичкина, И. Гулыги, А. Кульбарса, Б. Крюкова, Е. Левицкого, А. Лукомского, Е. Никольского, И. Руднева, Н. Шинкаренко, Г.П. Чеботарева. Документы этих архивных фондов хранят воспоминания и мемуары о военных действиях Первой мировой, Гражданской войн и эмиграции, а также о службе в иностранных армиях, как, например, мемуары Владимира Александровича Зубца, служившего в китайской армии.

Среди прочих фондов, в которых находятся документы, освещающие события Первой мировой войны, в Гуверовском архиве есть и фонды рядовых бывшей царской и белых армий, которые также представляют несомненный интерес для исследователей, позволяя взглянуть на такое важное историческое событие, как война, глазами рядового. В архиве хранятся, например, мемуары Д. Швецова – рядового императорской конной гвардии; Е. Васильева – рядового российской армии (мемуары о пребывании в немецком плену во время Первой мировой войны); В. Вырыпаева – рядового Белой армии (мемуары «Владимир Оскарович Каппель») и др.

Помимо документов отдельных военнослужащих в Гуверовском институте отложились коллекции документов русских армий и воинских формирований периода Первой мировой войны, к которым относятся: штаб Верховного главнокомандующего (документы 1914–1917 гг.), Военное министерство (отчет 1916 г.), Кавказская армия, 10-й корпус (журнал боевых действий за 1914 г.), Лейб-гвардии кирасирский Его Величества полк (документы 1916–1974 гг.), Военный агент в Японии (документы, 1906–1921 гг.), Вооруженные силы Юга России; документация Первого армейского корпуса и Донского корпуса за 1916–1926 гг., документы Департамента

юстиции Белой армии, Добровольческой армии, Донской армии (1918–1920 гг.), Временного сибирского правительства.

В период Второй мировой войны треть архивов и архивных коллекций, созданных эмиграцией преимущественно на территории европейских стран, по различным причинам, в том числе и в ходе военных действий, была утрачена. На протяжении XX в. шло не только формирование архивов эмиграции, но и перемещение больших массивов документов, связанное с такими мировыми катаклизмами, как революция, войны, эмиграция. Так, в период Второй мировой войны документы вывозились из стран их происхождения в Германию, а позже – в советские запасники и архивы США. После Второй мировой войны в результате расширения социалистической политической системы эмигранты, жившие ранее в странах Восточной Европы и Китае, вынуждены были вторично эмигрировать, главным образом в США, где в период после Второй мировой войны стали складываться наиболее представительные по составу документов архивные хранилища. Прежде всего это Музей русской культуры в Сан-Франциско (первоначально Музей-архив русской культуры), который был основан в 1948 г. русскими эмигрантами из Китая, и Бахметьевский архив, созданный в 1951 г. по инициативе бывшего посла Временного правительства в Вашингтоне Б.А. Бахметева. Коллекции русских документов имеют также многие крупные американские университеты.

Архивы русской эмиграции, отражающие наиболее трагические периоды русской истории, стали уже частью единого архивного наследия, органично вошли в состав мирового информационного пространства. Созданные в результате войн и революций, архивы русской эмиграции теперь сами являются источником, по которому пишется история этих событий. Поэтому особенно важно для исследователей соблюдать научную объективность при работе с архивными документами, которые и сами по себе часто возникали в результате политической борьбы и порой отражают диаметрально противоположные мнения различных политических группировок.

Литература

- Даниелсон 2001 – Даниелсон Е. Архивы русской эмиграции в Гуверовском институте // Вестник архивиста. 2001. № 1 (61). С. 202–211.
- Павлова 2001 – Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге и генерал Н.Н. Головин // Россия в США: Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 7. М.: Ин-т политического и военного анализа, 2001. С. 290–297.

Хорхордина 2006 – *Хорхордина Т.И.* Новое о РЗИА: События и люди // Вестник архивиста. 2006. № 2–3 (92–93). С. 339–358; № 4–5 (94–95). С. 212–236.

References

- Danielson, E. (2001), “Archives of the Russian emigration at the Hoover Institute”, *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, no. 1 (61), 2001, pp. 202–211.
- Khorkhordina, T.I. (2006), “New information about the Russian overseas historical archives: events and people”, *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, no. 2–3 (92–93), pp. 339–358; no. 4–5 (94–95), pp. 212–236.
- Pavlova, T.F. (2001), “Russian overseas historical archives in Prague and General N.N. Golovin”, *Rossika v SShA: Materialy k istorii russkoi politicheskoi emigratsii*, no 7, Institut politicheskogo i voennogo analiza, Moscow, Russia, pp. 290–297.

Информация об авторе

Ирина В. Сабенникова, доктор исторических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), Москва, Россия; 117393, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82; sabennikova@mail.ru

Information about the author

Irina V. Sabennikova, Dr. of Sci. (History), All-Russian Records Management and Archival Science Research Institute (VNIIDAD), Moscow, Russia; bld. 82, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117393, sabennikova@mail.ru

Создание нормативно-методической базы основных направлений деятельности архивных учреждений в 1930–1940-е гг.

Нина И. Хими́на

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nin.khimina@mail.ru*

Аннотация. В статье проведен анализ состояния законодательной и нормативно-методической базы архивного дела в 1930–1940-е гг. В этот период архивисты на базе сформулированных в 1920-е гг. основных ретических проблем архивоведения продолжали разработку основ проведения экспертизы ценности документов, описания, учета и использования документов. Решению этой задачи способствовали основные нормативно-методические документы (новые правила и инструкции), регулирующие направления деятельности архивов. В этот период шла дискуссия о возможных принципах систематизации архивных документов, способствовавшая развитию теории фондирования, методах разборки документов и их описании, а также об учете документов. В предвоенный период продолжались дискуссии о выборе оптимальных путей создания научно-справочного аппарата к документам ГАФ СССР. Именно в предвоенный период разработаны основные формы учетных документов, действующих в настоящее время, подготовлены первые Правила учета. Значительное внимание уделялось также вопросам использования документов, хранящихся в государственных архивах, и их публикации, подготовке путеводителей по документам архивов.

Рассмотрены вопросы, связанные с подготовкой и принятием в 1941 г. Положения о ГАФ СССР. В военный период архивисты продолжали работу по подготовке первого в истории архивного дела нормативного документа, регулирующего работу по комплектованию документами архивов, – Перечня 1943 г. с указанием сроков хранения. Он стал первым нормативным актом по экспертизе ценности документов, их отбору и комплектованию государственных архивов документами ГАФ СССР. После принятия Перечня ожидаемой стала разработка нормативного документа, регулирующего документационные процессы и направленного на улучшение работы с документами в наркоматах и учреждениях и организациях.

Ключевые слова: архивоведение, архив, архивный фонд, Великая Отечественная война, эвакуация, нормативно-методические документы, комплектование, описание документов, учетные документы, использование архивных документов, правила, инструкция, перечень

Для цитирования: Хими́на Н.И. Создание нормативно-методической базы основных направлений деятельности архивных учреждений в 1930–1940-е гг. // История и архивы. 2020. № 3. С. 99–111. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-99-111

Development of the regulatory and methodological basis of the main activities of archival institutions in the 1930s – 1940s

Nina I. Khimina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, nin.khimina@mail.ru*

Abstract. The article analyses the legal, regulatory and methodological basis of archives management in the 1930-1940s. During this period of time, archivists, keeping in mind the main theoretical problems of the archival science formulated in the 1920s, continued developing the basis for records evaluation procedures, description, registration and usage. The response benefited from the basic regulatory and methodological (new rules and instructions) directives administering archives' activities. During this time, there was a discussion about the possible principles of archival documents arrangement; this discussion facilitated the advancement of the theory of funding, the techniques of sorting out the documents, describing them and registering. In the pre-war period, there was the debate concerning the choice of the best ways to create the finding aids to the GAF records. It was during this time that the key formats of records which are pertinent nowadays were introduced; the first registration guidelines were prepared. Much attention was paid to the proper use of the documents kept in state archives, to their publication, and to the working out of the archival finding aids.

The article discusses the issues connected with the development and adoption in 1941 of the Statute on the GAF of the USSR. During the war time, archivists continued working on the first in the history of archives administration normative instrument that regulated document assembling – the 1943 Schedule of Records Retention. It turned out to be the first official paper pertaining to records evaluation, their selection and acquisition by state archives of the GAF records. After the adoption of the Schedule of Records Retention, archivists expected the development of the normative instrument regulating documentation processes and improving the performance of documents in People's Commissariats, offices and organizations.

Keywords: archival science, archives, archival fund, Great Patriotic War, evacuation, regulatory and methodological documents, acquisition, document description, registration documents, usage of archival documents, rules, regulations, schedule

For citation: Khimina, N.I. (2020), "Development of the regulatory and methodological basis of the main activities of archival institutions in the 1930s – 1940s", *History and Archives*, no 3, pp. 99–111, DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-99-111

Состояние архивного дела в период, предшествующий началу Второй мировой войны и Великой Отечественной войны, нашло освещение в периодической научной печати. В работах отечественных архивистов рассмотрены основные направления деятельности архивов по собиранию документов и созданию ГАФ СССР, учету, их публикации и использованию¹ [Зелов 1982, Максаков 1961]. Работе архивистов по эвакуации документов посвящена интереснейшая статья выдающегося архивиста В.В. Цаплина [Цаплин 1968].

Вопросы обеспечения сохранности документов страны, эвакуации документов важнейших фондов и неоправданных потерь документов рассмотрены в статье О.Н. Копыловой [Копылова 1990]. Попытка рассмотрения вопросов массовых репрессий в 1930-е гг. была предпринята в статье А.П. Пшеничного [Пшеничный 1988].

В 1990 г. ВНИИДАД проводил большую исследовательскую работу по изучению источников по истории архивного дела, хранящихся в фондах Главархива СССР в ЦГАОР СССР, Петроградского и Ленинградского отделений в ЦГИА СССР, в личных фондах руководителей и сотрудников архивного ведомства. В 1991 г. коллективом сотрудников института под руководством В.Н. Автократова были подготовлены «Краткие очерки. История архивного дела в СССР»².

Очень важной для понимания значения состава и содержания документов ГАФ СССР, основных проблем архивного дела, в том числе собирания документов по истории Великой Отечественной войны, развития архивоведения стала работа известного архивиста В.В. Цаплина, посвященная Всесоюзной конференции историков-архивистов, приуроченной к 25-летию декрета от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» и состоявшейся в Москве в июне 1943 г. [Цаплин 1993].

¹ Максаков В.В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М., 1969.

² История архивного дела в СССР. Краткие очерки. Депонир. в СИФ ОЦНТИ ВНИИДАД. 05.02.1992. № 092-92.

В.В. Цаплин является также автором глубокого исследования по изучению потерь архивных документов, работе по розыску и возвращению вывезенных из СССР документов. Источниками написания данной работы стали около 100 томов актов об ущербе, нанесенном архивам СССР, и перечни погибших и похищенных нацистами документов, составленных советскими архивистами [Цаплин 1997].

Т.И. Хорхордина посвятила одну из своих работ развитию архивного дела в контексте связи с историей государства в 1917–1980 гг. [Хорхордина 1994].

Вместе с тем проблемы создания законодательной и нормативно-методической базы архивного дела в 1930-е гг., участие архивистов в их подготовке еще не стали предметом специального исследования.

В данной статье рассматривается состояние законодательной и нормативно-методической базы деятельности архивных учреждений в период, предшествующий началу Великой Отечественной войны, и в первые годы войны. В это время архивисты разрабатывали нормативные и методические документы (правила, инструкции), оказавшие непреходящее значение на развитие системы архивных учреждений и их деятельности по комплектованию, описанию, учету и использованию архивных документов и в последующие годы.

В 1930-е гг. архивисты на базе сформулированных ранее основных теоретических вопросов архивоведения продолжали разработку нормативно-методических основ проведения экспертизы ценности документов, описания, учета и использования документов. В этот период шла бурная дискуссия о возможных принципах систематизации архивных документов фондообразователя³, способствовавшая развитию теории фондирования, о способах разборки документов и их описании, а также об учете документов⁴, их использовании и публикации. Как отметил В.Н. Автократов, разработка этих документов имела для государственных архивов большое нормативное и методическое значение [Автократов 1978].

³ Фомин Н. Систематизация архивных материалов // Архивное дело. 1937. № 2 (43). С. 73–101.

⁴ Сидоров Ф. О состоянии учета фондов в центральных и местных архивах ЦАУ СССР и ЦАУ РСФСР // Архивное дело. 1935. № 2 (35). С. 34–41; Юрченко А. Новый учет архивных материалов и изучение истории учреждений фондообразователей // Архивное дело. 1938. № 4 (48). С. 19–33; Вишневский М. Ревизия наличности и состояния архивных материалов (цель проверки наличия) // Архивное дело. 1936. № 3 (40). С. 18–31; Сергеев Б., Назин И. О ревизии архивных материалов // Архивное дело. 1939. № 2 (50). С. 60–70.

В этот период в отечественном архивоведении были сформулированы основные принципы учета документальных материалов, хранящихся в государственных архивах СССР, разработаны единые формы учета документов и изданы «Правила учета архивных материалов в государственных архивах СССР» (М., 1936). Впервые был поставлен вопрос о выявлении и учете особо ценных документов, и в 1938 г. вышла «Инструкция по особому учету отдельных документов в государственных архивах СССР»⁵. Изложенные в инструкции подходы к определению наиболее ценных документов, перечисленные виды и разновидности документов, имеющие историческое значение, способствовали ускорению подготовки списков наиболее значимых документов и процессу эвакуации этих документов в первые месяцы войны, а затем и выявлению уникальных и особо ценных документов в послевоенный период.

В области обеспечения сохранности и научного описания документов были разработаны и утверждены «Правила составления инвентарной описи архивных материалов в государственных архивах СССР» (21 февраля 1938 г.), «Правила оформления дел и других единиц хранения в государственных архивах СССР» (31 марта 1938 г.), «Правила ревизии наличия и состояния архивных материалов в государственных архивах СССР» (18 мая 1938 г.), «Правила систематизации архивных документов в государственных архивах СССР» (18 мая 1938 г.), инструкция «О порядке концентрации, систематизации, хранения технической и научной обработке материалов Государственного архивного фонда СССР» (19 мая 1939 г.), «Правила определения архивного фонда» (7 сентября 1938 г.). Все эти важнейшие нормативно-методические документы разрабатывались и были введены в соответствии с постановлениями ЦИК СССР, СНК СССР еще до передачи ЦАУ в ведение НКВД в апреле 1938 г.

Так, известный историк-архивист Б.И. Анфилов разработал «Правила определения архивных фондов и деления архивных материалов по историческим эпохам», которые были утверждены и.о. начальника ГАУ 31 декабря 1938 г., но после его увольнения «как чуждого элемента» тираж правил был уничтожен. В 1939 г. правила были переработаны и сокращены ленинградским архивистом Л.И. Полянской и под названием «Правила определения архивного фонда» обсуждены коллективом научных сотрудников ГАУ, ЦГА Москвы и Историко-архивного института и введены в действие⁶ [Автократов 1990, с. 71].

⁵ Архивное дело. 1938. № 4. С. 144–146.

⁶ О вкладе Б.И. Анфилова в архивоведение см.: [Автократов 1986].

Помимо названных нормативно-методических документов большое внимание уделялось совершенствованию работы ведомственных архивов. В предвоенный период были подготовлены и введены в действие «Инструкция для работы архивов народных комиссариатов, учреждений, предприятий и организаций Союза ССР» (23 февраля 1940 г.) и «Инструкция для работы технических архивов народных комиссариатов, учреждений, предприятий и организаций Союза ССР» (28 октября 1940 г.).

Значительное внимание уделялось также вопросам использования документов, хранящихся в государственных архивах, и их публикации, подготовке путеводителей по документам архивов. Эти проблемы также активно обсуждались на страницах периодической печати⁷. Вопросы использования документов, хранящихся в государственных и партийных архивах страны, колоссальной работы по выявлению компрометирующего материала на советских гражданах и последующих репрессий подробно освещены в статье В.Е. Корнеева, О.Н. Копыловой [Корнеев, Копылова 1992].

В предвоенный период был подготовлен проект «Правил составления путеводителей по государственным архивам» (апрель 1941 г.).

В 1930-е гг., когда шла разработка нормативно-методических документов и достигнуты заметные научные результаты, в стране сложилась очень непростая социально-политическая обстановка и напряженная ситуация с кадрами. Шла постоянная работа по «очистке» сотрудников от «чуждых элементов». В начале 1930-х гг. достаточно было быть учеником С.Ф. Платонова, чтобы потерять работу в архивных учреждениях. В результате были уволены многие специалисты. Только с руководящих постов сняли 34 чел. В 1934 г. сменились шесть директоров центральных архивов. Архив Октябрьской революции фактически не имел директора около двух лет⁸.

К середине 1930-х гг. в связи с политикой партии из архивных органов и Историко-архивного института стали увольнять партийцев-троцкистов, правых и левых «уклонистов», в свое время командированных на работу в архивы [Пшеничный 1988]. На

⁷ Карноухова О. К вопросу о составлении путеводителей по архивам // Архивное дело. 1939. № 4 (52). С. 70–84; Назин И. Работа над путеводителем по центральному военно-историческому архиву // Там же. С. 85–93; Мосев М. Замечания к составлению путеводителя (Из опыта работы Центрального архива профдвижения и организации труда) // Там же. С. 94–100; Чернов А. К вопросу о составлении путеводителей по архивам (из опыта работы ГАФКЭ) // Там же. 1940. № 3 (55). С. 44–54.

⁸ ГАРФ. Ф. Р.-5325. Оп. 9. Д. 3312. Л. 2.

смену уволенным приходили прикомандированные в архивы коммунисты и комсомольцы. К 1933 г. они составляли 40% от общего числа архивных работников в стране. При этом новые сотрудники неохотно шли работать в архивные учреждения, так как условия труда были тяжелыми. Все более обострявшаяся нехватка квалифицированных научных и технических архивных сотрудников, обладающих опытом работы в архивах, приводила к сложности в выполнении плановых заданий. В 1935 г. при штате архивных сотрудников РСФСР до 1678 чел. высшее образование имели 77 чел., специальное архивное образование – только 10 чел.⁹

Положение с кадрами усугублялось низкой заработной платой, тяжелыми условиями работы, приводившими к большой текучести кадров. В центральных архивах текучесть кадров доходила до 50%, на местах в течение года часто сменялся полностью весь штат архивных работников¹⁰.

Неблагополучная ситуация с кадрами, сложившаяся в архивной отрасли, была изложена в соответствующих документах ЦАУ СССР, направленных в ЦИК.

В результате обсуждения доклада и.о. управляющего ЦАУ СССР Н.В. Мальцева «О состоянии государственного архивного дела» 27 июня 1935 г. принято постановление ЦИК СССР «О мероприятиях по упорядочению архивного дела Союза ССР», включившее почти все предложения Н.В. Мальцева¹¹. Среди основных мероприятий – увеличение числа студентов и аспирантов Историко-архивного института, выпуск учебных пособий, усиление научно-исследовательской работы кафедр, проведение краткосрочных курсов. Что же касается улучшения социально-экономического, бытового положения кадров, низкой заработной платы, было принято решение «пересмотреть ставки руководящего состава архивных учреждений с подтягиванием этих ставок к уровню ставок работников других учреждений и научных институтов»¹².

В рассматриваемый период реализацию идеи централизации нельзя было считать завершенной, так как архивные документы хранились не только в государственных архивах, но и в музеях, библиотеках, научных учреждениях. Действовала сложившаяся за эти годы сеть партийных архивов. Процесс собирания документов различными учреждениями приводил к распылению документов, а подчас и к их гибели.

⁹ Там же. Д. 3329. Л. 32.

¹⁰ Там же. Д. 3312. Л. 3 об.

¹¹ Сборник руководящих материалов по архивному делу. М., 1961. С. 84–86.

¹² Там же. С. 84.

Вместе с тем, несмотря на тяжелую ситуацию с кадрами, к 1940 г. архивные учреждения были в значительной степени обеспечены нормативно-методическими документами, правилами, инструкциями, способствующими совершенствованию работы по сохранности, упорядочению и использованию документов. Очень значимым событием для архивных учреждений страны стало принятие в 1941 г. Положения о ГАФ СССР. Этому предшествовал длительный период его разработки: происходило уточнение основных понятий, постепенное расширение задач и функций Главного архивного управления, ограничение прав музеев и библиотек, хранящих документы ГАФ СССР¹³, и др. Также было введено и постепенно конкретизировано понятие ответственности организаций и граждан за уничтожение документов.

«Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР» утверждено постановлением СНК СССР от 29 марта 1941 № 723. В приложение к постановлению была включена новая сеть государственных архивов. Как отмечалось на страницах журнала «Архивное дело», «этот документ для социалистического государства и советской науки имеет громадное политическое и научное значение. В нем четко определен круг документальных материалов, составляющих ценнейшую документальную базу нашей страны...»¹⁴. Одним из главных достижений было закрепление того факта, что документы, перечисленные в положении, «находящиеся на хранении в рукописных отделах, хранилищах и архивах библиотек, музеев, институтов и других учреждений, входят в состав Государственного архивного фонда Союза ССР и подлежат учету и концентрации в государственных архивах».

После принятия положения к началу войны архивы находились в состоянии реорганизации. Как показали дальнейшие события, ведомство не смогло реализовать главные вопросы, провозглашенные в Положении 1941 г., – передачу спасенных ранее архивных документов, поступивших на хранение в музеи и библиотеки, в архивохранилища, подчиненные Главархиву. Важнейшим успехом архивного ведомства было создание Центрального государственного литературного архива на основе собранного в 1920–1930-е гг. рукописного собрания Литературного музея.

Как известно, в условиях предвоенного времени не были разработаны мобилизационные мероприятия ни в государственных, ни в ведомственных архивах. Отсутствуют сведения о подготовке планов эвакуации документов, как и культурных ценностей госу-

¹³ ГАРФ. Ф. Р.-5325. Оп. 10. Д. 822. Л. 77–81 и др.

¹⁴ Документ огромной политической важности // Архивное дело. 1941. № 1 (57). С. 3.

дарства, в случае возникновения угрозы нападения, инструкции или другие документы, составленные до 22 июня 1941 г. Такое положение вытекало из военной доктрины СССР, хотя возможная угроза архивным документам в условиях современной войны создавалась отдельными специалистами. В.В. Максаков в более поздней публикации¹⁵ о работе в 1941–1945 гг. оптимистично писал: «Памятники культуры – вещественные и документальные – предлагалось сохранять с не меньшей энергией, чем материальные ценности ...быстрое выполнение этого явилось следствием существования в СССР единой общегосударственной системы управления архивным делом, организованной сети государственных и ведомственных архивов».

И только в 16.00 22 июня 1941 г. был издан приказ по ГАУ НКВД СССР, поставивший перед архивистами задачу: « всю свою работу перестроить в соответствии с требованиями военного и угрожаемого положения », а начальникам государственных архивов предписывалось « в течение 48 часов все наиболее ценные документы разместить в безопасных от возможных вражеских бомбардировок помещениях », организовать четкую оперативно-справочную работу по запросам оперативных органов Красной армии, НКГБ и НКВД¹⁶.

Вся дальнейшая работа ГАУ осуществлялась в соответствии с общегосударственными директивами. 24 июня 1941 г. по решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР был образован Совет по эвакуации. Членом Совета по эвакуации при СНК СССР стал заместитель наркома внутренних дел С.Н. Круглов¹⁷, курировавший работу аппарата ГАУ.

О.Н. Копылова в своей публикации достаточно подробно осветила разработку мероприятий по эвакуации документов из западных районов страны, описей документов, дел фондов, картотек и других справочных материалов, раскрывающих состав и место нахождения документов, и результаты первого этапа эвакуации [Копылова 1990]. В то же время автор отмечает, что в процессе эвакуации государственные архивы СССР вывезли около 80% от общего объема документов, хранящихся в них. При этом в связи со стремительным продвижением противника эвакуацию документов вглубь территории страны государственные архивы осуществляли в 5–6 этапов. Так, например, «ЦГВИА в июле 1941 г. эвакуировал часть документов из Москвы в г. Саратов, в апреле 1942 г. – в г. Чкалов, в мае 1942 г. – в г. Барнаул, в октябре 1942 г., когда немцы подошли к Волге, документы из г. Саратов были перевезены в г. Шадринск,

¹⁵ Максаков В.В. Указ. соч. С. 385.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р. 5325. Оп. 10. Д. 819. С. 46.

¹⁷ Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 661.

в декабре 1942 г. последняя партия документов архива из Москвы эвакуирована в г. Барнаул»¹⁸ [Копылова 1990, с. 40].

Вместе с тем эвакуация документов ведомственных архивов сопровождалась массовым уничтожением документов. Сохранившиеся архивные документы показывают, что в июле–августе 1941 г. в народных комиссариатах и центральных учреждениях и организациях проводилось массовое уничтожение документов [Копылова 1990, с. 41]. При этом часто под категорию «документов, не имеющих оперативного и научно-исторического значения», подпадали ценнейшие архивные документы, характеризующие экономику, историю и культуру государства.

Преобразование в октябре 1941 г. ГАУ НКВД СССР в Управление государственными архивами (УГА) НКВД СССР также повлияло на сохранность документов ведомственных архивов, так как за их разбор и эвакуацию отвечали уже руководители наркоматов, учреждений, организаций [Максаков 1961, с. 4].

В 1943 г. началась реэвакуация документов. К 15 ноября 1944 г. на места прежнего хранения было возвращено свыше 9 млн ед. хр.¹⁹

Несмотря на ежедневный большой объем работы, сотрудники ГАУ, эвакуированные в Саратов, оказывали методическую помощь архивным учреждениям, уточняли местонахождение вывезенных документов и условия их хранения. В военный период большое внимание уделялось разработке вопросов комплексного формирования ГАФ СССР. В это время архивисты продолжали работу по подготовке первого в истории архивного дела важнейшего нормативного документа, регулирующего работу по комплектованию архивов. Среди причин массового уничтожения документов в ведомствах – отсутствие общесоюзного нормативного документа, регламентирующего сроки хранения документов, и отсутствие необходимой квалификации сотрудников, осуществлявших эту работу. 29 октября 1942 г. Научным советом УГА был обсужден и одобрен «Перечень типовых документальных материалов, образующихся в деятельности народных комиссариатов и других учреждений, организаций и предприятий СССР, с указанием сроков хранения»²⁰.

¹⁸ РГВИА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 339. Л. 31–32.

¹⁹ Максаков В.В. Указ. соч. С. 406.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р.-5325. Оп. 10. Д. 1231; История архивного дела в СССР: Краткие очерки. Депонир. в СИФ ОЦНТИ ВНИИДАД 05.02.1992, № 092-92. С. 350; Перечень типовых документальных материалов, образующихся в деятельности народных комиссариатов и других учреждений, организаций и предприятий СССР, с указанием сроков хранения. М., 1943. 80 с.

После принятия «Перечня...», важнейшего нормативного документа, способствовавшего совершенствованию работы по отбору и комплектованию документов ГАФ СССР в конце войны и в послевоенный период, архивисты продолжали работы по подготовке других методических документов, направленных на улучшение работы с документами в наркоматах и учреждениях и организациях. Так, в 1944 г. Научным советом ГАУ была одобрена и издана «Инструкция по постановке документальной части делопроизводства и охране документальных материалов текущего делопроизводства в народных комиссариатах и других учреждениях, организациях и предприятиях Союза ССР»²¹. Перед ведомственными архивами СССР и РСФСР в 1944 г. также была поставлена задача паспортизации их документов по состоянию на 1 января 1945 г.

Таким образом, все мероприятия архивистов способствовали оптимальной организации и сохранению документов ГАФ СССР на стадии их ведомственного хранения, благодаря чему были заложены научные основы планомерного комплектования документов в стране.

Перечень 1943 г. стал первым нормативным документом по экспертизе ценности документов, их отбору и комплектованию государственных архивов документами ГАФ СССР. В послевоенный период продолжилась работа по подготовке системы перечней типовых документов, а также ведомственных перечней [Елпатьевский, Колосова, Шепукова 1973].

Последний «Перечень типовых управленческих документов, образованных в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков их хранения» (зарегистрирован Минюстом России 06.02.20. № 57449) утвержден приказом Федерального архивного агентства от 20.12.2019. № 236.

Литература

- Автократов 1978 – *Автократов В.Н.* Фондирование и учет документов (о двух частных теориях архивоведения) // Труды ВНИИДАД. М., 1978. Т. VII. Ч. 1. С. 8–71.
- Автократов 1986 – *Автократов В.Н.* Понятие «архивный фонд» в советском архивоведении 1920-х годов // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 42–63.

²¹ История архивного дела в СССР. Краткие очерки. Депонир. в СИФ ОЦНТИ ВНИИДАД 05.02.1992. № 092-92. С. 351; ГАРФ. Ф. Р.-5325. Оп. 10. Д. 1717.

- Автократов 1990 – *Автократов В.Н.* Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г.С. Габаева (1877–1956) // Советские архивы. 1990. № 2. С. 61–78.
- Елпатьевский, Колосова, Шепукова 1973 – *Елпатьевский А.В., Колосова Э.В., Шепукова Н.М.* К истории создания и применения системы перечней документальных материалов в советском архивоведении // Труды ВНИИДАД. М., 1973. Т. II. С. 69–80.
- Зелов 1982 – *Зелов Н.С.* ЦГАОР СССР в годы Великой Отечественной войны // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 213–218.
- Копылова 1990 – *Копылова О.Н.* Отечественные архивы: К проблеме сохранности ГАФ СССР в годы Великой Отечественной войны // Отечественные архивы. 1990. № 5. С. 37–44.
- Корнеев, Копылова 1992 – *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Архивы на службе тоталитарного государства (1918 – начало 1940-х гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 13–24.
- Максаков 1961 – *Максаков В.В.* Архивы и архивное дело в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы архивоведения. 1961. № 2. С. 3–13.
- Пшеничный 1988 – *Пшеничный А.П.* Репрессии архивистов в 1930-х годах // Советские архивы. 1988. № 6. С. 44–48.
- Хорхордина 1994 – *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы: 1917–1980 гг. М.: РГГУ, 1994.
- Цаплин 1968 – *Цаплин В.В.* Подвиг архивистов // Советские архивы. 1968. № 3. С. 63–70.
- Цаплин 1993 – *Цаплин В.В.* Конференция историков-архивистов СССР 1–3 июня 1943 г. // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 42–55.
- Цаплин 1997 – *Цаплин В.В.* О розыске документов, похищенных в годы войны из хранилищ СССР // Отечественные архивы. 1997. № 5. С. 6–25; № 6. С. 12–28.

References

- Avtokratov, V.N. (1978), "Funding and registration of records (on two private archival theories)", *Trudy VNIIDAD*, vol. 7, part 1, pp. 8–71.
- Avtokratov, V.N. (1986), "The notion of the 'archival fund' in Soviet archival science in the 1920s", *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1984 god*, Moscow, pp. 42–63.
- Avtokratov, V.N. (1990), "Life and creative activity of the war historian and archivist G.S. Gabaev (1877–1956)", *Sovetskie arkhivy*, no 2, pp. 61–78.
- Elpat'evskii, A.V., Kolosova, E.V. and Shepukova, N.M. (1973), "On the history of creation and usage of the system of documentary materials schedules in Soviet archival science", *Trudy VNIIDAD*, vol. 2, pp. 69–80.
- Kopylova, O.N. (1990). "National Archives. On the issue of safety of the GAF of the USSR during the Great Patriotic War", *Otechestvennye arkhivy*, no 5, pp. 37–44.
- Korneev, V.E. and Kopylova, O.N. (1992), "Archives serving a totalitarian state (1918 – beginning 1940)", *Otechestvennye arkhivy*, no 3, pp. 13–24.

- Maksakov, V.V. (1961), "Archives and archival science in the USSR during the Great Patriotic War 1941-1945", *Voprosy arkhivovedeniya*, no. 2, pp. 3–13.
- Khorkhordina, T.I. (1994), *History of the motherland and archives: 1917–1980*, RGGU, Moscow.
- Pshenichnyi, A.P. (1988), "Archivists under repression in the 1930s", *Sovetskie Arkhivy*, no 6, pp. 44–48.
- Tsaplin, V.V. (1968), "Archivists' heroic deeds", *Sovetskie Arkhivy*, no. 3, pp. 63–70.
- Tsaplin, V.V. (1993), "Conference of the historians and archivists of the USSR, June 1–3, 1943", *Otechestvennye arkhivy*, no 5, pp. 42–55.
- Tsaplin, V.V. (1997), "On the search of the documents that were stolen from the USSR repositories in the years of war", *Otechestvennye arkhivy*, no. 5, pp. 6–25; no 6, pp. 12–28.
- Zelov, N.C. (1982), "TSGAOY of the USSR during the Great Patriotic War", *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1981 god*, Moscow, pp. 213–218.

Информация об авторе

Нина И. Хими́на, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл. 6; nin.khimina@mail.ru

Information about the author

Nina I. Khimina, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; nin.khimina@mail.ru

Белорусские архивы в годы Второй мировой войны

Михаил Ф. Шумейко

*Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь, jesti@inbox.ru*

Аннотация. В статье исследуется история архивного дела в Беларуси начиная с 17 сентября 1939 г., когда части Красной армии перешли советско-польскую границу и вступили на территорию Западной Беларуси, и вплоть до окончания Второй мировой войны. Выделяются три временных отрезка: 17 сентября 1939 г. – 22 июня 1941 г.; 22 июня 1941 г. – осень 1943 г.; осень 1943 г. – осень 1945 г., для каждого из которых характерны свои особенности в части состояния архивного дела в республике. Отмечается позитивное значение воссоединения Государственного архивного фонда Беларуси, окончательного формирования сети архивных учреждений за счет включения в нее государственных архивов, созданных в пяти новых областях Западной Беларуси. В то же время приводятся имевшие место факты уничтожения архивов бывших административных учреждений II Речи Посполитой, их перемещения из мест происхождения. Подчеркивается важная роль в деле упорядочения и организации работы архивов на территории Западной Беларуси направлявшихся сюда из России имевших архивное образование специалистов. После 22 июня 1941 г. белорусские архивы оказались в сложной ситуации; было эвакуировано на Восток около 1% от всего объема Государственного архивного фонда республики. Единственным полностью эвакуированным и потому уцелевшим архивом оказался не входивший в состав ГАФ БССР Партийный архив при ЦК КП(б)Б. Вывезенный в Уфу и реэвакуированный осенью 1944 г. в Могилев, он позволяет восполнить образовавшиеся в Государственном архивном фонде республики документальные лакуны. С началом освобождения Беларуси осенью 1943 г. восстанавливается сеть архивных учреждений республики, разворачивается работа по выявлению и возвращению в республику вывезенных из нее оккупантами архивных фондов, организуется комплектование архивов созданными в военные годы документами и материалами партизанских формирований и подпольных организаций, действовавших на временно оккупированной территории Беларуси. Благодаря самоотверженной работе белорусских архивистов удалось хотя бы

частично восстановить значительно пострадавший за годы войны архивный фонд республики.

Ключевые слова: архивы, Государственный архивный фонд, Виленский исторический архив, Западная Беларусь, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Партийный архив при ЦК КП(б)Б, Могилев, Уфа, Комиссия по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б, Т.С. Горбунов, П.П. Старовойтов, А.И. Азаров, Ф.А. Александров, Л.И. Чванов, В.С. Давыдова

Для цитирования: Шумейко М.Ф. Белорусские архивы в годы Второй мировой войны // История и архивы. 2020. № 3. С. 112–132. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-112-132

Belarusian archives during the years of World War II

Mikhail F. Shumeiko

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, jesti@inbox.ru

Abstract. The article explores the history of archival work in Belarus starting with September 17, 1939, when the Red Army units crossed the Soviet-Polish border and entered Western Belarus, until the end of World War II. Three time periods are set: September 17, 1939 – June 22, 1941; June 22, 1941 – Autumn of 1943; Autumn of 1943 – Autumn of 1945, each of which has its own characteristics regarding the state of archival work in the republic. The author notes the positive influence of the reunification of the State Archival Funds (SAF) of Belarus and the completion of the formation of the archival institutions' network system through the inclusion into it of the state archives, created in five new regions of Western Belarus. At the same time, the author brings on display the facts of the destruction of the Second Rzeczpospolita former administrative institutions' archives, their removal from the places of origin. The article emphasizes the important role of the specialists with archival education from Russia in streamlining and organizing the work of archives on the territory of Western Belarus. After June 22, 1941, the Belarusian archives found themselves in a difficult situation: about one percent of the total volume of the State Archival Funds of the republic was evacuated to the East. The only fully evacuated and therefore surviving archives was the Communist Party Archives under the Central Committee of the Communist (Bolshevik) Party of Belarus, which was not part of the SAF of the BSSR. It was moved to Ufa and re-evacuated to Mogilev in the fall of 1944, its integrity allows us to fill up the documentary gaps formed in the State Archival Funds of the republic. With the beginning of the liberation of Belarus in the Autumn of 1943, the network of the republic's archival institutions was restored, and the work was

under way to identify and return to the republic the archival funds taken out by the invaders. The archives started collecting the documents and materials created by the partisan brigades and underground resistance organizations which were operating on the temporarily occupied territory of Belarus. Thanks to the dedicated work of the Belarusian archivists, it became possible to at least partially restore the archival funds of the republic, significantly damaged during the war.

Keywords: archives, State Archival Funds, Vilno Historical Archives, Western Belarus, World War II, Great Patriotic War, Communist Party Archives under the Central Committee of the Communist (Bolshevik) Party of Belarus, Mogilev, Ufa, Commission on the History of the Patriotic War under the Central Committee of the Communist (Bolshevik) Party of Belarus, T.S. Gorbunov, P.P. Starovoitov, A.I. Azarov, F.A. Aleksandrov, L.I. Chvanov, V.S. Davydova

For citation: Shumeiko, M.F. (2020), "Belarusian archives during the years of World War II", *History and Archives*, no 3, pp. 112–132, DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-112-132

Обозначенная в названии статьи тема имеет достаточно четко очерченные хронологические рамки, в целом совпадающие с началом и окончанием Второй мировой войны. Правда, верхняя ее граница должна быть отнесена не к 1-му, а к 17 сентября 1939 г., когда части бывшего Белорусского особого военного округа, преобразованного в Белорусский фронт, вступили на территорию Западной Беларуси. Попытавшись раскрыть данную тему, выделим в ней такие временные отрезки, для каждого из которых характерны свои особенности: 1) 17 сентября 1939 г. – 22 июня 1941 г.; 2) 22 июня 1941 г. – осень 1943 г.; 3) осень 1943 г. – осень 1945 г.

Особенностью первого являлись процессы интеграции находившихся на территории Западной Беларуси, вошедшей в Союз ССР с воссоединением с БССР, архивных собраний в состав Государственного архивного фонда республики, ставшего после 29 марта 1941 г. частью ГАФ СССР. В это же время решались вопросы обеспечения сохранности архивов бывшей II Речи Посполитой, оказавшихся бесхозными в условиях еще не сформированных местных органов власти. Главное внимание белорусских архивистов после 22 июня 1941 г. было направлено на организацию эвакуации архивов, приведение в порядок, насколько это было возможным в условиях военного времени, того небольшого, что удалось вывезти из Беларуси, а также сбор и хранение создававшихся в ходе войны документов и материалов. С началом освобождения осенью 1943 г. территории республики разворачивается процесс восстановления сети ее архивных органов и учреждений, начинается работа по

минимизации архивных утрат, которую и до сих пор нельзя считать завершённой.

11 февраля 1940 г. СНК БССР принял постановление «Об организации архивного дела в Барановичской, Пинской, Вилейской, Брестской и Белостокской областях БССР», законодательно оформившее создание органов управления архивным делом и сети государственных архивных учреждений в Западной Беларуси¹. Документ обязывал НКВД республики создать при своих областных управлениях архивные отделения, а также государственные архивы в административных центрах пяти областей, включенных в состав БССР [Великий 2014а; Великий 2014б; Шумейко 2015; Rosowska 2003]. Ранее существовавший в Гродно архив преобразовывался в филиал находившегося тогда в Могилеве Центрального исторического архива БССР.

Данное решение следует рассматривать в контексте принятых ранее важнейших документов общесоюзного, республиканского и местного уровней. Мы имеем в виду не только Декларацию Народного собрания Западной Беларуси от 29 октября 1939 г. о вхождении Западной Беларуси в состав БССР, но и ставший полной неожиданностью для белорусского руководства договор «О передаче Литовской Республике, Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой», подписанный 10 октября 1939 г. между СССР и Литовской Республикой², а также принятое в середине октября этого же года в нарушение условий договора решение Временного управления г. Вильно и Виленским краем о вывозе в Минск Виленского исторического архива³ и, наконец, постановление СНК БССР «Об охране в западных областях БССР памятников революции, искусства и старины и сохранении архивов» от 22 декабря 1939 г.⁴

Особо отметим последний документ, которому был присущ ярко выраженный охранительный характер, что, на наш взгляд, выглядело более чем актуальным в условиях, имевших место после 17 сентября 1939 г. многочисленных фактов уничтожения, вывоза за пределы Беларуси всевозможными научными и псевдонаучными экспедициями памятников истории и культуры, включая и документальные. Наиболее известным в их ряду стало перемещение из

¹ Архивное дело в БССР: Сб. законодат. и руковод. док. (1918–1968). Мн., 1972. С. 87–89.

² Знешняя палітыка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 3 (1928 г. – чэрвень 1941 г.). Мн., 2001. С. 177–179.

³ НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 893 б. Л. 186. Типогр. экз.

⁴ “Zachodnia Bialorus” 17.IX.1939-22.VI.1941: Wydarzenia i losy ludzkie. Rok 1939. Warszawa, 1998 С. 433–434.

Пинска в Москву (в Центральный антирелигиозный музей) книжного собрания объемом около 30 тыс. экз. и архива, принадлежавших библиотеке местной католической семинарии⁵. Значительный ущерб архивам, отложившимся в процессе деятельности на территории Западной Беларуси учреждений польской администрации, которые не представляли оперативного интереса для органов НКВД, был нанесен и красноармейцами, нередко употреблявшими архивные дела явно не по назначению. Так, начальник Временного управления г. Пружаны Снегов, сообщая о занятии авиабригадой здания, в котором находился архив бывшего поветового старостата, писал: «Если польские власти не уничтожили архива, так наши товарищи расправились с этим ценнейшим материалом для уезда – немедленно по прибытии в город»⁷.

С учетом такого рода случаев 5–8 пункты постановления, специально подлежавшие доведению до всеобщего сведения через печать, содержали достаточно жесткие установки, призванные прекратить либо свести к минимуму подобные действия в отношении архивов. Руководители учреждений, предприятий, должностные лица обязывались сообщать архивным органам о наличии имеющихся у них либо брошенных или скрывааемых материалов, принимать меры по обеспечению их сохранности до момента передачи на хранение в государственные архивы. Лица, виновные в уничтожении, сокрытии или несдаче архивных материалов в государственные архивы, подлежали привлечению к судебной ответственности. Отметим, что это было весьма своевременное решение, сыгравшее позитивную роль в сохранении архивного наследия западных регионов Беларуси.

Однако, как свидетельствуют документы, это постановление в части охраны в западных областях архивных, музейных и библиотечных собраний не всегда исполнялось на местах. На это указывает специальное циркулярное письмо председателя Президиума Верховного Совета БССР Н.Я. Наталевича, 5 ноября 1940 г. направ-

⁵ Известия. 1940. 7 сент.

⁶ На сегодняшний день в Музее белорусского Полесья (Пинск) находится лишь несколько, случайно сохранившихся экземпляров книг из этой библиотеки, на что указывают соответствующие штампы. Попытки общественной организации – Фонда братьев Луцкевичей – накануне визита первого российского президента Б.Н. Ельцина в Беларусь (1995 г.) решить вопрос о возвращении в республику библиотеки не увенчались успехом. Как оказалось, ее собрания оказались рассеянными среди разных библиотечных и музейных учреждений

⁷ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13295. Л. 237.

ленное всем председателям областных и районных исполнительных комитетов, городских Советов, директорам музеев. В нем отмечалось, что «в последнее время наблюдаются случаи вывоза различными научными учреждениями и даже отдельными частными лицами важнейших культурно-исторических ценностей, хранящихся в архивах БССР, музеях, быв. дворцах, имениях и т. п., производимого без ведома и разрешения правительства БССР». В подтверждение этого приводились факты вывоза из Пинска выше уже упоминавшейся библиотеки и собрания рукописей, передачи в Москву же хранившегося в Слонимском краеведческом музее подлинного письма А.С. Пушкина⁸. «Некоторые музеи, – говорилось в письме, – командировывают в БССР своих научных работников исключительно с целью вывоза предметов древности, культуры и искусства»⁹.

Наряду с прекращением вывоза с территории Западной Беларуси документальных и книжных памятников предпринимались меры по собиранию, упорядочению и обеспечению сохранности архивов учреждений как II Речи Посполитой, так и соответствующих фондов Российской империи губернского и уездного уровней, вывезенных с началом Первой мировой войны из Виленской, Гродненской и Минской губерний на восток, а затем по условиям Рижского мирного договора частично возвращенных советской Россией в места их происхождения, т. е. в Вильно, Гродно, Барановичи, Новогрудок и другие города, в течение двух десятилетий находившиеся в составе Польского государства. Для реализации этих мер нужны были профессиональные архивисты, обладавшие не только опытом практической архивной работы, но и архивоведческими знаниями. Поэтому не случайным стало направление сюда из восточных регионов Беларуси, а также из России на руководящие должности специалистов, имевших историко-архивное образование¹⁰.

⁸ Как сообщала газета «Звезда», письмо А.С. Пушкина было получено из музея членом музейного совета Наркомпроса БССР, доцентом БГУ В.И. Шевченко для передачи его в Музей мировой литературы им. А.М. Горького (Москва). В свою очередь письмо великого русского поэта было принесено Слонимскому музею в дар его научным сотрудником и фактическим создателем музея, известным коллекционером И.И. Стабровским. В газете также сообщалось, что наряду с этой реликвией Шевченко передавал московскому музею и выявленные в Западной Беларуси два письма поэта Г.Р. Державина и записку с автографом Л.Н. Толстого (см.: Невядомае пісьмо А.С. Пушкіна // Звезда. 1940. 19 вер.).

⁹ Государственный архив Брестской обл. Ф. 282. Оп. 1. Д. 57. Л. 238.

¹⁰ Направление в Западную Беларусь специалистов-архивистов было начато с конца 1939 г. и продолжалось едва ли не до июня 1941 г. Так, 17 октября 1940 г. зам. начальника ГАУ НКВД СССР Чибряков сообщал

Так, начальником Архивного отделения УНКВД по Белостокской обл. стал выпускник МГИАИ 1934 г. Ф.А. Александров, проработавший несколько лет в Центрархиве Башкирской АССР, затем поступивший в 1936 г. в аспирантуру при этом же институте и закончивший ее в 1939 г. Архивное отделение в Бресте возглавил выпускник МГИАИ 1937 г. И.С. Никишин, судьба которого сложилась трагически: по информации зам. начальника Отдела госархивов НКВД БССР П.П. Старовойтова от 14 марта 1942 г., он был повешен в первый же день войны «контрреволюционными элементами»¹¹. Во главе Вилейского архивного отделения встал выпускник МГИАИ 1936 г. В.П. Андреев. Директором Гродненского филиала ЦГИА БССР 6 августа 1940 г. был назначен только что закончивший Историко-архивный институт уроженец м. Ляды Дубровенского р-на Витебской обл. Л.И. Чванов. Проработавший менее года в этой должности Чванов, по его словам, «при наступлении немцев... дошел до Минска и был оккупирован немцами. Жил при самых страшных лишениях и только Красная Армия освободила в 1944 г., 26 июня»¹². Находясь в действующей армии, Л.И. Чванов пытался вернуться к архивной работе, обращаясь за поддержкой к знавшему его В.И. Пичету и ссылаясь при этом на согласие возглавившего летом 1944 г. Архивный отдел НКВД БССР своего однокашника А.И. Азарова принять его на работу в архив. Однако должность директора (начальника) Гродненского филиала ЦГИА БССР в марте 1945 г. заняла окончившая МГИАИ годом позже Л.И. Чванова белорусская партизанка В.С. Давыдова.

Под руководством этих и других опытных архивистов в весьма непростых условиях решались вопросы упорядочения архивов, нередко представлявших собой печальное зрелище; одновременно готовились к передаче в ставшую уже советской Литву принадлежавшие ей архивные фонды. О последнем, в частности, свидетельствует буквально за две недели до начала войны поступившее в адрес

своему белорусскому коллеге в Минске: «В Пинск на днях послали одного работника, окончившего Историко-архивный институт» [НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1354. Л. 30, 21]. Работавший с февраля 1939 г. заместителем наркома внутренних дел БССР П.М. Решетников сам окончил два курса Московского историко-архивного института. И тем не менее проблема с кадрами продолжала оставаться актуальной, на что указывалось в отчете АО НКВД БССР за I квартал 1941 г., направленном в ГАУ НКВД СССР: «Крупным недостатком является то, что в архивах, можно сказать, нет подготовленных работников, которые хотя бы немного разбирались в вопросах архивной работы» (НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1359. Л. 13).

¹¹ НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 3. Л. 2.

¹² Архив РАН. Ф. 1548 (В.И. Пичета). Оп. 3. Д. 231. Л. 1.

руководства АО НКВД БССР письмо архивистов Литвы, в котором они, ссылаясь на информацию В.П. Андреева о том, что в Вилейском областном архиве хранятся фонды учреждений, действовавших в Вильне (окружного и офицерского судов, воеводства, учебного округа и др.), требовали передать их в Вильнюс¹³. Сведения о наличии в Госархиве Вилейской обл. этих фондов содержались в составленном вр.и.о начальника АО УНКВД по Вилейской обл. В.П. Андреевым перечне архивных материалов Госархива Вилейской обл.¹⁴

Наряду с кадровой не менее острой являлась и проблема с помещениями для архивов и их обустройством. Вновь назначенные руководители архивных органов и учреждений западных областей вынуждены были по всем вопросам, даже самым мелким, обращаться в Минск, поскольку местные органы власти, ссылаясь на отсутствие в областных бюджетах соответствующих статей, отказывали архивам в поддержке. Подобные запросы поступали из Бреста, где архив размещался в жилом доме по ул. Белостокской, 42, занимаемая в нем около 400 кв. м (в остальных 11 комнатах дома проживали горожане)¹⁵; такая же ситуация была в Пинске, где директор областного архива Кучеров вынужден был обращаться к первому секретарю ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко, чтобы тот посодействовал выселению из занимаемого архивом помещения небезопасного в пожарном отношении соседа – областного управления кинематографии¹⁶.

30 декабря 1940 г. в докладной записке в ГАУ НКВД СССР начальник АО НКВД БССР И.А. Переплетчиков отмечал, что основной причиной, тормозящей процесс концентрации архивных материалов в госархивах Западной Беларуси, является недостаточная их обеспеченность помещениями, необорудованность имевшихся. «В связи с таким положением, – писал он в другой записке, в феврале 1941 г. направленной на тот же адрес, – создавалась реальная угроза гибели архивных материалов, находящихся в районах»¹⁷.

По инициативе Ф.А. Александрова 15 февраля 1941 г. исполком Белостокской обл. рассмотрел вопрос «О состоянии архивного дела в Белостокской обл.»¹⁸. В принятом постановлении обращалось внимание на то, что «многие руководители советских и хозяй-

¹³ НАРБ. Ф. 249. Оп. 4. Д. 45. Л. 54–54 об.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1359. Л. 31.

¹⁵ Там же. Д. 1390. Л. 4.

¹⁶ Там же. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1646. Л. 35.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 1359. Л. 4.

¹⁸ Там же. Д. 1390. Л. 6–7.

ственных организаций, предприятий и учреждений не уяснили себе политического значения архива и относятся с пренебрежением к хранящемуся у них архивному материалу, допуская расхищение, уничтожение и порчу его». Отмечались крайне медленная разработка архивного материала областного архива, приводившая к тому, что «наиболее важные фонды (архивы воеводства, дефензивы, суда, прокуратуры, тюрем и т. д.) не выделены из общего архива», непригодность помещения, в котором он находился (отсутствие рабочей комнаты и т. д.).

С целью улучшения архивного дела в области исполком утвердил штат архивного отделения в составе 5 чел.; обязал все районные и городские исполкомы Советов депутатов трудящихся организовать районные (городские) архивные отделы с одной штатной единицей, а в Ломже и Гродно – с двумя, обеспечив их соответствующими помещениями. Областному архиву передавалось здание бывшей кирхи, представлявшей на то время 4-квартирный жилой дом. На его ремонт и соответствующее оборудование исполком просил правительство выделить 150 тыс. руб.

25 апреля 1941 г. архивное отделение по Барановичской обл. (начальник Козлов) провело производственное совещание заведующих районными архивами области, на котором присутствовал зам. начальника АО НКВД БССР П.П. Старовойтов. Почти все его участники отмечали неудовлетворительное состояние с обеспечением архивов помещениями, недостаточную помощь архивистам со стороны руководства исполкомов и отделов НКВД, что приводило к многочисленным фактам гибели архивных собраний на местах. Выступавший заведующий Новогрудским архивом Макась говорил, что в районе и особенно в городе имеется огромное количество архивных материалов, исчисляемых сотнями тонн, ибо здесь находились учреждения воеводского уровня. Архивы размещались в четырех зданиях, полностью занимая 16 комнат. Огромный фонд бывшего окружного суда вместе с фондом окружного прокурора размещались в здании, в котором располагалась воинская часть, вследствие чего, отмечал Макась:

Обеспечить этот материал сохранностью очень трудно, так как командование отвечать за него не хочет, части часто меняются и сколько раз ни опечатывал его, всегда печати находил сорванными и спрашивать не с кого, ибо там заходили все красноармейцы и что хотели, то и делали; одна воинская часть пыталась его сжечь, но мы успели предотвратить¹⁹.

¹⁹ НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1359. Л. 20.

Подобная ситуация имело место и в других районных архивах западных областей. И тем не менее благодаря активным действиям архивистов западных областей Беларуси к началу войны в тамошних архивах было сконцентрировано более трети состава Единого государственного архивного фонда республики. Правда, и год спустя после принятия правительственного решения о создании архивов в западных областях находившиеся в них дела в значительной части оставались неразобранными и несистематизированными. Так, в отчете за 1940 г. руководство Филиала ЦГИА БССР в г. Гродно отмечало, что из 900 тыс. хранившихся в нем дел только 200 тыс. заинвентаризировано, 320 тыс. систематизированы, но не заинвентаризированы, а 320 тыс. вообще не разобраны²⁰.

Если по Госархиву Белостокской обл. на конец 1940 г. был предоставлен список фондов с указанием их объемов в единицах хранения, то в составленном тогда же директором Пинского архива аналогичном списке, включавшем 14 позиций, объем фондов приводился в тоннах; перечень же архивных материалов по Госархиву Вилейской обл. вообще не давал представления о его объеме. Две последние позиции из списка в количестве 24 наименований носили достаточно неопределенный характер: «23. Материалы Петлюры (переписка и фотографии); 24. Церковные материалы»²¹. Подобный же список из 39 позиций был предоставлен 20 марта 1941 г. и по Госархиву Барановичской обл.²²

Вместе с тем, обратившись к делопроизводственным документам, составленным вскоре после освобождения Беларуси летом 1944 г., находим в них количественные данные о понесенных белорусскими архивами в годы войны потерях, исчисляемые от количества хранившихся в архивах Западной Беларуси накануне 22 июня 1941 г. дел. Так вот, по Госархиву Барановичской обл. их числилось около 350 тыс., по Белостокскому – около 600 тыс., по Брестскому – около 450 тыс., по Вилейскому – 130 тыс., по Пинскому – 250 тыс.²³

Значительное количество дел учреждений польской администрации по Виленскому и Новогрудскому воеводствам хранилось в Виленском архиве, большая часть которого во второй половине октября 1939 г. по решению Временного управления г. Вильно и Виленского края была вывезена в Минск [Шумейко 2013]. Работа по их систематизации с целью последующего распределения по государственным архивам Беларуси, Литвы и России в соответствии с принятыми в сентябре 1940 г. и январе 1941 г. решениями

²⁰ Там же. Д. 1365. Л. 31.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 32.

²³ Там же. Ф. 4п. Оп. 47. Д. 32. Л. 63–65.

Совнаркома Союза ССР не была завершена из-за начавшейся войны²⁴. На это, в частности, указывают некоторые документы делопроизводственного характера, составленные за полгода до начала войны. Так, отвечая на поступивший 17 октября 1940 г. запрос зам. начальника ГАУ НКВД СССР Чибрякова о предполагаемых сроках завершения разбора по фондам хранившегося в Академии наук Виленского архива, уже переданного в систему НКВД, И.А. Переплетчиков, ссылаясь на мнение заведующего этим архивом К.А. Бангайтиса, полагал, что работа «затянется месяцев на десять»²⁵.

Заняв Минск, оккупанты выбросят этот архив, хранившийся в недостроенном здании Президиума Академии наук, нарушив проведенную в нем, хотя бы и несовершенную, систематизацию. Очевидцы тех событий будут свидетельствовать, что среди валявшихся на территории академического двора архивных дел встречалось

много... дел полицейских органов Польши за время 1920–25 гг. (о выдаче паспортов, о политической благонадежности отдельных граждан). Встречались папки с делами о польском восстании 1863 г. Наконец, валялось огромное количество фотокарточек (из дел польской полиции)²⁶.

Судьба этого архива окажется более чем трагической: мало того, что значительная его часть пострадала во время перемещения в Минск осенью 1939 г. и последующего ненадлежащего хранения в непригодном помещении, с оккупацией Минска он подвергнется существенному разграблению нацистами.

Другим крупнейшим историческим архивом на территории Западной Беларуси наряду с Виленским являлся Гродненский (Archiwum Państwowy w Grodnie), включенный в 1921 г. в сеть архивных учреждений II Речи Посполитой. Основу его составляли

²⁴ Об этом шла речь в докладной записке президента АН БССР академика К.В. Горева, 28 ноября 1940 г. направленной на имя секретаря ЦК КП(б)Б В.Н. Малина. Отмечая наличие в Виленском архиве большого количества неупорядоченных дел польской администрации по Виленскому и Новогрудскому воеводствам, представлявших, по мнению автора записки, больший интерес для органов НКВД, нежели Академии наук, Горев предлагал выделить их из состава архива и передать АО НКВД БССР, еще не зная о том, что в конце сентября 1940 г. Совнаркомом Союза ССР было принято решение о передаче всего Виленского архива в ведение НКВД с последующим распределением его фондов между Минском, Вильнюсом и Москвой [НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1646. Л. 17].

²⁵ НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1354. Л. 20.

²⁶ Там же. Оп. 8. Д. 5. Л. 42–43.

неэвакуированные в годы Первой мировой войны архивы канцелярии губернатора, губернского правления, губернского по крестьянским делам присутствия, губернской казенной палаты, Гродненского окружного суда, нотариального архива и других учреждений [Александров 1940]. В начале 1926 г. сюда по указанию польского архивного руководства были переведены из архива г. Сува-лок документы учреждений бывших Сувалокской и Августовской губерний, возвращенные в 1925 г. из России по условиям Рижского мирного договора²⁷. В 1930 г. по требованию польских властей в Гродненский архив из Москвы и Ленинграда были переданы еще 250 ящиков с документами и материалами общим объемом около 25–30 тыс. дел²⁸.

В конце 1940 г. было подготовлено к отправке из Москвы в Гродно свыше полутора десятков фондов гродненских контрольной палаты, казенной палаты, акцизного управления, отделений Государственного и Крестьянского поземельного банков и других финансового характера документов объемом свыше 36 тыс. дел за 1802–1914 гг. Они хранились в Центральном государственном особом архиве (Москва, Большая Серпуховская, 15). Информация ГАУ НКВД СССР об этом была направлена 23 декабря 1940 г. И.А. Переплетчикову и в копии – начальнику Особого архива Н. Сергееву. Получив ее, руководство Архивным отделом НКВД БССР запретило начальника Особого архива конкретизировать объем дел по каждому фонду и уточнить, имеются ли на них описи. В ответном письме Н. Сергеев информировал, что намечаются к отправке в Гродно два вагона в количестве около 50 тыс. дел. Он сообщал также, что все архивные материалы, подлежащие отправке, разобраны, из них выделена макулатура; имеются архивно-инвентарные описи. К 15–20 марта 1941 г., отмечал он, материал будет подготовлен к отправке. Из ответного письма руководства АО НКВД БССР от 23 января 1941 г. неясно, был ли в конце концов отправлен архивный материал в Гродно. Дело в том, что И.А. Переплетчиков сообщал Н. Сергееву, что «Гродненский филиал Центрального исторического архива из-за отсутствия места не может сейчаспринять материалы, указанные в вашем отношении»²⁹.

Начавшаяся война не только приостановила процесс интеграции архивов Западной Беларуси в Единый государственный архивный фонд республики, но и нанесла им колоссальный ущерб. Единственным белорусским архивом, полностью эвакуированным на Восток, а потому уцелевшим, стал Партийный архив ЦК КП(б)Б,

²⁷ Там же. Оп. 5. Д. 863. Л. 35–36.

²⁸ Там же. Д. 1009. Л. 143.

²⁹ ГА Российской Федерации. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 4003. Л. 11.

располагавшийся накануне войны в Могилеве. Об обстоятельствах эвакуации Партийного архива поведал в своих воспоминаниях, написанных незадолго до смерти, его заведующий, выпускник Московского историко-архивного института Ф.О. Попов (1907–1970)³⁰. Вывезенный в Уфу, архив до осени 1944 г. пребывал в столице Башкирской АССР, приютившей у себя и другие, эвакуированные из Москвы, Вильнюса, Кишинева, других городов Союза ССР аналогичные архивы. Решение ЦК КП(б)Б о реэвакуации Партархива и сектора партстатистики и единого партбилета ЦК КП(б)Б принято 15 августа 1944 г.³¹ Коллектив архива выполнил свой профессиональный долг, сохранив для белорусского общества и государства важный информационный потенциал, в значительной степени восполняющий пробел, нанесенный государственным архивам республики в годы войны.

Первые сведения о судьбе белорусских архивов, достаточно противоречивые, порой недостоверные, встречаются в официальных документах осени 1941 – весны 1942 г. Так, в докладной записке первого секретаря ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко «Об итогах эвакуации из Белорусской ССР», направленной не ранее августа 1941 г. на имя И. Сталина, В. Молотова, Л. Кагановича, читаем: «Центральный партийный архив КП(б)Б вывезен полностью и находится в Уфе. Секретный архив, учетные дела парткадров также полностью вывезены.

Архивы НКВД и НКГБ эвакуированы полностью. Многие наркоматы секретные архивы уничтожили... Архив СНК БССР и ряда наркоматов остался в Минске и не уничтожен. Получилось это из-за растерянности, проявленной работниками и председателем СНК БССР. Друг другу поручали вывезти или сжечь и не проследили. Сейчас дело расследуется. Мной был послан отряд 27.06.41 г. для уничтожения, но пробраться в Минск уже не мог»³².

С другой стороны, имеются свидетельства о состоянии оставшихся на оккупированной территории Беларуси архивов, исходящие от другой стороны, а именно – архивного отдела при Генеральном комиссариате Беларуси (составлены в августе–октябре 1941 г.). Они также носят достаточно общий, неопределенный

³⁰ «Неизвестная дорога» партийного архива (Из воспоминаний заведующего партархивом ЦК КП(б)Б Ф.О. Попова об эвакуации партархива в г. Уфу в начале Великой Отечественной войны) (публикация В.А. Сверчкова) // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мн., 2001. Вып. 2. С. 293–301.

³¹ НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 61. Д. 57. Л. 3.

³² Из истории архивов в Беларуси (1860-е гг.–1960 г.): Док. и мат. Минск: БелНИИДАД, 2015. С. 249–250.

характер. В частности, исполнявшая должность «уполномоченного по охране имущества Госархива Минской обл.» в городской управе довоенная сотрудница этого архива Я. Менжинская информировала 25 октября 1941 г. архивный отдел, что по городу разбросано много архивных материалов. 15 августа 1941 г., обследовав архив Академии наук (в нем, как выше уже отмечалось, находился перемещенный в октябре 1939 г. Виленский исторический архив), она сообщала, что четверть его свалена в беспорядке в одном из помещений академии³³.

Объясняя перед вышестоящим архивным руководством в Москве причины, по которым не могли быть эвакуированы архивы из недавно интегрированных в состав Архивного фонда Беларуси западных областей, заместитель начальника Отдела госархивов НКВД БССР П.П. Старовойтов (1894–1959) значительную долю ответственности за оставление архивов на произвол судьбы возлагал на руководство республиканского НКВД, которое, по его словам, спешно покинуло Минск, даже не поставив об этом в известность его, как одного из руководителей архивной службы Беларуси³⁴.

Заметим, что подобная критика в адрес органов власти и управления Беларуси звучала не только со стороны руководства архивной службы республики. Так, в составленной весной 1944 г. писателем Г. Мурашко, бывшим в годы войны агентом спецгруппы НКГБ БССР, своеобразной «аналитической справке» об уничтожении культурных ценностей, исторических памятников в Минске читаем:

Немало горьких слов было сказано по адресу руководителей некоторых культурных советских учреждений со стороны подавленных и разочарованных людей из кругов интеллигенции. Часто эти высказывания приобретали форму резкой критики. В большинстве это была критика людей, болевших душой за те разрушения, свидетелями которых им пришлось быть, за все разрушения культурных и материальных ценностей. Они критиковали нераспорядительность некоторых органов Советской власти и отсутствие организаторских способностей некоторых руководителей, по их мысли допустивших все это³⁵.

Выбравшись вместе с рядом сотрудников Отдела госархивов и Минского областного архива из пылавшего Минска в Могилев, П.П. Старовойтов оказался вскоре в Марийской АССР, где в течение

³³ Там же. С. 250.

³⁴ НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 3. Л. 1–2.

³⁵ Там же. Ф. 4-п. Оп. 33а. Д. 611. Л. 19.

непродолжительного времени работал инспектором культурно-воспитательной части одной из многочисленных исправительно-трудовых колоний, существовавших на территории этой автономной республики. Затем он был возвращен к своей прежней должности заместителя начальника Отдела госархивов НКВД БССР, занявшись в первую очередь восстановлением кадрового потенциала архивных органов и учреждений республики.

Разумеется, в условиях начального периода войны, когда первоочередными вопросами, вставшими перед партийными и советскими органами республики, были вопросы организации отпора врагу, судьба белорусских архивов на некоторое время оказалась отодвинутой на второй план. Но лишь на некоторое время...

Находившееся в Москве партийное и советское руководство Беларуси не только координировало и направляло разворачивавшееся на оккупированной территории республики партизанское движение и антифашистское подполье (как известно, первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко возглавил созданный в мае 1942 г. ЦШПД, а секретарь ЦК КП(б)Б П.З. Калинин – БШПД, возникший в сентябре этого же года), но и предпринимало все возможные в условиях войны меры, направленные на соби́рание и сохранение успешного эвакуироваться в советский тыл научного потенциала Беларуси, включая архивы. Оно не могло не понимать, что нацистские органы пропаганды развернут на оккупированной территории республики информационную войну, в которой будут использовать любые средства, включая разжигание национализма, антисемитизма, ксенофобии и др.

Показательна в этом отношении докладная записка академика-секретаря Отделения общественных наук АН БССР, известного белорусского историка, академика В.Н. Перцева, направленная им 1 ноября 1943 г. в Президиум Академии наук республики и Отдел пропаганды ЦК КП(б)Б. В ней ученый писал:

Немцы развивают в пределах Белоруссии бешеную агитацию, целью которой является выставить советскую власть в качестве угнетателя белорусского народа... Из лицемерных «забот» немцев о развитии в Белоруссии будто бы национальной белорусской культуры ничего не вышло и не могло выйти. В насильниках и разбойниках белорусы ничего не могли видеть, кроме своих явных врагов. Немецкая «заботливость» о белорусской культуре не заслуживает даже полемики с ней – она может вызвать к себе только насмешку, соединенную с презрением. *Но на представителей гуманитарных наук, тем не менее, падает обязанность подчеркнуть в своих работах самостоятельность общественной мысли и общественной жизни в прошлом и настоящем белорусской земли и тесную связь белорусского народа – также в прошлом*

и настоящим – с родственными ему народами – русским и украинским [курсив мой. – М. Ш.]³⁶.

Немаловажную роль в этой войне призваны были играть исторические документы, оставшиеся на оккупированной территории.

И действительно, анализ документов оккупантов и их приспешников свидетельствует, что оставшиеся не эвакуированными архивы активно использовались не только спецслужбами противника, но и его пропагандистским аппаратом [Жумарь 1996; Літвін 2000; Шумейко 1985]. В ряде случаев оккупанты и коллаборационисты, опираясь на попавшие в их руки документы, в которых содержались действительно имевшие место факты негативного характера по отношению к архивам со стороны официальных лиц советской Беларуси, придавали этим фактам русофобскую, антисемитскую направленность. В качестве примера можно сослаться на опубликованную в «Беларускай газэце» статью «архіварыуса» под характерным заголовком «Як бальшавікі знішчалі беларускія архівы», в которой автор (предполагаем, что это был заведующий Минским историческим архивом В.К. Новаковский, работавший до войны в этом же архиве рядовым сотрудником), повествуя о плохой организации перемещения в октябре 1939 г. из Вильны в Минск Исторического архива, делал в заключении следующий вывод:

Невядома, ці ў знішчэньні і псаваньні ладнае часткі вельмі каштоўных актаў для гісторыі і быту Беларусі была вінаватая дрэнная арганізацыя й неахайнасць, прышчэпленая хыхарству расейскім (царскім і савецкім) урадам, ці, магчыма, жыды і маскалі мелі патаемны намер знішчыць дакументы, якія сьведчылі аб тым, што Беларусь паводле свае культуры і гісторыі была звязаная з Эўропай, а не з Маскоўшчынай³⁷.

С учетом подобного рода обстоятельств уже 21 августа 1942 г. правительство республики на своем заседании рассмотрело вопрос «О мерах улучшения хранения архивных документов, эвакуированных из БССР»³⁸. Выступавший с докладом П.П. Старовойтов считал важнейшей перспективной задачей белорусских архивистов работу по концентрации документальных материалов периода Великой Отечественной войны. Данное заявление, на наш взгляд, было обусловлено деятельностью созданной в июне 1942 г. под

³⁶ НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 47. Д. 5. Л. 187–188.

³⁷ Беларуская газета. 1943. 7 жн. № 59 (177). С. 2.

³⁸ Белорусы в советском тылу. Июль 1941 г. – 1944 г.: Сб. док. и мат. Вып. 1. Июль 1941–1942 г. Минск: НАРБ, 2010 (с. 148–152, стенограмма заседания СНК БССР 21 августа 1942 г.).

руководством секретаря ЦК КП(б)Б по пропаганде Т.С. Горбунова Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б, одним из основных направлений работы которой было собирание документов и материалов по истории Беларуси в годы войны [Шумейко 1985]. В свою очередь белорусская комиссия имела предшественника в лице возникшей еще в декабре 1941 г., правда, при Президиуме АН СССР, Комиссии по истории Великой Отечественной войны, не только внесшей значительный вклад в формирование документальной базы по изучению истории Великой Отечественной войны, но и оказавшей большое методическое и практическое содействие в формировании подобной базы в Беларуси [Лотарева 2014].

Отложившиеся в фондах ЦК КП(б)Б, а также собственно самой Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б документы делопроизводственного характера свидетельствуют, что сотрудники московской комиссии неоднократно выезжали в освобожденные районы Беларуси, где записывали воспоминания участников партизанского движения, подполья, бывших военнопленных, узников нацистских концлагерей, гражданского населения, передавая затем копии созданных документов в распоряжение белорусской комиссии³⁹. Так, во время пребывания в августе 1944 г. в недавно освобожденном Минске Б.Л. Лихтер и Ф.Л. Еловцан встречались с П.П. Старовойтовым и только что назначенным на должность начальника Отдела госархивов НКВД БССР А.И. Азаровым (1907–1990), записав их воспоминания. Переданные затем в белорусскую комиссию и ныне хранящиеся в ее фонде, они представляют несомненный интерес для историков, занимающихся изучением истории архивного дела в Беларуси накануне и в годы войны. Они свидетельствуют не только об утратах, понесенных белорусскими архивами в военное лихолетье, но и о предпринимавшихся архивистами республики усилиях по собиранию и концентрации в государственных архивах Беларуси документов военного периода⁴⁰.

Очень важным представлялось участие сотрудников белорусской комиссии в лице И.К. Купреева в работе юбилейной конференции историков-архивистов СССР, проходившей 1–3 июня 1943 г. в Москве [Цаплин 1993]. Сохранившиеся его заметки с конференции свидетельствуют, что белорусский историк-архивист

³⁹ НАРБ. Ф. 750 (Комиссия по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б). Оп. 1. Д. 118. Л. 259–281 (Стенограмма воспоминаний А.И. Азарова).

⁴⁰ Там же. Оп. 1. Д. 125. Л. 37–39 (Из стенограммы беседы сотрудника Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР Б.Л. Лихтер с зам. нач. АО НКВД БССР П.П. Старовойтовым 30 августа 1944 г.).

считал целесообразным руководствоваться ее решениями в работе архивных учреждений в республике после ее освобождения от оккупантов.

С началом освобождения Беларуси возобновил свою деятельность в Гомеле Отдел государственных архивов НКВД БССР. Постановлением правительства республики от 16 ноября 1943 г. были утверждены его структура и штаты, равно как и штаты областных отделов и архивных учреждений (в количестве 454 чел.)⁴¹. Информировав об этом 24 ноября 1943 г. центральное архивное руководство, П.П. Старовойтов одновременно сообщал, что за годы войны архивами Беларуси проведена значительная работа по собиранию в основном печатной продукции, выходившей как на оккупированной территории республики, так и в советском тылу (листовки, газеты «За свободную Белоруссию», «Раздавим фашистскую гадину!», «Партизанская дубинка» и др.).

Главная задача, которая в это время встала перед архивистами Беларуси, это – выявление и возвращение в республику вывезенных оккупантами архивов с одновременным собиранием документов, созданных в ходе войны. Она решалась путем создания специальных оперативных групп, которые продвигались на Запад вместе с передовыми частями Красной армии.

Возросший объем работы потребовал реорганизации Отдела госархивов в Управление. В принятом в начале декабря 1944 г. постановлении Совнаркома Беларуси о реорганизации Отдела в Управление госархивами НКВД БССР особое внимание обращалось на необходимость выявления и концентрации «всех безнадзорных документальных материалов», а также «обнаруженных делопроизводственных и печатных материалов немецкого командования и органов “самоуправления”»⁴².

С освобождением столицы Беларуси активизировала свою деятельность и Комиссия по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б. В конце июля 1944 г. ее рабочий аппарат переехал в только что освобожденный от оккупантов Минск; в октябре этого же года в Могилев был реэвакуирован и Партийный архив. Здесь они продолжили начатую в Москве и Уфе работу по собиранию и концентрации документов и материалов периода войны и даже попытались приступить к их опубликованию, положив таким образом начало процессу введения в научный оборот документальных источников о партизанском движении и подполье в Беларуси в годы Великой Отечественной войны, который позже приобретет систематический характер.

⁴¹ НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 11. Л. 103–124.

⁴² Там же. Д. 25. Л. 9–10.

Подводя итоги, отметим, что белорусские архивисты в союзе с историками внесли существенный вклад в достижение великой Победы над фашизмом в годы Великой Отечественной войны. Оказавшись в сложных условиях военного времени, они, как и большинство белорусского народа, честно исполняли свой профессиональный долг, сохраняя то, что было создано ранее, собирая создававшееся и вводя, насколько это было возможно в условиях войны, в научный оборот документы и материалы, представлявшие важную источниковую базу для последующего осмысления событий Великой Отечественной войны.

Литература

- Александров 1940 – Александров Ф.А. Гродненский архив // Архивное дело. 1940. № 4 (56). С. 60–64.
- Великий 2014a – Великий А.Ф. О включении польских архивов в архивную службу БССР (1939–1941 гг.) // Архивы и делопроизводство. 2014. № 5. С. 82–89.
- Великий 2014b – Великий А.Ф. Архивы западных областей БССР в 1939–1941 гг. // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мн., 2014. Вып. 15. С. 75–82.
- Жумарь 1996 – Жумарь С.В. Оккупационная периодическая печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (на материалах белорусскоязычных изданий). Мн., 1996.
- Каваленя 1999 – Каваленя А.А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі: 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць. Мн., 1999.
- Літвін 2000 – Літвін А.М. Акупацыя Беларусі (1941–1944): пытанні супраціву і калабарацыі. Мн., 2000.
- Лотарева 2014 – Лотарева Д.Д. Комиссия по истории Великой Отечественной войны и ее архив: реконструкция деятельности и методов работы // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 123–166.
- Цаплин 1993 – Цаплин В.В. Конференция историков-архивистов СССР 1–3 июня 1943 г. // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 42–55.
- Шумейко 1985 – Шумейко М.Ф. Деятельность Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б. 1942–1946 гг. // Советские архивы. 1985. № 2. С. 36–42.
- Шумейко 2010 – Шумейко М.Ф. История архивного дела в Беларуси в документах российских архивов // Архивы и делопроизводство. 2010. № 4. С. 110–121.
- Шумейко 2013 – Шумейко М.Ф. Неудавшаяся попытка интеграции бывшего Виленского исторического архива в Исторический архив Белорусской академии наук (октябрь 1939–1941 г.) // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. В.Ю. Афиани. М.: Архив РАН, 2013. С. 250–260.

- Шумейко 2015 – Шумейко М.Ф. Воссоединение Единого государственного архивного фонда БССР (к 75-летию создания государственных архивов в западных областях Беларуси) // Архивы и делопроизводство. 2015. № 1. С. 91–102.
- Rosowska 2003 – Rosowska E. Losy polskich archiwaliów na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej (1939–1945) // Archeion. T. 106. Warszawa, 2003. S. 85–117.

References

- Aleksandrov, F.A. (1940), “The Grodno Archive”, *Arhivnoie delo*, no. 4 (56), pp. 60–64.
- Kavalenya, A.A. (1999), *Pragermanskiya sayuzy moladzi na Belarusi: 1941–1944. Vytoki. Struktura. Dzeinasts'* [Pro-German youth unions in Belarus: 1941–1944. Origins. Structure. Activity], Minsk, Belarusia.
- Litvin, A.M. (2000), *Akupatsyya Belarusi (1941–1944): pytanni supratsivu i kalabaratsyi* [Occupation of Belarus (1941–1944): resistance and collaboration issues], Minsk, Belarusia.
- Lotareva, D.D. (2014), “The Commission on the History of the Great Patriotic War and its archive: reconstruction of activities and working methods”, *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2011 god*, Moscow, Russia, pp. 123–166.
- Shumeiko, M.F. (1985), “Activities of the Commission on the History of the Patriotic War under the Central Committee of the Communist Party (Bolshevik) of Belarus 1942–1946”, *Sovietskie arhivy*, no 2, pp. 36–42.
- Shumeiko, M.F. (2010), “The history of archival work in Belarus in the documents of the Russian archives”, *Arhivy i deloproizvodstvo*, no 4, pp. 110–121.
- Shumeiko, M.F. (2013), “A failed attempt to integrate the former Vilno Historical Archive into the Historical Archive of the Belarusian Academy of Sciences (October 1939–1941)”, *Fundamental'naya nauka: problemy izucheniya, sokhraneniya i restavratsii dokumental'nogo naslediya: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Exec. ed. V.Yu. Afiani, Arhiv RAN, Moscow, Russia, pp. 250–260.
- Shumeiko, M.F. (2015), “Reunification of the Unified State Archival Fonds of the BSSR (on the 75th anniversary of the creation of state archives in the western regions of Belarus)”, *Arhivy I deloproizvodstvo*, no 1, pp. 91–102.
- Rosowska, E. (2003), “Losy polskich archiwaliów na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej (1939–1945)”, *Archeion*, T. 106, Warsaw, Poland, pp. 85–117.
- Tsaplin, V.V. (1993), “Conference of the historians – archivists of the USSR. June 1–3, 1943”, *Otechestvennyie arhivy*, no 5, pp. 42–55.
- Velikii, A.F. (2014a), “On the inclusion of Polish archives in the archival service of the BSSR (1939–1941 gg.)”, *Arivy I deloproizvodstvo*, no 5, pp. 82–89.
- Velikii, A.F. (2014b), “Archives of the Western regions of the BSSR in 1939–1941”, *Belaruskii arheografichny shtogodnik*, Vyp. 15, Minsk, Belarusia, pp. 75–82.
- Zhumar', S.V. (1996), *Okkupatsionnaya periodicheskaya pechat' na territorii Belarusi v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh belorusskoyazychnykh izdaniy)* [Occupational periodical in Belarus during World War II (based on materials from Belarusian-language publications)]. Minsk, Belarusia.

Информация об авторе

Михаил Ф. Шумейко, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; 220030, Республика Беларусь, Минск, пр. Независимости, д. 4; jesti@inbox.ru

Information about the author

Mikhail F. Shumeiko, Cand. of Sci. (History), associate professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; bld. 4, Av. Nezavisimosti, Minsk, Republic of Belarus, 220030; jesti@inbox.ru

УДК 930.253(410)

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-133-141

Документы архива британской газеты «Таймс» о деятельности журналиста Стэнли Вашбурна в распоряжении российских войск в Первую мировую войну

Н.В. Банникова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nganzhara@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуется переписка американского журналиста Стэнли Вашбурна, военного корреспондента британской газеты «Таймс», во время Первой мировой войны с руководством газеты. Документы, находящиеся на хранении в архиве газеты «Таймс» в Лондоне, раскрывают некоторые подробности того, как корреспондент добивался допуска на передовую. В частности, рассматриваются помощь постоянного представителя газеты «Таймс» в Петрограде Роберта Вильтона в получении разрешения для Вашбурна отправиться на фронт в первую поездку, а также содействие посла России в Великобритании графа Бенкендорфа во время ограничений для иностранных корреспондентов. Исследование сообщает о поездках журналиста на фронт, договоренностях с высокопоставленными лицами и высочайшими органами власти Российской империи. В статье отражаются трудности использования личного транспорта и перемещения на нем в целях сбора материала для газеты. Помимо непосредственной работы журналиста по обеспечению газеты новостями, работа над усилением пропаганды стран союзников и попытки смягчения негативного влияния вражеской пропаганды оставались одной из первостепенных задач корреспондента. Благодаря активной деятельности и грамотной работе Вашбурна были установлены тесные отношения между ним и властями Российской империи.

Ключевые слова: Первая мировая война, корреспондент газеты «Таймс», Роберт Вильтон, Стэнли Вашбурн, фронт, допуск иностранных корреспондентов в российскую армию

Для цитирования: Банникова Н.В. Документы архива британской газеты «Таймс» о деятельности журналиста Стэнли Вашбурна в расположении российских войск в Первую мировую войну // История и архивы. 2020. № 3. С. 133–141. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-133-141

Documents from
The Times Newspapers Ltd Archive¹
about the activities of journalist Stanley Washburn
in the location of Russian troops
in the First World War

Nataliya V. Bannikova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, nganzhara@gmail.com*

Abstract. The article examines the correspondence of American journalist Stanley Washburn, a war correspondent for the British newspaper *The Times* during the First World War, with the managers of the newspaper. Documents held in the archives of *The Times* newspaper in London reveal details of how the correspondent sought admission to the frontline. In particular, the author considers what assistance the permanent representative of *The Times* newspaper in Petrograd, Robert Wilton, gave in obtaining permission for Washburn to go to the front on his first trip, as well as what assistance the Russian Ambassador to the UK Count Benckendorf gave, during the period when restrictions were imposed on foreign correspondents. The study reports on Washburn's trips to the front and his negotiations with high-ranking officials and the highest authorities of the Russian Empire. The article reflects the difficulties of using personal transport in order to collect material for the newspaper. In addition to the primary work of the correspondent to provide the newspaper with news reports, his work on strengthening the propaganda of the allied countries and his attempts to mitigate the negative impact of enemy propaganda became crucially important. Owing to Washburn's active and competent work, he was able to establish close relations with the authorities of the Russian Empire.

Keywords: World War I, correspondent of *The Times*, Robert Wilton, Stanley Washburn, front, admission for foreign correspondents to the Russian army

¹ Полное название – *The Times Newspapers Ltd Archive, News UK and Ireland Ltd., London.*

For citation: Bannikova, N.V. (2020) “Documents from *The Times* Newspapers Ltd Archive about the activities of journalist Stanley Washburn in the location of Russian troops in the First World War”, *History and Archives*, no. 3, pp. 133–141, DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-133-141

Летом 1914 г., когда началась Первая мировая война, постоянный представитель британской газеты «Таймс» в Санкт-Петербурге Роберт Вильтон совмещал работу корреспондента и редактора русского приложения газеты. Сразу после начала войны он писал о первых битвах, о которых узнавал из писем своего сына. Сын корреспондента, Иоанн, учившийся в Дулвичском училище, по специальному разрешению императора был зачислен добровольцем в Преображенский гвардейский полк и в течение полугода участвовал в качестве конного разведчика во многих боях с этим знаменитым корпусом. Затем он был повышен до прапорщика, а позже получил крест Святой Анны за храбрость. Роберт Вильтон сам периодически ездил на фронт, но большую часть времени тратил на «выуживание новостей в мутных водах царской демократии»². Новости с передовой требовали повышенного внимания. В места боев владелец британских газет «Таймс» и «Дейли Мейл» Альфред Хармсвортлорд Нортклифф решил отправить специального корреспондента Стэнли Вашбурна, талантливого американского журналиста, сына сенатора Соединенных Штатов Америки. Свою карьеру военного корреспондента Вашбурн начал в 1904 г., во время русско-японской войны, сопровождая японские войска и представляя американскую газету «Чикаго Дейли Ньюз» [Третьякова 2019, с. 71].

Возможность попасть на фронт предоставлялась только после получения специального удостоверения, выдаваемого штабом Верховного главнокомандующего после тщательного изучения характеристики Министерства иностранных дел. Исследователь С.С. Колотовкина подробно изучила вопрос допуска иностранных корреспондентов в действующую российскую армию во время Первой мировой войны. В ее работе «Англо-Российские общественные связи в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.)» можно изучить список и характеристики корреспондентов, ознакомиться с правилами допуска на фронт, согласно которым иностранные корреспонденты могли попасть на фронт [Колотовкина 2001, с. 95–99].

² The History of *The Times*. The 150th Anniversary and Beyond. 1912–1948. L., 1952. P. 240.

Правила эти, однако, были выработаны только к 1916 г., а «первоначально», как отмечает исследователь С.Н. Третьякова, «какой-то системы в допуске отдельных журналистов в район боевых действий не было. Часто это определялось не только репутацией корреспондента, но и зависело от покровительства ему со стороны высокопоставленных лиц» [Третьякова 2018, с. 364].

Вильтон, к 1914 г. проработавший в России около 20 лет (9 из них корреспондентом «Таймс»), был на хорошем счету у российских властей и получил свое удостоверение без особых усилий. Он же помог получить допуск на фронт Стэнли Вашбурну, прибывшему в Санкт-Петербург с двумя короткими письмами от редактора газеты «Таймс» Викхама Стида. Одно письмо было адресовано Р. Вильтону, в нем редактор говорил о разграничении обязанностей двух корреспондентов и просил Вильтона оказать Вашбурну любое возможное содействие. Второе письмо предназначалось министру иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонову. Напоминая Сазонову об их встрече в Риме, Сид рекомендовал Вашбурна как «заслуживающего доверия и выдающегося американского писателя» для «засвидетельствования поведения русских армий на поле боя»³, а также просил оказать ему любую помощь.

В письме от 22 сентября 1914 г.⁴ Вильтон сообщает лорду Нортклифу о том, что поговорил с С.Д. Сазоновым о Вашбурне, в результате министр иностранных дел телеграфировал в Генеральный штаб, а Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич ответил, что сделает исключение для корреспондента «Таймс». После аккредитации в качестве корреспондента Вашбурн последовал за «победоносными русскими армиями через Галицию»⁵.

Получение разрешения один раз не гарантировало того, что корреспонденты автоматически допускались на фронт в следующий. Каждая новая поездка начиналась в Петрограде. Вашбурн, однако, в письме от 23 января 1915 г.⁶ сообщал редактору газеты «Таймс» Викхаму Стиду, что он больше не передвигался через Петроград, а напрямую договаривался с Генеральным штабом, пользуясь поддержкой директора Дипломатической канцелярии в Ставке Верховного главнокомандующего князя Н.А. Кудашева и британского представителя при Ставке генерала Дж. Хэнбери-Вильямса.

³ *The Times Newspapers Ltd Archive (TNL) / The Times Newspaper (TT) / Editors (ED) / Henry Wickham Steed (HWS) = TNL/TT/ED/HWS/1/29/08/1914*

⁴ *TNL/TT/ NOR (Lord Northcliffe papers)/1/1/141.*

⁵ *Ibid. ED/HWS/1/27/9/1917.*

⁶ *Ibid. 23/01/1915.*

Отправляя статьи о русской армии в конце февраля 1915 г., Вашбурн выразил желание, чтобы эти статьи вышли под его именем. «Если вы опубликуете это под моим именем, то проследите, чтобы Бенкендорф [А.К. Бенкендорф, посол России в Великобритании] получил копии для отправки Сазонову и князю Кудашеву в Генеральный Штаб. Они оба могут помочь мне в будущем»⁷.

Руководство газеты положительно отнеслось к желанию Вашбурна, и его статьи стали выходить под его именем. Кроме того, вскоре вышла его книга «Полевые заметки с русского фронта»⁸. Иллюстрации были выполнены британским фотографом из «Дейли Миррор» Джорджем Мьюзом, сопровождавшим совместно с Вашбурном русские войска.

В начале марта 1915 г. все иностранные корреспонденты попали под подозрение, и Министерство иностранных дел Российской империи прекратило давать привилегии кому-либо из корреспондентов на неопределенное время. Это случилось из-за того, что корреспондент «Лондон Телеграф» (London Telegraph) американец Гранвиль Фортеस्कью (Granville Fortescue) в Одессе имел при себе карты и фотографии, за что был задержан. Освободившись с помощью американских властей, он отправился в Берлин, где, по утверждению русских, передавал немцам «неблагоприятные донесения об их армии»⁹.

Для получения разрешения вернуться к фронтовой работе Вашбурн обращался за помощью в Генеральный штаб и к генералу Кудашеву, но они ничего не могли сделать. И Вашбурн попросил руководство газеты «Таймс» «оказать давление на министра иностранных дел Сазонова [возможно, через графа Бенкендорфа]»¹⁰, предлагал Бенкендорфу упомянуть в письме к Сазонову о написанном им о русской армии. Спрашивал, не могло ли Военное министерство или Министерство иностранных дел в Лондоне поручиться за него как за надежного человека¹¹.

Бенкендорф отправил телеграмму в Министерство иностранных дел, куда позднее был приглашен Вашбурн. Ему предложили поехать посмотреть на захваченных пленных и обещали другие возможности. Статьи Вашбурна, подписанные его именем, очень помогли в этом и «добавили тысячу процентов» к его влиянию в России¹².

⁷ Ibid. 22/02/1914.

⁸ *Washburn S. Field Notes from the Russian Front / Illustrated by the Photographs of George H. Mewes. L., 1915.*

⁹ TNL/TT/ ED/HWS/6/15/03/1915.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. 20/03/1915.

Уже в середине апреля, 15-го числа, Вашбурн писал, что встретился с Сазоновым и получил разрешение отправиться куда желает. Будучи хорошо знаком с правилами перемещения по фронтам, Вашбурн попросил Сазонова, чтобы Генеральный штаб изложил его распоряжение в письменном виде и отправил ему в Варшаву по почте.

21 апреля 1915 г. Вашбурн получил письмо от князя Кудашева с вложенным свидетельством «для того, чтобы максимально облегчить полезную работу Мистера Вашбурна». «Я думаю, что наконец-то получил это свидетельство во многом благодаря моему терпеливому и строгому соблюдению правил»¹³, – писал Вашбурн Стиду в апреле из Варшавы. Копии документа хранятся в архиве газеты «Таймс» в Лондоне и в Государственном военно-историческом архиве в Москве [Третьякова 2019]. В свидетельстве отмечалось, что «мистер Вашбурн известен в штабе командующего как публицист нейтральной страны, который не раз демонстрировал свою беспристрастную точку зрения, свое дружелюбие по отношению к нам и полную корректность в соблюдении предписанных правил и положений»¹⁴.

Свидетельство давало корреспонденту «Таймс» большие преимущества перед сотрудниками других изданий. Вдохновленный этим, Вашбурн решил увеличить свою производительность и заговорил с руководством газеты о необходимости приобретения автомобиля. Руководство прислушалось к его мнению и согласилось на дополнительные расходы. Найти свободный автомобиль было не просто, почти весь транспорт был захвачен правительством. Когда, наконец, Вашбурну удалось найти подходящий вариант, выяснилось, что кроме разрешения из Генерального штаба нужно иметь положительное решение вопроса командующего фронтом, а также одобрение военного губернатора Варшавы на покупку автомобиля и на его эксплуатацию. Кроме того, начальник полиции должен был выдать разрешение для корреспондента купить машину и для владельца продать ее, а также распорядиться, чтобы начальник районной полиции выдал разрешение для водителя. После покупки автомобиля необходимо завизировать сделку в Генеральном штабе и там же получить справки: одну – для того, чтобы автомобиль не реквизиrowали для армейских нужд, а другую – чтобы иметь полномочия на приобретение бензина и шин.

Чтобы получить в свое распоряжение военного шофера, Вашбурн, прежде чем делать запрос, должен был получить согласие командира роты и генерала того подразделения, в котором

¹³ Ibid. 24/04/1915.

¹⁴ Ibid. 8(15)/04/1915.

шофер числился. После подтверждения запроса необходимо было получить: 1) разрешение штаба фронта; 2) одобрение военного губернатора Варшавы; 3) одобрение командующего армией; 4) подтверждение от генерала командующего фронтом. Когда все необходимые документы были готовы, запрос Вашбурна отклонили по неизвестной причине, и ему пришлось искать шофера среди местных жителей. Для поездки в Галицию на автомобиле нужно было дополнительно получить следующие разрешения: из штаба, от губернатора Галиции, от генерала командующего фронтом и несколько других.

Собрав практически все необходимые документы, Вашбурн писал Стиду, что «чуть не сошел с ума в этом кризисе, потому что абсолютно невозможно ускорить ни один из этих этапов»¹⁵. Помня, насколько трудно ему было перемещаться в предыдущей поездке по Галиции без автомобиля, корреспондент терпеливо выполнял все, что от него требовалось.

Здесь совершенно необходимо исправлять и упорядочивать свои поступки, и если я мало что узнал о войне, то многое узнал о русской психологии. Если игра состоит в том, чтобы унести с берега по одной песчинке за раз, мне придется это сделать. Терпение, настойчивость и следование правилам и русским идеям – вот единственный способ, с помощью которого я могу что-то сделать¹⁶.

После сопровождения русской армии во время отступления летом 1915 г. Вашбурн сообщал Стиду о неопределенности своих планов из-за сильной усталости. «Моя инициатива парализована, и я сижу по два часа за завтраком, прежде чем решу, съесть ли мне яйцо или кусок хлеба. Мне кажется, что в моей голове до конца жизни больше никогда не будет мыслей»¹⁷, – писал он редактору газеты «Таймс» 20 августа 1915 г. В это время корреспондент планировал вернуться домой в Америку, но передумал из-за критической политической ситуации. Еще в начале августа Вашбурн писал, что «здесь растет чувство, вне всякого сомненья поддерживаемое врагом, что союзники бездействуют. Это, плюс нехватка боеприпасов обещает привести моральное состояние армии в хаос, если не действовать быстро»¹⁸.

Основные усилия корреспондент направил на разработку пропагандистских мероприятий, чтобы «насколько это возможно,

¹⁵ Ibid. 6/16/05/1915.

¹⁶ Ibid. 16/05/1915.

¹⁷ Ibid. 20/08/1915.

¹⁸ Ibid. 08/08/1915.

сократить негативные последствия пропаганды, которая сейчас бушует здесь против союзников»¹⁹.

Почти две недели Вашбурн провел в штабе и встретился со всеми, начиная с царя. Ему удалось взять интервью у министра иностранных дел Сазонова, а Вильтону – у А.А. Поливанова²⁰. Военному министру был представлен план проведения пропагандистской кампании, согласно которому войска в окопах должны были ежедневно получать информацию о положении на Западе и об улучшении ситуации с боеприпасами. Военный министр согласился представить план Вашбурна царю, однако, был ли он представлен императору, выяснить пока не удалось. Пропагандистское направление деятельности Вашбурна оставило след в документах РГВИА, изученных исследователем С.Н. Третьяковой.

Результатом всей этой работы стало установление тесных отношений между Вашбурном и представителями власти, которые было бы довольно трудно наладить, выполняя только журналистскую работу. Сазонов, например, выдал Вашбурну личное рекомендательное письмо к генералу Н.В. Рузскому и другие верительные грамоты. Корреспондент решил остаться в России еще примерно на два месяца²¹.

Когда Вашбурн был в США в отпуске зимой 1916–1917 гг., Государственный департамент потребовал, чтобы он сопровождал миссию Рута в Россию, которая отплыла следующей весной, и, хотя он надеялся оставаться сотрудником «Таймс», это оказалось невозможным, и его связь с газетой закончилась. Однако в течение многих лет Вашбурн вел личную переписку с лордом Нортклифом и с редакторами газеты Робинсоном и Стидом.

Литература

- Колотовкина 2001 – Колотовкина С.С. Англо-русские общественные связи в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 319 с.
- Третьякова 2018 – Третьякова С.Н. День за днем: британские корреспонденты на русском фронте Первой мировой войны // Британия: история, культура, образование: Сборник статей по материалам Международной научной конференции / Отв. ред. А.Б. Соколов. Ярославль, 2018. С. 360–368.
- Третьякова 2019 – Третьякова С.Н. Американский корреспондент Стэнли Уошберн на русском фронте // Военно-исторический журнал. 2019. № 10. С. 71–76.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid. 27/08/1915.

References

- Kolotovkina, S.S. (2001), *Anglo-Russian Public Relations during The First World War (1914 – February 1917)*: Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
- Tretyakova, S.N. (2018), “Day by Day: British Correspondents on the Russian Front of the First World War”, *Britaniya: istoriya, kul'tura, obrazovanie: Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Britain: History, Culture, Education. Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference], Executive ed. A.B. Sokolov, Yaroslavl', Russia, pp. 360–368.
- Tretyakova, S.N. (2010), “American Correspondent Stanley Washburn at the Russian Front”, *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no 10, pp. 71–76.

Информация об авторе

Наталья В. Банникова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nganzhara@gmail.com

Information about the author

Natal'ya V. Bannikova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; nganzhara@gmail.com

УДК 94(470) (049.32)

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-142-157

«Вот – моя деревня...» (О новой книге В.П. Козлова)

Валерий С. Мингалев

*Российское общество историков-архивистов,
Москва, Россия, marbashev1@gmail.com*

Аннотация. Работа представляет собой развернутую рецензию на вышедшую в 2019 г. в издательстве РГГУ первую часть книги заслуженного профессора РГГУ В.П. Козлова, посвященную истории русской деревни Центральной России конца XVI – начала XX в. и особенно русского крестьянства. В рецензии рассматриваются источниковая база исследования Козлова, примененная им методика анализа данных и структура работы. Особое внимание уделяется впервые предложенному автором монографии методу экспертных оценок по десяти показателям положения крестьянства в разные периоды его истории – отмечаются положительные и спорные стороны этого метода в определении прогресса и регресса в истории русской деревни. Рецензент особо подчеркивает важность привлеченных в исследовании Козлова статистических материалов, которые позволяют на протяжении трех веков проследить в Епифанском уезде динамику численности крестьянского населения, числа крестьянских дворов, числа членов крестьянского двора, его оснащения живым и мертвым инвентарем, расслоение крестьянства и процесс отходничества. Отмечается, что труд Козлова широтой и глубиной рассмотренной проблематики является не только важным историко-краеведческим и генеалогическим исследованием, но и крупным вкладом в изучение русской деревни вообще.

Ключевые слова: В.П. Козлов, крестьянство, деревня, землевладельцы, деревня Горки, крепость Епифань, Епифанский уезд, Тульская губерния, барщина, оброк, реформа 1861 г., столыпинская реформа деревни, Отечественная война 1812 г., Крымская война, Ивановский судоходный канал, крепостное право

Для цитирования: Мингалев В.С. «Вот – моя деревня...» (О новой книге В.П. Козлова) // История и архивы. 2020. № 3. С. 142–157. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-142-157

“Here is my village ...”
(About V.P. Kozlov’s new book)

Valerii S. Mingalev

*Russian Society of Historians and Archivists,
Moscow, Russia, marbashev1@gmail.com*

Abstract. The work is a detailed review pertaining to the 2019 RSUH publication of the book by V. P. Kozlov, the RSUH Professor Emeritus. The work is devoted to the history of the Russian village, and especially the Russian peasantry, in Central Russia at the end of the XVIth-beginning of the 20th century. The review examines the source base of Kozlov’s research, the method of data analysis used by him, and the structure of the work. The present article focuses on the method pioneered by V. P. Kozlov; this method of expert estimations according to 10 indicators reveals the position of the peasantry in different periods of its history; the author points out positive and controversial aspects of this method in determining the progress and the regress in the history of the Russian countryside. The present review particularly emphasizes the importance of the statistical materials involved in Kozlov’s research, which allow us to trace the dynamics of the peasant population, peasant households, the number of peasants in them, the amount of the livestock and the inanimate objects of different groups of the peasantry, the processes of stratification and abandonment in the peasant environment of the Epifan County over the three centuries. It is emphasized that Kozlov’s work is not only an important historical, local history and genealogical study, but also a major contribution to the research of the Russian village in general.

Keywords: V.P. Kozlov, peasantry, village, landowners, Gorki village, Epifan fortress, Epifan County, Tula province, barshchyna, obrok, 1861 reform, Stolypin village reform, 1812 Patriotic War. Crimean War, Ivanovo shipping channel, serfdom

For citation: Mingalev, V.S. (2020), “‘Here is my village...’ (About V.P. Kozlov’s new book)”, *History and Archives*, no 3, pp. 142–157, DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-142-157

Строка стихотворения русского поэта-демократа Н.А. Некрасова из старого школьного учебника родной речи припомнилась отзывом на пароль – название недавно вышедшей в свет книги известного историка-архивиста, члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора Российского государственного гуманитарного университета В.П. Козлова («Убратъ в историю...». Крестьянский род и поселение Тульского края в XVI–XX веках. Часть 1. Конец XVI в. – 1917 г. М.: РГГУ, 2019. 705 с.). Для многих,

как и для рецензента, книга стала настоящим сюрпризом, поскольку прежде автор не проявлял себя на аграрном фланге исторической науки в качестве профессионального специалиста, что оказалось на самом деле.

Знакомство с книгой вызвало желание без промедления откликнуться, не дожидаясь публикации второй ее части, когда следовало бы подготовить полноценную рецензию, чего заслуживает, не сомневаюсь, эта великолепная работа. Однако, боясь не дожидаться этого счастливого момента, в силу своего преклонного возраста и разгулявшегося по миру коронавируса, из-за которого, как и другие, оказался на карантинной самоизоляции, спешу поделиться впечатлениями и, нескромно, «мыслями», возникшими при чтении этой новой, по-настоящему новаторской и добротной книги с несколько удивляющим, взятым в кавычки названием.

Не скрою, название мне показалось поначалу не вполне соответствующим ее научной фундаментальности. Не раскрывает (без дополнительного пояснения) ее содержание и несет в себе не явный, но очевидный намек на научно-популярный характер, чтобы привлечь, наверное, более широкий круг читателей. Правда, такой литературный прием в науке используется нередко, все же иногда допустим и оправдан.

Тем более что название книги, со слов автора, принадлежит его отцу П.Е. Козлову, одному из истинных ее героев, потомственному крестьянину по происхождению и роду занятий, воину Красной армии – участнику штурма Берлина, оставившему личную роспись на стене поверженного рейхстага. Именно таким людям, своим предкам, изучению условий их жизни на протяжении нескольких столетий посвящено исследование поставленных в книге проблем истории крестьянства России.

Внимание исследователя сфокусировано на истории его малой родины, конкретного региона, одного поселения и своего крестьянского рода, однако вовсе не замыкается на этом, распространяясь далеко за пределы декларированных им в предисловии локальности и ограничений. Написание данной книги автор посчитал своим долгом перед крестьянством России.

Думается, книга В.П. Козлова появилась очень своевременно. Ведь новейшая научная литература, впрочем как и художественная, не слишком щедро освещает крестьянскую тематику вообще, а в отдаленной временем истории тем более, несмотря на то что еще недавно Россия была страной с преимущественно крестьянским населением, составившим «соль ее земли», отразившись в ее менталитете. Аграрный вопрос зачастую ребром стоял в России на пути всех социально-экономических и политических преобразований, то подталкивая и придавая импульс им, то противодействуя и сдержи-

вая, что, не исключено, продолжается до настоящего времени. Рассматриваемая книга в этом ключе представляется весьма актуальной и познавательной.

В совершенно классическом для научной монографии предисловии книги автор признается в затруднительности определения жанра своего произведения, ограничиваясь описанием замысла, иначе – целей, заключающихся в том, чтобы

на строго документальной основе и более или менее доказательных наблюдениях и выводах профессиональных исторических трудов нарисовать картину исторического пути одного крестьянского поселения и рода, представлявших частичку общей истории Тульского региона и всей нашей страны на протяжении приблизительно трех веков их и российской истории [Козлов 2019, с. 14].

По прочтении книги можно констатировать, что заявленный довольно скромно замысел автору удалось воплотить как нельзя лучше, по крайней мере в первой его части – до 1917 г. Труд вышел далеко за пределы исторического регионоведения и краеведения, личных мемуаров и частного генеалогического исследования. Несмотря на цитированные ограничительные рамки, жанр книги, без ложной скромности, следует представить как фундаментальную монографию, посвященную истории крестьянства России. Созаем, что фундаментальность исследования обеспечивается, конечно, не «физическим» объемом монографии, который в действительности впечатляет, а полнотой и, главное, качеством отбора массива источников, подлежащих освоению, глубиной их изучения и, разумеется, новизной и убедительностью полученных результатов, их научной и практической значимостью, а также общественным признанием, что, впрочем, бывает далеко не всегда и сразу единодушно. Не станем приводить примеры, они весьма многочисленны.

Круг источников проведенного исследования, привлеченных к изучению в основном впервые, чрезвычайно обширен. Наиболее важное место среди них занимают архивные документы из состава порой чудом сохранившихся во времени фондов центральных и местных учреждений Российского государства минувших исторических эпох, оказавшихся ныне на хранении разрозненно во многих федеральных, региональных, в отдельных случаях и в муниципальных архивах Российской Федерации.

Сложно даже вообразить, сколь гигантский труд потребовался исследователю, чтобы выявить необходимые архивные документы и привести собранный материал в состояние, пригодное к использованию для анализа, обобщения и представления в удобном для восприятия читателями виде. Одно это заслуживает нашей читательской благодарности.

Солидная источниковая база исследования классифицирована и представлена кратким описанием в предисловии. Укрупненная группировка источников проведена разделением их на три класса (с. 16), из которых наибольшее количество относится к классам документальных источников официального происхождения (официальных документов) и документальных источников личного происхождения, названного также классом документальных источников неофициального происхождения [Козлов 2019, с. 20].

Документация этих двух классов, учитывая их видовое разнообразие и практическое назначение, поделена на целый ряд типов: директивный, организационный, коммуникативный, информационный, учетно-отчетный, репродуктивный, персонифицированный, регулятивно-специальный).

По каждому из типов даны дополнительные пояснения о составе, назначении и доступности для изучения отдельных, наиболее важных для исследования видов документов [Козлов 2019, с. 16–20].

В классе документации неофициального, личного происхождения выделены как самостоятельные типы [Козлов 2019, с. 20–23]: мемуаристика; дневники; записки путешественников в ряду с топографическими и статистическими описаниями, обозначенные как полуофициальные документы; эпистолярные источники (переписка); творческие документы (статьи, доклады, литературные произведения, фольклор).

Группировка источников по типам в данном случае осуществлена применительно к задачам исследования, поэтому не вызывает особых возражений, несмотря на противоречивость отдельных позиций, расходящихся с принятой в источниковедении научно-теоретической классификацией документальных источников. Недоумение возникает только по поводу целесообразности выделения в обзоре отдельного класса сакральных документальных источников, представленных весьма редкими, по признанию самого автора, единичными примерами [Козлов 2019, с. 16, 23]. Следы использования их в книге, помимо предисловия, не обнаруживаются.

Обзор источников, несмотря на краткость, оставляет в целом впечатление полного соответствия задачам и фундаментальности исследования.

Кратким, чрезмерно, на наш взгляд, но нацеленным на поставленные в монографии задачи является также историографическое обозрение достигнутого уровня проработки выдвинутых проблем, в котором перечислительно названы имена историков, обращавшихся к отдельным их аспектам в разное время, с указанием в подстрочнике опубликованных ранее работ. Среди них встречаются известные имена и даже знаменитости, но также есть малоизвестные и вовсе безвестные или давно забытые имена и труды.

Поэтому напоминание автора о них в полной мере служит доброй памяти предшественников и научной справедливости. Умышленно никого не называю, заинтересованные смогут убедиться самостоятельно. Чтение, как известно издревле, занятие полезное: «Добро есть, братие, почитание книжное» («Изборник XI в.»).

Помимо источниковедческого и историографического обозрения темы, в предисловии книги представляются особенно интересными философские по масштабам, вполне соответствующим личности, размышления автора о современном состоянии и общественном восприятии истории как науки, которые служат основанием понимания ее роли и значения, мотивации изучения избранной проблемы, методологии и методики исследования. Здесь же даны обоснование выбора и характеристики четырех использованных им методов [Козлов 2019, с. 28–29].

Не вызывает сомнений важность первого из них, широко применяемого в исторических исследованиях, – статистического метода. Причем автор предупреждает читателя о необходимости критического отношения к «цифрам» статистики, скрупулезно, старательно собранной в книге [Козлов 2019, с.15]. Этим советом ниже мы обязательно воспользуемся.

Вторым поставлен в ряд метод субституции, подразумевающий использование близких аналогий при отсутствии прямых данных об объекте изучения. Данный метод близок к третьему – методу реконструкции. В связи с этим отметим вместо автора для себя, что тонкой и опасной границей между ними служит метод сублимации, т. е. подмены идей и понятий, родственной фальсификации, неоднократно и с большим успехом становившийся предметом тщательных исследований для автора книги в других его известных работах.

Четвертый метод назван методом упорядочения, смысл которого заключается в обеспечении логически доказательного повествования.

О конкретном практическом использовании методов подробностей не сообщается, хотя упоминания о них встречаются в отдельных местах в тексте книги. Видимо, автор посчитал, что читателям нет особой необходимости знать, в каких именно случаях и разделах книги его методы нашли применение, а самые дотошные из них краеведы и аграрники разберутся и так. На наш взгляд это все же упущение, поскольку книга является замечательным образцом историко-региональных и краеведческих поисков и решений сложных научных задач.

Вопросы о методике в таких делах могут быть вовсе не праздными. Исторические исследования, как и в рассматриваемом, связаны, как правило, с использованием не какого-либо одного или пусть

даже нескольких методов, а их совокупности – комплексно и системно. Именно тогда они доказательны.

Обращаем внимание на важную инновационную в методолого-методическом отношении авторскую разработку установления моментов прогресса в истории и критериях их экспертной оценки [Козлов 2019, с. 29–30]. По сути им предложена новая методика, подлежащая апробации в исследовании истории крестьянства, основанная на выявлении и экспертной оценке прогресса по выделенным десяти формализованным показателям и одного (одиннадцатого) сводного (суммарного) показателя крестьянской жизни.

Прогрессом предлагается считать ситуацию, оцениваемую понятием «лучше» при сопоставлении отдельных показателей и суммарного итога сравниваемых периодов.

Автор обратил внимание на относительность понятия «лучше» для оценки жизни «родителей – детей – внуков» и более протяженных периодов. Кстати, критерий «лучше» находил свое применение для той же цели оценки условий жизни народа: в частности, политическим руководством советской страны (Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев) с добавлением к нему еще слова «веселее», которое без промедления было дополнено юмористами из народа: «Шея стала тоньше, но зато длиннее». Других обобщенных доступных критериев пока не найдено, если не считать единичных – частных.

Не будем углубляться в эту сторону до поры публикации второй части книги. Считаю предложенную методику не только приемлемой, но и вполне оправдавшей ожидания в ее гипотетическом предположении об историческом прогрессе. Разработанный подход заслуживает, по нашему мнению, быть выделенным в самостоятельный метод экспертной оценки, наряду с указанными выше, поскольку имеет отнюдь не меньшее значение для данного исследования и его результатов, отраженных в книге (ее первой части).

Наши замечания и вопросы касаются частных. Например, следует ли в данной методике исследователю принимать на себя полностью роль единственного эксперта, не привлекая других специалистов, что могло бы повысить уровень доверия к полученным результатам. Перспективы предложенного В.П. Козловым метода видятся в применении развитого аппарата некоторых разделов математики, в частности теорий вероятностей, математической статистики, неопределенных множеств.

Другое пожелание вызвано необходимостью более точного формулирования последовательности ранжирования выделенных автором показателей прогресса крестьянской жизни. На передний край следовало бы, по нашему мнению, поставить показатели, поддающиеся более объективной количественной оценке, такие как «продолжительность жизни крестьянина (2)»; отсутствующие в данном

перечне, но встречающиеся в тексте глав количественные показатели (состав семьи, число семей одного двора, количество дворов поселения и т. п.); подобные же оценки других показателей (количественные данные о земле, инвентаре, тягловой и «механизированной» силе и пр.).

Вызывают сомнения правильность определения показателя «степень свободы» и постановка его на первое место в составе их избранной совокупности из десяти показателей. «Степень» предполагает необходимость соответствующей градации «свободы» (подобно математическому выражению «в квадрате», «в кубе», «в 4-й степени» и т. д.). Убрав слово «степень», можно согласиться с тем, что «свобода» всегда была и остается особой ценностной категорией и поэтому поставлена во главе остальных показателей. Однако это скорее все же оценка с позиций современного мировоззрения. Показатель «степени свободы» весьма трудноизмерим. Думается, значительно сложнее логического (качественного) описания показателя просто «свобода». Можем только повторить то, что отмечено самим автором и нами выше по поводу критерия «лучше» и гипотезы о прогрессе. Впрочем, еще придется вернуться к данным показателям при рассмотрении содержания основных глав рецензируемой книги, но прежде задержимся коротко на структуре монографии.

Структура книги представляется в целом логичной. Изложение большого исследовательского материала, разделенного на главы (их шесть), ведется хронологически последовательно в соответствии с принятой в истории России периодизацией, с учетом возникновения и существования государственного административно-территориального образования, являющегося объектом изучения, – Епифанский уезд (Тульской губернии), поселение Горки, от Средневековья, через периоды Нового и Новейшего времени, до 1917 года. Объем глав не одинаков. В основном они следуют единому плану. Выделяются некоторыми особенностями две главы – под № 1 и 4.

Первая охватывает начальный и ранний период истории становления и формирования объекта изучения (XIV–XVII вв.). Отличается, по признанию самого исследователя, недостатком источниковых ресурсов, базируется на переосмыслении и интерпретации накопленной обширной историографии. Это сделано с большим мастерством, великолепным литературным стилем.

Глава 4, как самостоятельный раздел (целая глава), несколько нарушает структурную гармонию книги, отступив от принятого в других главах плана, объединяющим мотивом в которых прохождение жизнь крестьянства Епифанского уезда с обязательным включением «деревни Горки» в каждой. Глава, отметим, значительно меньшего объема остальных, занимает всего 30 страниц текста

[Козлов 2019, с. 379–429], поделена на два раздела. Однако они, безусловно, имеют важное обобщающее и новационное оригинальное содержание вполне самостоятельного значения для оценки предреформенного состояния общественного сознания России. Полагаем, что эти разделы, без всякого ущерба для идеи и содержания книги, могли быть помещены в предшествующей (третьей) главе или последующей (пятой), или в одной из них, что устранило бы структурную диспропорцию и различия глав.

Выделив главу 4, автор несколько отступил от заявленного им в предисловии разделения текста книги на шесть периодов и соответствующих им глав [Козлов 2019, с. 29–30]. В этой главе проводится анализ предреформенного состояния российского общества, собраны интересные факты, сопровождаемые тонкими наблюдениями и оригинальной их интерпретацией, по большей части относящиеся к русской деревне вообще, но не так строго конкретно и структурированно, как в других главах, относительно Епифанского уезда и его поселений.

Перейдем к краткому рассмотрению содержания основных глав.

Первая глава (глава 1) «Епифанский уезд на грани двух эпох российской истории (конец XVI – XVII в.», в сравнении с другими относительно меньшего объема, посвящена начальному периоду так называемого второго освоения плодородных земель верховьев Дона с его многочисленными притоками, входивших вначале в состав Рязанского княжества, формированию уезда и возникновению поселения Горки – малой родины автора книги. Не ставим перед собой задачу пересказа главы, вряд ли нам удалось бы сделать это лучше, чем картина, написанная в оригинале рукой настоящего мастера. Обратим внимание на тщательно проработанную историографическую основу главы. В известной мере это вызвано отсутствием не освоенных до него документальных источников раннего периода истории, сохранившихся в небольшом количестве, использованных исследователями-предшественниками. Тем не менее в главе все же нашли отражение некоторые из них, подобранные очень точно к месту и по времени. Например, летописная повесть о хождении митрополита Пимена в Царьград в 1389 г. (ПСРЛ, т. XI, с. 95) для описания природы и пустынности тех мест, где уже скоро расположатся исследуемые автором объекты – крепость засечной черты, в будущем уездный центр Епифань, и поселения, включая его родные Горки [Козлов 2019, с. 31–32]. Само название крепости, возникшей на месте более древнего поселения, автор этимологически связывает с именем боярина Епифана Кореева, упомянуемого как посла князя Олега Рязанского к литовскому князю Ягайло и хану Мамаю в Летописной повести, которая рассказывает о событиях 1380 г. Ее создание исследователи относят к 1480–

1490-м гг. (XV в.). В более ранней, краткой, редакции летописной повести имени посла нет, так же как в более поздних списках и в разных редакциях Сказания о Мамаевом побоище. Возведение крепости Епифань датируется 1566–1567 гг. [Козлов 2019, с. 36]. Столь серьезное расхождение сопоставленных дат и событий вызывает сомнения этимологической связи имени боярина и топонима «Епифань». Однако посыл автора к дальнейшим краеведческим поискам в данном случае представляется очень заманчивым. Кстати, таких в данной главе и вообще в книге содержится немало. Интересен и второй раздел главы – сжатый историографический очерк о смуте в Епифанском уезде начала XVII в., в котором нашли приют поддерживавшие очередного пропольского Лжедмитрия смутьяны из казачьей среды. В следующем за ним разделе, о разрастании поместного землевладения и постепенном закабалении крестьянства, нарастание помещичьей кабалы не только научно обосновано, но и одновременно отображено в художественно-образной форме. В частности, ярким описанием представлена, видимо, типичная для XVII в. фигура стольника Безобразова [Козлов 2019, с. 75–79] с его методами управления хозяйством вотчины и крепостными.

Последний раздел главы посвящен поискам истоков родового гнезда – поселения Горки, «откуда есть пошла и стала быть» его родная земля и род Козловых. Довольно-таки «глухие» сведения об этом относятся к концу XVII – XVIII в. и оцениваются автором по-гамлетовски вопросительно: «быль или небыль», попутно ему удастся убедительно показать многие «кирпичики» основания крестьянского труда, быта и формирования менталитета.

Завершается глава оценочной таблицей показателей состояния крестьянской жизнедеятельности, о которой велась речь выше. Поскольку таблица является начальной для последующих таблиц сравнения, в ней устанавливаются усредненные показатели экспертной оценки по 10-балльной системе, т. е. присвоение 5 баллов каждому показателю при условии возможности их уменьшения или увеличения в пределах от 0 до 10 в дальнейшем, для определения по сумме 10 показателей улучшения или ухудшения крестьянской жизни по отношению к уровню XVII в. [Козлов 2019, с. 96].

Присвоенная в первой таблице величина каждому из 10 показателей 5 баллов, в сумме $\Sigma=50$, считается условной, полученной умозрительно логическим путем, а не в результате каких-либо экспертных расчетов, что не исключает возможности ошибочной оценки здесь и в дальнейшем. Определенной страховкой от этой вероятности эксперту, в данном случае автору, служит то, что экспертной оценке подвергается не один, скажем даже суммарный (итоговый), а совокупность (10) показателей. Экспериментально это проверяется по итогам обзора таблиц других глав книги.

Во второй главе «Епифанское крестьянство под пьедесталом имперского величия России в XVIII в.» рассматриваются поставленные ранее задачи изучения крестьянской жизни в условиях сложившегося в России абсолютизма монархической власти.

Даже природно-климатическая среда изучаемого региона претерпела существенные изменения под управляющим воздействием монарха, пытавшегося реализовать амбициозный проект создания флота для борьбы с Османской империей за доступ к Черному морю. Реализовать полностью строительство Ивановского судоходного канала не удалось. Тем не менее регион, и Епифань в частности, на определенное время были включены в орбиту этого «грандиозного» предприятия, получив дополнительные импульсы расширения хозяйственной деятельности и стимулы развития. Картина эта представлена широким полотном и аргументирована множеством разных и весьма интересных статистических таблиц, заслуживающих специального внимания. Обратимся только к некоторым из них. В таблице приведены сведения о численности Тульской губернии, отразившей непрерывный рост на протяжении всего XVIII в. численности населения, увеличившегося более чем в 1,8 раза [Козлов 2019, с. 108]. Подавляющую часть его составляло крестьянство, к концу века насчитывавшее почти 93%, в том числе около 80% – крепостное (в данных обо всем населении губернии за 1782 г. обнаруживается опечатка – пропуск цифры).

В структуре крестьянского населения уезда основной компонент представлен помещичьими крестьянами, что видно из табл. 5 [Козлов 2019, с.109], а состав двора характеризуется там же показателем 10,2 человека, значительно выше, чем в XVII в.

Вызывает любопытство и демографическая статистика (табл. 6 – с. 110), отражающая возрастную ситуацию среди жителей Епифанского уезда, понятно, крестьян, на конец первой четверти XVIII в.

Согласно оценке автором трудоспособного возраста (от 16 до 60 лет), в таком возрасте находилось больше половины жителей и, следовательно, они могли прокормить остальных «по тогдашним меркам», что на первый взгляд воспринимается вполне оптимистично еще и потому, что значительную часть статистики составлял подрастающий резерв трудоспособных (до 15 лет), почти 10 тыс. человек, т. е. около половины жителей.

Однако из анализа данных той же таблицы можно сделать вывод, что средняя продолжительность жизни большинства не превышала 50 лет. До преклонного возраста (от 60 до 90 лет) удавалось дожить немногим (не более 5%), а возрастная группа 50–60 лет составляла всего 6–7%. И это уже не вызывает положительных эмоций. Кстати, косвенно это подтверждается архивными документами

и рассуждениями автора о судьбе одного из своих предков – Родиона Савельевича Козлова (с. 188), близкого к 50-летию, и Ефима Родионовича, прожившего 48 лет [Козлов 2019, с. 188–189].

Отдельные таблицы содержат лишь отрывочные сведения (табл. 7, 8, с. 111–112) о росте населения Епифанского уезда, но они позволяют вести наблюдения особенностей устройства крестьянской жизни в уезде, распределения земельной собственности, ее использования.

Значительная часть главы освещает судьбы епифанского дворянства XVIII в., рассмотренные под углом зрения земле- и душевладения. В ней выявлены и убедительно представлены разные системы хозяйствования на Епифанской земле, из которых главными названы барщинная и оброчная. Рассмотрены причины и условия их появления, а также экономические основы крепостного крестьянского хозяйства, дифференциация земельных владений, рост числа «дворянских гнезд», формы организации управления с конкретными примерами оценки эффективности и, наоборот, неэффективности до разорения.

Немалое место в главе отведено анализу протестного движения крепостного крестьянства, сопротивлению помещичьему гнету и, в частности, описанию событий, связанных с восстанием под предводительством Пугачева.

Заключительная часть главы содержит резюме об условиях жизни крестьянской семьи на примере предков из рода В.П. Козлова, Родиона и Ефима, а также сводную сравнительную таблицу показателей жизни на основании собственной авторской экспертной оценки [Козлов 2019, с. 198]. Из таблицы проистекает вывод о регрессе крестьянской жизни в XVIII в. по отношению к XVII в., особенно по показателю «степень свободы» (–4) и, очевидно, связанному с ним показателю «реального участия в жизни общины...» (–1). Колебания в оценках некоторых других показателей противоречивы, вызывают сомнения и вопросы, но они незначительно сказываются на общих результатах и выводах экспертной оценки, которую, по-моему, следует признать объективной.

В третьей главе книги содержится анализ большого исторического материала по выдвинутым в исследовании задачам, относящийся к дореформенному периоду, т. е. до начала 60-х гг. XIX в. Основной источниковый материал разделов главы составили документы архивных фондов РГАДА, ГАТО (Госархив Тульской области) и РГВИА. Впервые привлеченные, они позволили исследователю осуществить глубокий анализ условий жизни крестьян предреформенной России и их эволюцию за более чем полувековой период. Начатый с характеристики природно-климатических изменений, определенно первичных для крестьянской жизнедеятель-

ности, анализ показал воздействие на результаты сельскохозяйственного труда и их зависимость от погоды, нередко приносившей неурожаи и связанные с этим другие бедствия. За первые полстолетия XIX в. неурожаи случались 17 раз, причем некоторые дважды и трижды, а один раз даже четыре года подряд [Козлов 2019, с. 201]. Помимо повторяющихся неурожаев бедствия несли нередкие эпидемии (не ко времени упомянуто, потому что рецензенту как раз сейчас приходится укрываться от напасти в установленном полукарантине – самоизоляции от коронавируса) и еще более испытания частыми войнами, разорительными для крестьян не только от рекрутских наборов, но и от многочисленных ополчений и трудовых повинностей, включая транспортно-подводные, растянувшиеся от Епифани до западных губерний (Витебск, Вильна). При этом автору удалось показать историю событий, отразившихся на крестьянстве, правдиво, без прикрас и ура-патриотических преувеличений в отношении антинаполеоновских войн начала XIX в., Отечественной войны 1812 г., затянувшихся войн с Турцией в Причерноморье и на Кавказе, а затем Крымской войны. Что касается последней, то она, как и война 1812 г., легла на плечи епифанского крестьянства тяжелым бременем, обострив внутриобщинные противоречия в деревне. Изменились в сторону сокращения многие сельскохозяйственные показатели. Не станем их здесь приводить: все они подкреплены анализом сведений, почерпнутых из архивной документации, и иллюстрированы неоспоримыми историческими фактами и образными примерами.

Очень интересным и познавательным является последний раздел главы о д. Горки и семействах крестьян Козловых первой половины XIX в. Живописно, ясно и популярно представлены описания различий и тех или иных преимуществ крестьянского «оброка» и «барщины», понятия «тягла» и многих иных терминов, относящихся к аграрной истории. Колоритно представлены и фигуры крестьян рода Козловых, истории воинов-рекрутов из их числа, а также судьбы помещиков-землевладельцев округа д. Горки и других поселений. Когда читал, немало поражался, до чего же именами и судьбами Козловы в епифанских Горках Тульской губернии похожи на моих сибирских предков – крестьян из Омской губернии. Вот при описании находки за обрешеткой погребца боевой шпаги, будто бы принесенной из Крымского похода кем-то из предков, упоминается Сергей Емельянович (Козлов, 1900 г. р.), полный тезка моего отца (С.Е. Мингалев, 1911 г. р.). Кстати, подобный пример находки холодного оружия, шашки польского кавалериста, припоминаю и из своего детства.

Теперь несколько слов о заключительной сводной таблице экспертной оценки показателей крестьянской жизни (с. 396). Сум-

марные ее итоги мало чем отличаются от аналогичных сведений XVIII в., да и исходного для расчетов XVII в. Прогресс оценен разницей в 3–4 единицы в сторону снижения, т. е. регресса, свидетельствуя о длительной стагнации жизнедеятельности крестьянства Епифанского уезда. Но, может быть, это показатель стабильности жизни русского крестьянства? Тогда почему так низок показатель «степени свободы» по отношению к XVII в. (1 – XVIII в., 2 – XIX в. – против 5 в XVIII в.)?

О главе 4 «Покушение под пьедестал: крепостное право в общественном сознании России в XVIII – конце 50-х годов XIX в.» наше впечатление было изложено ранее, при анализе структуры книги. Оно сводится к тому, что выделение данного раздела в самостоятельную главу является недостаточно обоснованным по структурно-логическим соображениям. Что касается ее содержания, то к нему никаких претензий нет. Глубина, новизна, оригинальность изложения материала в ней очевидны и заслуживают всяческого одобрения, вне зависимости от сравнительно небольшого объема и структурного размещения. Особо привлекательно наличие в нем местного, именно «епифанского» элемента, в частности «Бибиковского проекта» реформирования землевладения, противостоящего «чернскому проекту». Различия проектов в подробностях проанализированы в рецензируемой книге.

Глава 5 «Не состоявшееся состояние» освещает реформу крестьянской жизни 1861 г., связанную с отменой крепостного права, и ее проведение в Епифанском уезде Тульской губернии, констатируя ее противоречивость и замедленный ход, длившийся до конца XIX столетия с переменными и половинчатыми результатами в землевладении и землепользовании. На этот счет глава содержит серьезную подборку множества аналитических и иллюстративных, главным образом статистических, таблиц, снабженных пояснениями и убедительными примерами, рассуждениями и выводами. Неспешность проводимых реформ в определенной мере способствовала радикализации отношения к ней в российском обществе, отразившегося в убийстве главного реформатора – царя Александра II и появлении народников и их подпольных организаций. На таком, обобщенно, фоне в главе далее рассматриваются, как и в предыдущих, природно-климатические и другие связанные с ними условия жизни крестьян Епифанского уезда, зачастую свидетельствующие о кризисном их состоянии, что подтверждается также генеалогическими изысканиями автора и жизнеописанием им длинного ряда представителей своего крестьянского рода, проживавшего в семейном гнезде д. Горки. Некоторые из них вынуждены были в конце XIX в. заниматься отходничеством, находясь на заработках в Москве.

Оценивая в конце главы показатели жизнедеятельности по своей экспертной системе, автор пришел ко вполне логичным выводам по сумме показателей об их повышении за полу столетие к началу XX в. на 9 баллов, что можно расценивать как достаточно быстрый их рост по отношению ко всем предыдущим периодам. Представленная в главе табл. 67 [Козлов 2019, с. 570] содержит достаточно убедительные пояснения к каждому показателю, чего так не хватало в других главах.

Последняя, 6-я глава «Сильнее гнева: Елифанский край между двумя революциями» охватывает исторический период 1900–1917 гг., в котором аграрный вопрос приобрел еще большую, чем прежде, остроту, проявляясь в нарастающем протестном движении в борьбе крестьян за землю, в том числе через крайние меры поджогов и пускания «красного петуха». Половинчатые реформы, включая столыпинскую, утихомирить крестьянскую стихию уже не могли. Войны, русско-японская, а затем Первая мировая, ее только усиливали. Нарастало и социальное расслоение крестьянской среды. Наблюдения, аргументы, выводы и результирующие рассуждения в этой главе, как и в предыдущих, подкрепляются многочисленными статистическими таблицами (№ 68–92) и просто цифровыми количественными показателями, основанными на архивных документах. Убедительность аналитическому описанию в главе ситуации начала 1900-х гг. придает обращение автора в нем и к своей семейной истории д. Горки.

Сводная таблица (93, с. 690) экспертных оценок показателей жизни крестьян Елифанского уезда, содержащая данные всего лишь за 1900–1917 гг., т. е. менее чем за 20 лет, свидетельствует о значительном прогрессе (на целых 10 баллов) по отношению к предыдущему 40-летнему периоду, в котором сумма составляла 57 баллов. К сожалению, на этот раз комментарии к таблице ограничиваются парой констатирующих фраз.

Книга имеет заключение, представляющее собой сжатый очерк общих итогов большой исследовательской работы по истории крестьянства России со второй половины XVI до начала XX в.

В отличие от других столь же капитальных, фундаментальных исследований по аграрной истории России, выполненных в разные годы известными учеными в ракурсе общероссийского, т. е. макроуровневого историко-экономического, историко-правового и социально-политического подходов (П.А. Зайончковский, И.Д. Ковальченко и др.), монография В.П. Козлова (ее первая часть), являясь столь же фундаментальной, как труды названных авторитетов исторической науки, убедительно показала широкие возможности решения аналогичных задач при историко-региональном, т. е. «микроуровневом», подходе к исследованию крупных проблем аграрной

истории, локализованных временным периодом, регионом, социальной группой; в конкретном данном случае – Епифанским уездом Тульской губернии, его поселениями в частности д. Горки, их населением, крестьянской семьей.

Конечно, масштабы и результаты проделанной В.П. Козловым исследовательской работы выводят ее за ограничительные рамки исторического регионоведения, позволяя считать ее значительным и долговременным достижением исторической науки, особенно по ее аграрному направлению – истории крестьянства России. И это позволяет мне высказать предложение автору набраться дополнительных сил и желания подготовить сокращенный научно-популярный вариант своей фундаментальной работы в историко-краеведческом ключе. Думается, что такая книга была бы встречена с не меньшей благодарностью массовым читателем, чем уже осуществленное издание, вторую часть которого ждем с нетерпением.

Литература

Козлов 2019 – Козлов В.П. «Убратъ в историю...». Крестьянский род и поселение Тульского края в XVI–XX веках. Часть 1. Конец XVI в. – 1917 г. М.: РГГУ, 2019. 705 с.

References

Kozlov, V.P. (2019), “*To go down in history...*” *The peasant lineage and the settlement in the Tula province in the 16th–20th centuries*, Part 1. The end of the 16th century – 1917, RSUH, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Валерий С. Мингалев, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; marbashev1@gmail.com

Information about the author

Valerii S. Mingalev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities; Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; marbashev1@gmail.com

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
Н.К. Егорова

Компьютерная верстка
М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 09.09.2020.

Формат 60×90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 8,8. Усл. печ. л. 9,9.

Тираж 1050 экз. Заказ № 934

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8(499) 973-42-06